

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
Южно-Российский государственный технический университет
(Новочеркасский политехнический институт)

С.Д. Багдасарян, А.П. Скорик

**КРЕСТЬЯНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
ЭПОХИ НЭПА:
досуг и праздник в южно-российской деревне
в 1920-е годы**

Ответственный редактор:

*доктор исторических наук, профессор
В.А. Бондарев*

Новочеркасск
Лик
2012

УДК 94(470.6)"1920"
ББК 63.3(2)613(235.7)
Б 14

Рецензенты:

доктор исторических наук, доктор политических наук,
профессор *А.В. Баранов*;
доктор исторических наук, профессор *Т.А. Булыгина*;
действительный член РАЕН,
доктор исторических наук, профессор *С.Н. Полторак*

БАГДАСАРЯН С.Д., СКОРИК А.П.

Б 14 Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы: монография / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т (НПИ). – Новочеркасск: Лик, 2012. – 239 с.
ISBN 978-5-9947-0297-0

В работе рассматриваются фрагменты повседневности южно-российской деревни 1920-х годов, кратко описываются предшествующие этому историческому времени социально-экономические и культурно-бытовые процессы, раскрываются трансформации досуга и праздничной культуры в русле осуществления новой экономической политики, начиная с момента установления политического господства партии большевиков и вплоть до отказа от базовых принципов нэпа.

Содержание работы будет представлять интерес для профессиональных историков, занимающихся теоретическими и прикладными проблемами исторической повседневности, а также всех, неравнодушных к вопросу о путях и способах преобразований в южно-российской деревне, поскольку в той же мере это и вопрос о моделях модернизации России.

УДК 94(470.6)"1920"
ББК 63.3(2)613(235.7)

ISBN 978-5-9947-0297-0

© Багдасарян С.Д., 2012,
© Скорик А.П., 2012.

ВВЕДЕНИЕ

Согласно ставшему афоризмом выражению Ф. Энгельса, «труд создал человека». Вряд ли возможно усомниться в справедливости этих слов и оспорить выдающуюся роль производственной деятельности в процессе развития человеческого общества. Ведь, без преувеличения можно говорить о том, что все элементы окружающей нас социальной реальности, от подошв нашей обуви до вращающихся по земной орбите космических спутников, есть продукт труда, овеществляющего творческие замыслы.

Вместе с тем, бесспорно и то, что в жизни находится место не только труду, творчеству, многообразным и нескончаемым домашним заботам, но также досугу и празднику. Отдыхновение от забот представляет собой неременную часть повседневной жизни, без которой эта самая жизнь столь же немыслима, как и без труда. Да и, чего греха таить, досуг зачастую представляется гораздо более желаемым, чем труд: достаточно вспомнить русские сказки, отражающие ценности и предпочтения народа, в частности, всем известное повествование о Емеле и щуке.

Помимо своей вечной притягательности, досуг и, в особенности, праздники выполняют социально значимые функции, содействуя культурной самоидентификации членов того или иного социума и, как следствие, его укреплению. Праздник как неотъемлемый

компонент культуры представляет собой немаловажное средство поддержания и упрочения единства народа, осознания им собственной уникальности, непохожести на соседей. Интегративные функции праздника (а, в более широком плане, – всей культурной традиции) приобретают особое значение в переломные для общества времена, когда его целостность находится под угрозой. Сегодня, когда человечество переживает весьма неоднозначные процессы глобализации, объединяющее значение культуры (в том числе, и праздничной) велико как никогда, что актуализирует задачу ее сохранения, популяризации и, следовательно, – научного изучения.

Хотя традиционная культура подобна корням, питающим эволюцию общественного организма и создающим ему прочную основу в изменчивом мире, она не является навеки неизменной данностью и трансформируется вместе с иными сферами жизнедеятельности социума под влиянием, как внутренних механизмов саморазвития, так и внешних факторов или, иными словами, – контактов с другими народами. Причем, помимо естественного развития (которое современники нередко склонны драматизировать, говоря о гибели традиций и размывании под влиянием чуждых новаций культурного и ментального базиса нации), культура, равно как и сфера повседневности, и общественной психологии, и пр., может подвергаться быстрым и радикальным революционным преобразованиям, нацеленным на полное искоренение старого и насаждение нового, даже путем насилия над людьми. Нет нужды доказывать, что история России весьма богата подобными потрясениями, будь то реформа патриарха Никона и вызванные ею церковный раскол, вестернизация Петра I или советская модернизация, в рамках которой были предприняты наиболее масштабные, последовательные и решительные меры по коренному изменению культуры, быта, всего жизненного уклада населения нашей страны, по созданию нового общества и нового человека.

Оглядываясь сегодня на советский этап исторического пути России, можно уверенно утверждать, что результаты большевистских инициатив по преобразованию культуры (в том числе и праздничной), повседневности (в том числе досуга), сознания общества были более чем значительны. Тем не менее, советская модернизация, несмотря на присущий ей радикализм, оказалась не способна полностью изменить сферу культуры и быта (в частности, досуга). Сформированные в ходе этой модернизации культурные и бытовые новации вытеснили многие, но далеко не все досоветские аналоги, сосуществовали с ними и, более того, нередко оказывались менее жизнеспособны, чем традиционные формы празднования различных знаменательных дат и организации отдыха.

Отчасти подобное объяснялось тем, что «изменить общественный строй оказалось куда проще и быстрее, чем поменять уклад жизни миллионов граждан такой необъятной страны, как Россия».¹ Кроме того, коммунизм в его российском варианте, несмотря на присущее сторонникам данной идеологии активное отрицание «проклятого прошлого», был порождением досоветской действительности и уже изначально содержал в себе массу устойчивых традиционных социально-психологических и социокультурных доминант, которые, пусть и в видоизмененной форме, продолжили существовать во времена СССР. Здесь нельзя не согласиться со справедливым утверждением В.В. Глебкина о том, что «мировосприятие людей, которые начинали строить новую культуру, было сформировано русской традицией, и поэтому они действовали в русле этой традиции, даже отрицая ее (произнося вместо *А не-А*, а не *В*, никак с *А* не связанное)».²

Рассматривая социокультурное поле советской эпохи в попытке вычленить как традиционные, досоветские, так и новые,

¹ Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник. 1997. – М., 1998. С. 287.

² Глебкин В.В. Ритуал в советской культуре. – М., 1998. С. 69.

созданные в рамках этой эпохи элементы культуры и быта, логично анализировать не только последние десятилетия существования СССР, но и начальные этапы его становления. Именно в первые десятилетия существования советской власти соседство культурных и житейских традиций и новаций, впоследствии переросшее в синтез, проявлялось наиболее выпукло и зримо, что облегчает задачу их научного анализа. С точки зрения историка, при изучении трансформаций культуры и повседневности в Советской России наиболее интересным и многообещающим выступает период нэпа, когда большевики еще только начинали создавать новое общество в соответствии с собственными идеологическими постулатами. Как говорил в апреле 1926 г. член Президиума ЦКК А.А. Сольц, «мы только что начали создавать [новый] быт, за которым, по определению Маркса, должно последовать [новое] сознание»,¹ так что в данное время «приметы нового и старого постоянно сталкивались в повседневной жизни».² В процессе исследования культурно-бытовых трансформаций в Советской России эпоха нэпа предоставляет чрезвычайно информативные, репрезентативные и, без преувеличения, поистине уникальные материалы, в связи с чем хронологические рамки настоящей монографии ограничены 1921 – 1929 годами.

Поставив перед собой цель проанализировать модернизацию сфер праздника и досуга в Советской России 1920-х гг., мы оставили за пределами исследования «социалистический город», сосредоточив внимание на доколхозной деревне, а именно, – на селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополя как традиционно аграрных регионов. Выбор деревни и крестьянства в качестве предметов нашего исследования отнюдь не случаен и обусловлен

¹ Доклад А.А. Сольца на собрании юнкоров газеты «Молодой ленинец» 24 апреля 1926 г. // Молодой ленинец. 1926. 28 апреля.

² Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник. 1997. – М., 1998. С. 287.

весьма фрагментарным освещением в исторической литературе культурно-бытовых трансформаций в сельской местности СССР 1920-х гг. Еще современники эпохи нэпа констатировали: «если город у нас рос перед глазами, и мы в нем замечали каждый факт внедрения нового быта, то деревня, особенно отдаленная от железнодорожных путей – вне поля нашего зрения».¹ Подобное отчуждение партийно-советских деятелей, а затем и ученых, от сельских мотивов исторической действительности объяснялось, в первую очередь, особенностями большевистской идеологии. Если промышленный пролетариат и, в целом, горожане, представлялись большевикам важнейшими элементами их социальной базы и ведущей силой «строительства социализма», то доколхозная деревня представала как зона господства «мелкобуржуазных элементов», затруднявших модернизацию. Коммунистические новации возникали и укоренялись, прежде всего, в городе, а не в деревне, что соответствующим образом отражалось в исследовательских проектах, львиная доля которых посвящалась осмыслению преобразований праздничной культуры и досуга советских горожан, но не крестьян. Эти тенденции, отличавшие общесоюзную (общероссийскую) историографию, в полной мере характерны и для историографии региональной, южно-российской.

На протяжении 1920-х гг. было издано немало работ, посвященных различным вопросам бытия доколхозных сел и станиц Дона, Кубани, Ставрополя. Однако, в полном соответствии с положениями марксизма, выступавшего в качестве теоретического фундамента общественных наук в СССР, в этих работах анализировались те или иные аспекты социально-экономических и социально-политических процессов на селе: восстановление и развитие сельского хозяйства и отдельных его отраслей, имущественная дифференциация крестьянства, формирование коалиции бат-

¹ Л.В. Среди книг // Молот. 1924. 5 сентября.

раков, бедняков и середняков под руководством низовых партийно-советских работников для борьбы с «кулачеством», и т.п. Вопросы сельской повседневности и, в том числе, проведение праздников и организация досуга в селах и станицах Юга России не привлекали сколь-нибудь пристального внимания представителей региональной ученой корпорации и практически не освещались в специальных работах.

Как правило, такого рода вопросы лишь затрагивались в издававшихся в 1920-х гг. исследованиях общего плана. Например, в работе И.М. Клейнера о положении и деятельности кубанских хлеборобов содержались частные упоминания о модернизации и, так сказать, «советизации» крестьянского досуга в результате осуществления большевиками культурно-просветительных и агитационно-пропагандистских мер.¹ В 1925 г. сотрудники Донской окружной контрольной комиссии (ДонКК) и окружной Рабоче-крестьянской инспекции (ДонРКИ), обследовавшие два района округа, – Багаевский и Семикаракорский, – опубликовали обзорную работу «Лицо донской деревни». Здесь, помимо стандартного освещения экономического развития указанных сельских районов, социального расслоения в местных селах и станицах, устройства и деятельности учреждений, организаций, общественных объединений, рассматривались также быт молодежи и меры, позволявшие осовременить времяпрепровождение селян, – политпросветработа, обеспечение функционирования изб-читален и библиотек.² В книге «Как живет и чем болеет деревня» содержались сюжеты о таких неприглядных формах заполнения досуга, как пьянство и случайные половые связи, выступавшие причинами соответствующих заболеваний.³

¹ Клейнер И.М. Действительность кубанской станицы. – Краснодар, 1924.

² Лицо донской деревни. – Ростов н/Д., 1925.

³ Как живет и чем болеет деревня (По материалам комиссии по обследованию деревни на Юго-Востоке). – Ростов н/Д.; М., 1924.

Игнорирование исторической повседневности и, в том числе, таких ее аспектов, как досуг и праздник в деревне, представляло собой устойчивую тенденцию южно-российской (да и общероссийской, общесоюзной) историографии и на протяжении последующих десятилетий, вплоть до заката советской эпохи. Единичные упоминания о культуре и быте земледельцев Дона, Кубани и Ставрополья в 1920-х гг. содержались в различных монографиях, диссертациях, публикациях,¹ а также в коллективных трудах, посвященных рассмотрению исторического пути населения перечисленных южно-российских регионов.² В основном, исследователи обращали внимание на материальное положение крестьянства, снабжение деревни газетами и литературой, расширение сети культурно-просветительных центров (изб-читален, библиотек) и т.п. Попытки создать целостную картину исторической повседневности донских, кубанских, ставропольских земледельцев эпохи нэпа не предпринимались. Не наблюдалось и работ, посвященных различным аспектам праздничной культуры и досуга жителей сел и станиц Юга России 1920-х гг.

¹ См., например: Котельников В. Дон. Кубань. Терек. – М., 1950; Бондарь А.Ф. Донская областная партийная организация в борьбе за хозяйственное и культурное строительство в конце интервенции и Гражданской войны (1920 – начало 1921 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1961; Голубев М.И. Проведение в жизнь аграрных законов Советской власти на Дону в 1920 – 1925 гг. – Ростов н/Д., 1967; Ленинский путь донской станицы / Под ред. Ф.И. Поташева, С.А. Андропова. – Ростов н/Д., 1970; Овчинникова М.И. Советское крестьянство Северного Кавказа (1921 – 1929 гг.). – Ростов н/Д., 1972; Щетнев В.Е. Кубанская станица до коллективизации сельского хозяйства // Великий Октябрь и первые социально-экономические преобразования на Кубани. Сб. статей. – Краснодар, 1974; Абрамова П.Ф. Деятельность партийных организаций Северного Кавказа по вовлечению трудящихся женщин в социалистическое строительство в период построения фундамента социализма (1926 – 1932 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1976.

² Очерки истории Ставропольской организации КПСС. – Ставрополь, 1970; Очерки истории партийных организаций Дона. Ч. 2. 1921 – 1971 гг. – Ростов н/Д., 1973; Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Изд. 2-е, доп. – Краснодар, 1976; Дон советский. Историко-экономический и социально-политический очерк / Под ред. А.И. Козлова. – Ростов н/Д., 1986; Очерки истории Ставропольского края. Т. 2. С 1917 года до наших дней. – Ставрополь, 1986.

Только в постсоветский период, в связи с произошедшими в это время радикальными сдвигами в методологии и существенным расширением поля научного поиска вследствие усиления внимания к исторической антропологии, истории повседневности и ментальности, южно-российские историки, как и их коллеги из других регионов нашей страны, заметно активизировали усилия по исследованию повседневной жизни сельского населения эпохи нэпа. Различные аспекты повседневности (в том числе, праздничной культуры и досуга) крестьянства Дона, Кубани, Ставрополя 1920-х гг. неоднократно освещались и анализировались в обзорных исследованиях,¹ монографиях, диссертациях, публикациях,² среди которых отдельной группой выступают работы, посвященные описанию развития отдельных районов или сельских населенных пунктов Юга России.³ Анализ этих работ позволяет ут-

¹ История Кубани. XX век. Очерки / Под общ. ред. В.Е. Щетнева. – Краснодар, 1998; Край наш Ставрополье: Очерки истории / Науч. ред. Д.В. Кочура, В.П. Невская. – Ставрополь, 1999.

² См., напр.: Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921 – 1929 гг.). – СПб, 1996; Его же: Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. – Краснодар, 1999; Абрамова И.Е. Социально-экономическое развитие донской деревни в условиях новой экономической политики (1921 – 1927 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. – зерноград, 2000; Булгакова Н.И. Сельское население Ставрополя во второй половине 1920-х – начале 30-х годов XX века: изменения в демографическом, хозяйственном и культурном облике. Дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2003; Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казачий Дон: очерки истории и культуры. – Ростов н/Д., 2005; Сердюкова Н.В. Государственная политика Советского государства в области религии в 1920-е гг.: На материалах Северного Кавказа. Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006; Белецкая Е.М. Фольклор станицы Червленной: память поколений (1890 – 1990-е гг.) // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Шестой Междунар. Кубанско-Терской конф. / Под ред. Н.Н. Великой, С.Н. Лукаша. – Краснодар-Армавир, 2008; Панкова-Козочкина Т.В., Тикиджьян Р.Г. Особенности создания идеологической платформы советской обрядности: «красные праздники» в казачьих станицах Юга России 1920-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2009. № 3. С. 83 – 89.

³ Панфилец В.К. Кубанская станица. – Краснодар, 1993; Забегайлов Г.И. Земля, на которой живешь. – зерноград, 1994; Рыбалкин А.Ф. История станицы Багаевской. – Ростов н/Д., 1998; Харченко А., Харченко В., Кистерев А. Между Илем и Шебшем. – Краснодар, 1998; Криводед В.В. История села Львовского на Кубани. – Краснодар, 2002; Аксайский район. История и современность. – Ростов н/Д., 2004; Калмацуй В.Д. Кривые хутора. Краеведческий художественно-документальный очерк. – Рос-

верждать, что, в противовес тенденциям советской историографии, для южно-российских историков-аграрников постсоветского периода (как и вообще для наших современников-ученых, изучающих прошлое Дона, Кубани и Ставрополья, в том числе и эпоху нэпа) характерно стремление к более детальному освещению исторической повседневности крестьянства, даже если такого рода сюжеты и не связаны напрямую с тематикой их работ.

Отдельного упоминания заслуживают исследования, посвященные непосредственно повседневной жизни населения Юга России (в том числе, и сельского) в 1920-х гг. Отметим здесь кандидатскую диссертацию Ж.О. Абреговой¹ и совместную монографию Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидиновой, Т.П. Хлыниной.² В этих работах, первая из которых посвящена осмыслению трансформаций сельской повседневности на Кубани в конце XIX – первой трети XX вв., а вторая, – анализу повседневной жизни советских людей в 1920-х – 1940-х гг., нашли отражение и некоторые сюжеты большевистской модернизации праздничной культуры и досуга южно-российского крестьянства эпохи нэпа.

Помимо вышеперечисленных трудов, необходимо отметить кандидатские диссертации О.В. Баевой, А.С. Бочкаревой, И.Г. Тажидиновой, С.Н. Шаповалова, предметом исследования в которых выступают различные аспекты культуры Дона и Кубани, а также политической агитации как своеобразной, но неотъемлемой части не только политико-идеологического, но и культурно-

тов н/Д., 2005; Шевченко В.В. Станица, сердцу дорогая. Историко-краеведческое повествование в 2-х частях. Ч. 2. – Ростов н/Д., 2005; Ратушняк О.В., Ратушняк Т.В. Станица на берегу Лабы (Исторический очерк станицы Некрасовской) // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края / Под ред. О.В. Матвеева. – Краснодар, 2006; Есаков П.Е. Станица Казанская: художественно-документальное повествование. – Ростов н/Д., 2008; Дейнега В.И., Кравченко В.Я. Семья Дейнегов: 200 лет на кубанской земле. – Новочеркасск, 2010.

¹ Абрегова Ж.О. Повседневная жизнь сельского населения Кубани (конец XIX – первая треть XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 2004.

² Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920 – 1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. – Ростов н/Д., 2011.

го пространства Советской России 1920-х гг.¹ С учетом избранной нами тематики отдельного упоминания заслуживает работа С.Н. Шаповалова, в которой проведен анализ трансформации праздничной культуры на Дону и Кубани в 1917 – 1991 гг. Помимо прочего, автор предпринял попытку рассмотреть и отдельные аспекты преобразований праздничной обрядности в донских и кубанских селах и станицах. В частности, он правомерно указывает, что в 1920-х гг. партийно-советское руководство в деревне целенаправленно стремилось вытеснить религиозные празднества не только новыми праздниками «красного» календаря, но и специфическими аграрными торжествами вроде Дня урожая.

Хотя активность постсоветских исследователей в значительной мере компенсировала крайне слабое внимание советских историков к вопросам сельской повседневности 1920-х гг. в целом и к наблюдавшимся в период нэпа трансформациям праздничной культуры и досуга южно-российского крестьянства, – в частности, все же следует констатировать факт отсутствия в региональной историографии специальных работ по интересующей нас тематике. Вопросы трансформации праздника и досуга в южно-российской деревне 1920-х гг. не получили освещения в отдельных работах, что, безусловно, ведет к отсутствию целостного взгляда на указанную проблему. В настоящей монографии нами предпринята попытка заполнить образовавшуюся в региональной историографии лакуну, сосредоточив внимание на следующих аспектах проведения празднеств и организации досуга в селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополья в период нэпа:

¹ Тажидинова И.Г. Художественная жизнь Кубани в 1920 – 1930-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 1997; Баева О.В. Культурная жизнь Донского края в 1920-е годы. Дис. ... канд. ист. наук. – Ростов н/Д, 2007; Бочкарева А.С. Политическая пропаганда и агитация партийно-советских органов власти на Кубани в 20-е гг. XX в. Дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2007; Шаповалов С.Н. Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917 – 1991 гг. (На материалах Краснодарского края и Ростовской области). Дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2011.

- мероприятия партийно-советского руководства по вытеснению религиозной праздничной обрядности на селе и замена такой праздниками советского календаря, а также специфическими аграрными торжествами, сконструированными с учетом большевистской идеологии и проводившимися в соответствии с новыми, коммунистическими, ритуалами;

- видоизменение в 1920-х гг. традиционных форм досуга в донских, кубанских, ставропольских селах и станицах, представлявшее собой результат, как целенаправленных мероприятий советской власти, так и естественной эволюции сельского уклада;

- возникновение и развитие в деревне Юга России совершенно новых форм досуга, таких, как прослушивание радиопередач, просмотр кинофильмов, посещение самодеятельных сельских театров, изб-читален, библиотек, клубов, «красных уголков» или домашнее чтение периодики и литературы;

- спорт и курорты как элементы крестьянского досуга на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920-х гг.;

- алкоголизм и хулиганство, представлявшие собой девиантные, но весьма распространенные формы сельского досуга в период нэпа, как на Юге России, так и по всему СССР.

Поставив перед собой задачу комплексного освещения праздничной культуры и досуга сельского населения Дона, Кубани, Ставрополья (которые в рассматриваемый период времени объединялись в границах сначала Юго-Восточного, а затем Северо-Кавказского краев), мы сконцентрировали внимание на русско-украинском крестьянстве, абстрагировавшись от казачества и жителей национальных анклавов Северного Кавказа. Культура и быт казачества, не говоря уже о кавказских горцах, армянах, греках и представителях других национальностей Юга России, в исторических границах нэпа сохраняли свое своеобразие и заметно отличались от повседневности так называемого иногороднего

крестьянства, что превращает казаков и иногородних (как и народы Кавказа) в объекты специального исследования. Именно донские, кубанские, ставропольские крестьяне как носители «локальной социальности»¹ в первую очередь притягивают наше внимание. Вместе с тем, в ряде случаев мы обращаемся и к культурно-бытовым традициям казаков и горцев Кавказа, поскольку сопоставление таковых с крестьянской повседневностью позволяет с большей четкостью понять своеобразие последней.

Источниковой базой настоящего исследования послужили, прежде всего, архивные материалы, сборники опубликованных документов,² а также периодика 1920-х гг. Работа опирается на документы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК), Центра документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО), Государственного архива Ростовской области (ГА РО). Среди использованных нами периодических изданий следует отметить весьма информативные журналы «Коммунистическое просвещение», «Красная нива», «Крестьянка», «Новая деревня», «Северо-Кавказский край», газеты «Безбожник», «Молодой ленинец», «Молот», «Крестьянская газета», и др. Тщательный критический анализ перечисленных источников позволил авторам получить значительный массив информации и на ее основе реконструировать такие важные аспекты исторической повседневности южно-

¹ Булыгина Т.А. «Говорящие источники»: Социальная история Ставрополя в измерениях «новой локальной истории» // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917 – 1929 годах. Сб. документов. – Ставрополь, 2009. С. 13.

² Коллективизация сельского хозяйства на Кубани. Сб. документов и материалов. Т. 1. 1918 – 1927 гг. – Краснодар, 1959; Восстановительный период на Дону (1921 – 1925 гг.). Сб. документов. – Ростов н/Д., 1962; Культурное строительство на Дону (1920 – 1941 гг.). Сб. документов. – Ростов н/Д., 1981; Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917 – 1929 годах. Сб. документов. – Ставрополь, 2009.

российского крестьянства 1920-х гг., как проведение праздников и организация досуга.

Мы избрали для нашего исследования фрагменты исторической повседневности, раскрывающие крестьянскую жизнедеятельность несколько с необычной стороны, чтобы понять всю глубину модернизационных процессов, происходивших в доколхозной деревне Юга России в 1920-е гг. Такой подход нуждается в раскрытии методологических оснований проводимого научного поиска, которые позволили выйти на логически завершенное авторское изложение избранной научной проблемы.

Константной моделью традиционной праздничной культуры в селах и станицах Юга России в 1920-х гг. предстает православная религиозная праздничная обрядность. Ее социокультурная устойчивость базируется на ряде оснований: традиционном агрокалендаре, выверенных столетиями представлениях о локальном крестьянском мире, эмоциональном восприятии крестьянином праздника, опосредованности праздника трудовой этикой, общинном взаимодействии крестьянства и др. Это и позволяет сохранить культурный архетип в обозначенный период.

Эволюция праздничной обрядности в 1920-е гг. для нас предстает, с одной стороны, как закономерный результат естественных процессов, протекавших в доколхозной деревне Юга России, а, с другой стороны, как телеологический процесс, настойчиво подталкиваемый многочисленными политико-культурными акциями властей по конструированию новой советской обрядности. Во втором случае основными культуртрегерами советских новаций выступали: сельские партячейки, комсомол, местные активисты, деревенская беднота, интеллигенция. Именно они обеспечивали замену религиозной праздничной обрядности праздниками советского календаря, а также сконструированными аграрными торжествами, с учетом большевистской идеологии и проводившимися по новым, коммунистическим ритуалам.

Мы в настоящем исследовании отграничиваем в исторической повседневности крестьянства Юга России праздничную обрядность и свободное времяпрепровождение, носившее в деревне сезонный характер, но от этого не изменяющий своего изначального предназначения. Эта область партикулярных интересов крестьян представляет отдельный предмет изучения, во многом объясняет крестьянский менталитет, раскрывает локальный микромир крестьянина. Так же, как и праздничную обрядность, мы делим крестьянский досуг на два смысловых блока: крестьянские традиции и советские новации. Избранный подход позволяет понять и осмыслить основные тенденции в трансформации крестьянского досуга. Мы исходим из того, что появление новых досуговых форм в целом позитивно сказалось на крестьянском мировосприятии и улучшило повседневную жизнь крестьян и казаков Юга России. Прослушивание радиопередач, просмотр кинофильмов, посещение самодеятельных сельских театров, изб-читален, библиотек, клубов, «красных уголков» или домашнее чтение периодики и литературы хотя и не могло благотворно не сказаться на исторической повседневности крестьянства Юга России, но в реальной жизни определенных коллизий избежать не удалось.

Отдельного рассмотрения, по нашему мнению, заслуживают спорт и курорты, которые довольно широко входят в крестьянскую жизнь. Они становятся мощными акторами культурного пространства доколхозной деревни и вводят крестьян в совершенно новый для них мир физических, моральных, эстетических и иных ощущений, даже в чем-то граничащий с миром идеальным, отчасти потусторонним. Дух и тело приобретают неожиданное насыщение энергией, радостью бытия, моральное удовлетворение от окружающей действительности. Впрочем, суровые реалии нэпа и здесь оказывали свое воздействие. Однако в историописании появление вот таких исторических красок значительно меняет наши представления об изучаемой исторической эпохе.

Как и любое человеческое сообщество, крестьянство Юга России в 1920-е гг. не смогло избежать негативных явлений в исторической повседневности. Представляя определенную совокупность исторических фактов о распространенности алкоголизма и хулиганства в южно-российской деревне, мы, тем не менее, не склонны изображать сельскую пастораль исключительно в черных тонах. Одновременно нельзя обойтись без того, чтобы уделить некоторое внимание довольно распространенным девиантным формам сельского досуга. Исторические источники убеждают, что в деревне встречалось множество девиаций вплоть до проституции со стороны самогонщиц, солдаток, вдов и некоторых иных категорий женщин. И здесь, с одной стороны, порой довольно трудно найти конкретно-фактический материал о таких антисоциальных явлениях, а, с другой стороны, они имели иные, нежели в городе причинно-следственные связи, и даже в определенной мере могли быть оправданы крестьянским сообществом.

Излагая свои методологические подходы в виде постулирования ряда изначальных тезисов, мы исходим из того, что в историографии еще не сложилось достаточного слоя исследовательской литературы, которая давала бы нам возможность от чего отталкиваться, занимать какую-то позицию по отношению к предшественникам, выбирать иные методологические конструкции. Мы не ищем каких-то отличий, скажем, в известной регионоведческой дилемме по сопоставлению крестьянства и казачества, хотя не и не проходим мимо. Для нас важно понять крестьянскую повседневность именно в разрезе досуга и праздничной обрядности.

Полагаем, что представленное исследование будет интересно и полезно специалистам в области аграрной истории, преподавателям и студентам вузов, учащимся, а также всем, кого привлекает история российского (в частности, южно-российского) крестьянства и прошлое Дона, Кубани, Ставрополья.

Очерк первый

Преобразование традиционной праздничной культуры в селах и станицах Юга России в 1920-х гг.

Несмотря на революционные потрясения начала XX в., уклад жизни российского (в частности, южно-российского) крестьянства к 1920-м гг. оставался преимущественно традиционным. Традиционализмом отличалась и праздничная культура, сохранявшая свою религиозность, православную обрядность (хотя и с элементами язычества, о чем, впрочем, крестьяне не имели представления), локальность, тесную связь с земледельческим циклом. К началу нэпа в деревне сохранялась значительная часть того великого множества праздников, которые существовали в досоветской России.

По имеющимся данным, к 1861 г. перечень праздников и выходных русского крестьянина включал в себя не менее 95 дней, плюс к этому еще некоторое количество официально неучтенных праздничных и послепраздничных дней (о том, как важны для русского человека дни отдохновения от прошедшего праздника, мы еще далее поговорим).¹ В пореформенный период численность праздников никоим образом не уменьшилась, о чем, в частности, свидетельствуют материалы такого политического образования, как Торгово-промышленная партия, образованная в 1905 г. и благополучно прекратившая свое существование в следующем году. Принимая свою программу, члены партии в одном из дополнений сочли необходимым с возмущением заявить о неприятии требования рабочих о введении 8-часового дня. Это требование, кипели от негодования промышленники, никак не может быть принято и признано основательным, потому что «вследствие религиозных потребностей нашего народа в России больше праздников, и число

¹ Миронов Б. Время – деньги или праздник? Трудовая этика российских крестьян // Родина. 2001. № 10. С. 63.

рабочих дней в России колеблется от 275 до 288 в год».¹ Если значительное количество праздников и выходных было у рабочих, находившихся под относительно плотным контролем работодателей, то, что говорить о приверженной традициям и жившей в отдалении от начальственных взоров деревне!

Как отмечает Б.Н. Миронов, «большое число праздников было результатом потребительского характера крестьянского хозяйства, целью которого было получение не прибыли, а пропитания».² Думается, данное утверждение вполне справедливо, но, вместе с тем, указывает лишь на одну из причин столь значительного (чуть ли не 30 % от общей продолжительности года) количества праздничных и выходных дней в российской деревне в досоветский период ее истории. Безусловно, тяжелый крестьянский труд отнимал у аграриев немало сил, вследствие чего, подчиняясь принципам «моральной экономики» (согласно которым, желаемым результатом трудовых усилий считался минимальный уровень потребления³), они с радостью отводили время разнообразным празднествам. Но, при этом, праздники играли в деревне и важную социальную роль, в чем заключалась другая причина их значительной численности.

По обоснованному мнению специалистов в области исследования русской деревни, праздники представляли собой действенное средство организации и упорядочивания сельской жизни, своеобразный комплекс методов укрепления социальных, межпоколенческих, индивидуальных связей, сплочения крестьянского «мира» и, в конечном счете, – залог стабильности сельского социума. В.И. Белов писал, что праздники придавали сельской жизни необходимый

¹ От Торгово-промышленной партии. Дополнение программы // Партии российских промышленников и предпринимателей. Документы и материалы. 1905 – 1906 гг. / Сост. В.Ю. Карнишин. – М., 2004. С. 143.

² Миронов Б. Время – деньги или праздник? Трудовая этика российских крестьян // Родина. 2001. № 10. С. 65.

³ См.: Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шанин. – М., 1992. С. 202 – 210.

ритм, который «...проявлялся во всем, формируя и цикличность», причем «ритмичным был не только дневной, суточный цикл, но и вся неделя. А сезонные сельхозработы, праздники и посты делали ритмичным и весь год».¹ Еще более четко по этому поводу выразился В.А. Бердинских, по словам которого «праздники перебивали монотонность будней, задавали жизни определенный ритм» и «как спицы в колесе, вращали привычное течение жизни, круг забот».² Тем самым, праздники выступали как своеобразная система координат цикличного течения сельской жизни. И, конечно, празднование тех или иных торжественных дат христианского календаря позволяло земледельцам не просто отдохнуть от тяжких трудов, но возвыситься над обыденностью, уделить время общению с родственниками и соседями, почувствовать, так сказать, вкус жизни.

Праздничная культура досоветской деревни была религиозной, в связи с чем перечень сельских празднеств строился в соответствии с церковным календарем. Обязательно отмечались великие христианские праздники: Пасха, Рождество Богородицы, Рождество Христово, Крещение Господне, День Святой Троицы, Покров Пресвятой Богородицы, и др. Из них наиболее значимыми для крестьянства (да, собственно, и для всего населения православной России) являлись Рождество Христово, Пасха, Троица. Широко праздновалась Масленица, языческие корни которой не помешали ей сохранить почетное место в православном календаре. Не менее важными являлись престольные праздники, посвященные тем святым или событиям истории христианства, в честь которых были названы церкви в тех или иных селах и станицах. Соответственно, престольные праздники были различны в разных селах, станицах, а также тяготевших к ним деревнях и хуторах. Отмечалась и масса мелких церковных праздников; да, собственно, каждое воскресенье

¹ Белов В. Лад и ритм // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. С. 229, 231.

² Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. – М., 2001. С. 78, 80.

для сельских жителей также являлось сродни празднику, ибо в это время работать считалось грехом. Впрочем, в воскресенье все зависело от конкретной ситуации и, если работу откладывать было никак нельзя (скажем, пахоту или сев), то крестьянский рационализм оказывался сильнее установлений церкви и традиции; достаточно здесь вспомнить известный сюжет, содержащийся в «Путешествии из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева.¹

В полном соответствии с церковной и мирской (сельской) традицией проходили и праздничные торжества. Религиозными компонентами праздников являлись церковные службы, крестный ход, водосвятие и т.п. Со своей стороны, крестьяне прилагали к праздничным мероприятиям угощения, прием гостей и походы в гости, народные гулянья. К празднику земледельцы облачались в самые нарядные одежды, специально прибереженные для таких случаев, готовили праздничный стол с мясными блюдами (мясо редко появлялось в крестьянском меню, причем соответствующие кушанья готовили далеко не ко всем праздникам, а лишь к наиболее важным), зазывали к себе родственников и соседей. На улице устраивались гулянья молодежи, нередко проводились кулачные бои. Непременным атрибутом торжеств был алкоголь, употребление которого, зачастую, переходило все границы и превращалось в повальное пьянство с неизбежными последствиями в виде бытовых конфликтов, мордобоя, массовых драк, которые для отдельных участников заканчивались иной раз летальным исходом. Неудивительно,

¹ В главе «Любани» А.Н. Радищев описал встречу с крестьянином, который пахал в воскресенье: «Ты, конечно, раскольник, что пашешь по воскресеньям? – Нет, барин, я прямым крестом крещусь, – сказал он, показывая мне сложенные три перста. – А бог милостив, с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья. – Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и в самый жар? – В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечером возим оставшее в лесу сено на господский двор, коли погода хороша; а бабы и девки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды... Как же ты успеваешь доставать хлеба, коли только праздник имеешь свободным? – Не одни праздники, и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет» (Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. – Петрозаводск, 1971. С. 44 – 45).

что после проведенных с размахом торжеств крестьянам приходилось тратить известное время еще и на «отдых от праздника».¹ Подобное было неизбежным, ибо, как говорили жители станицы Атаманской Кубанского округа Северо-Кавказского края в феврале 1928 г., после хороших посиделок и гуляний неизбежно наступало «праздничное похмелье»,² которое, разумеется, отнюдь не способствовало плодотворному труду.

Надо признать, что пьянство и влекомые им вышеописанные негативные явления, сопровождавшие сельские празднества, как по всей России, так и в ее южных регионах, вряд ли заслуживают оправдания и понимания. Вместе с тем, было бы изрядным преувеличением возводить эти явления в абсолют и говорить о деревенском празднике как о сплошном пьянстве, мордобое и разврате, игнорируя его социально-психологические и социокультурные функции. Между тем, большевистские пропагандисты, критикуя досоветскую праздничную культуру, впадали в крайности и огульно трактовали традиционные празднества как время активизации непривлекательных животных инстинктов населения: «пьянка, жратва, разгул, драки и хулиганство – вот чем ознаменовались все церковные праздники».³ Здесь, собственно, следует перейти к рассмотрению мероприятий, проводимых в 1920-х гг. лидерами компартии и властными структурами РСФСР и СССР (в частности, партийно-советским руководством на Юге России) с целью искоренения традиционной праздничной культуры крестьянства и замены таковой на новые ритуалы, основанные на коммунистической идеологии и утвержденные новой властью.

Расценивая религию как «опиум для народа» и не без оснований видя в ней серьезного конкурента пропагандируемому ими марксистско-ленинскому учению (которое, как известно, и само

¹ Миронов Б. Время – деньги или праздник? Трудовая этика российских крестьян // Родина. 2001. № 10. С. 63.

² М. Если разъяснить // Молот. 1928. 17 февраля.

³ И.Г. День урожая // Новая деревня. 1927. № 20. С. 1.

вскоре приняло черты религиозной доктрины со своими непреложными догмами, богом-отцом, богом-сыном и штатом святых), большевики поставили своей целью создание светского государства. В Конституции РСФСР 1918 г. (гл. 5, п. 13) отмечалось: «в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».¹ В гл. 13, п. 65г Конституции позиция советского государства по вопросу религии и церкви уточнялась: здесь указывалось, что к числу лиц, не могущих избирать и быть избранными в советы (то есть к числу лишенцев, – юридически неполноправной категории в РСФСР и СССР) относились, помимо живущих на нетрудовые доходы, прибегающих к наемному труду и пр., еще и «монахи и духовные служители церковных и религиозных культов».² После ознакомления с данным пунктом Основного закона Советской России даже благодушные идеалисты легко бы догадались, что в «пролетарском» государстве дела со «свободой религиозной пропаганды» обстоят вовсе не так замечательно, как о том говорилось в гл. 5 того же документа, и что большевики рассматривают религию и церковную организацию как враждебные себе силы, обреченные на уничтожение.

Добавим, что недоброжелательное внимание советской власти привлекали не только монахи и священнослужители, но и те крестьяне, которые принимали активное участие в деятельности сельских храмов в качестве церковных старост, псаломщиков, и пр. В отличие от лиц духовного звания, крестьяне-активисты могли и сохранить за собой избирательные права, не всегда превращаясь в лишенцев; но, их ждало повышенное налогообложение как «социально-чуждых» лиц. Можно привести в пример одно весьма пока-

¹ Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. – М., 1918. С. 5.

² Там же. С. 13.

зательное событие, произошедшее в Ставропольской губернии осенью 1924 г. В это время нарком земледелия СССР А.П. Смирнов прибыл в пострадавшие от недорода районы Ставрополя. Помимо других вопросов, Смирнов принимал и выслушивал местных крестьян, обращавшихся к нему с различными просьбами и жалобами. В числе просителей оказался пожилой крестьянин, утверждавший, что ему необоснованно предъявили завышенные задания по выплате единого сельхозналога (ЕСХН). Реакция наркома земледелия на это обращение зафиксирована в газете «Молот»: «А вы раньше церковным старостой не были? – спрашивает т. Смирнов. – Да я и теперь [отвечает старик]... Хохот... смеется и т. Смирнов».¹ Какая уж тут свобода религиозной агитации!

В общем русле борьбы с религией в СССР проходило последовательное вытеснение религиозных компонентов из праздничной культуры и постепенная замена церковных праздников гражданскими, призванными напоминать населению о славных вехах мирового коммунистического движения и становления советской власти. В октябре 1923 г. ЦК РКП(б) принял специальное решение об антирелигиозной пропаганде в деревне, где формулировал необходимость «отвлечения [крестьянства] от культа путем организации культурных развлечений, сосредоточения внимания на пролетарских праздниках и торжествах... замены религиозных отправлений формами гражданского быта, как-то: религиозных праздников – гражданскими производственными праздниками (например, праздник урожая, посева и т.д.), таинств – торжественными отправлениями гражданских актов с участием (при условии отказа от церковного ритуала) культурно-просветительных учреждений, как, например, гражданских похорон, панихид, брака, наречения имени и принятия в гражданство (запись рождения)

¹ Нарком земледелия тов. Смирнов в неурожайных местностях Ставрополя // Молот. 1924. 26 сентября.

и т.п.»¹ Для выполнения этих задач были мобилизованы не только партийно-советские работники, но и сельская общественность в лице интеллигенции, членов коммунистического союза молодежи (комсомола), пионерии.

Сельская интеллигенция (учителя, агрономы) в силу своего образовательного уровня могла сыграть важную роль в антирелигиозной работе. Однако, по печальным признаниям большевиков, нередко представители интеллигенции не разделяли их огульно-враждебного отношения к «проклятому прошлому» во всех его проявлениях и стремились дистанцироваться от радикальных мероприятий новой власти типа чрезвычайно грубых, издевательских нападков на церковь, священнослужителей и православную веру. В этой связи, наибольшие надежды в ходе преобразований сельской повседневности и культуры в соответствии с идеалами социализма возлагались лидерами РКП(б) на членов сельских ячеек компартии, местных советских работников, а также на крестьянскую молодежь.

Большевики справедливо полагали, что «носителями новых идей является молодежь»,² вне зависимости от того, сельская она или городская: ведь, в отличие от представителей старших поколений, сознание молодых людей представляло собой своего рода *tabula rasa*, и было открыто новым идеям. Более того, уже в силу возраста молодежь проявляет повышенную склонность к переменам, что было чрезвычайно важно для большевистских модернизаторов. Поэтому, именно с молодежью, а не со старшими поколениями большевики связывали свои надежды на построение нового общества, о чем в источниках содержится немало свидетельств. Так, в 1920 г. члены Донского комитета РКП(б) твердо заявляли, что «дальнейшее укрепление Советской власти может

¹ Брудный В.И. Обряды вчера и сегодня. – М., 1968. С. 66 – 67.

² Л.В. Среди книг // Молот. 1924. 5 сентября.

основываться только на молодом поколении».¹ О том же говорили участники проходившего в первой половине февраля 1924 г. при Донецком окружке РКП(б) совещания секретарей сельских ячеек компартии, полагавшие, что необходимо опираться на молодежь и что «не нужно гнаться за воспитанием стариков, они от нас уходят».² Неудивительно, что ударным отрядом в проведении антирелигиозной работы в деревне (как, впрочем, и городах) считались комсомольцы, рассматривавшиеся своими старшими товарищами, – членами коммунистической партии, – в качестве передовых представителей сельской молодежи.

Помощниками комсомольцев в деле построения «светлого будущего», борьбы с пережитками «проклятого прошлого» и среди них, – с религиозностью сельского населения, должны были выступать пионеры, которых в советской прессе иногда ласково именовали «большевичата, ленинские внучата».³ Правда, в 1920-х гг. масштабы пионерского движения на селе не удовлетворяли представителей советской власти. В одной из публикаций в газете «Молот» за сентябрь 1924 г. отмечалось: «в то время, как в городе детское коммунистическое движение сильно развилось и охватило значительное количество пролетарских детей, в деревне это движение еще находится в зародышевом состоянии. Там только за последний год мало-по-малу начинают создаваться отряды юных пионеров. Крестьянские дети, дети сел и деревень, вслед за детьми рабочих начинают интересоваться общественно-политической жизнью, хотят связаться со своими братьями – детьми трудящимися (так в тексте – *авт.*) и стремятся к организации».⁴

Поскольку сельские дети, указывалось далее в публикации, демонстрируют стремление к формированию пионерских организаций, «помочь им должны, вместе с комсомольцами и партий-

¹ ЦДНИ РО, ф. 4, оп. 1, д. 4, л. 12.

² ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 47, л. 4а.

³ Огнiew И. Краснодар комсомольский // Молот. 1924. 14 сентября.

⁴ Синеглазова И. Крепче связь с крестьянскими детьми // Молот. 1924. 6 сентября.

цами, пионерские отряды города. У нас, городских пионеров, больше опыта, больше знаний. Нам легче достать книжку, газету, побывать на заводе, расспросить старшего комсомольца и коммуниста. В деревне это – гораздо труднее. И обязанность пионеров города, детей рабочих, – все силы свои приложить для помощи деревенским братьям. Городские пионеры должны связаться с определенным селом и даже вызывать к себе в гости деревенских ребят. Со своей стороны, из города мы должны двинуться в деревню, рассмотреть, разузнать, как там живут и вместе с тем помочь деревенским детям. – Ни одной экскурсии в деревню без книжек, без «Ленинских внучат» – подарка деревенским товарищам! Каждое звено или отряд, пришедший в деревню, должен созывать детей, рассказать им все, что знают пионеры, организовать их при ячейке РЛКСМ или при избе-читальне. А затем не забывать – высылать книги, посылать письма, приходить самим...»¹

Результатом таких мер стал постепенный рост численности сельских пионерских организаций на Дону, Кубани и Ставрополье.

В процессе осуществления антирелигиозных мероприятий в деревне на протяжении 1920-х гг. можно выделить несколько этапов, различающихся как методами богоборцев, так и степенью радикализма их действий. Надо сказать, что первые попытки дать периодизацию борьбы с религией в Советском Союзе предпринимали уже современники событий, и в ряде случаев их суждения нельзя не признать справедливыми. В частности, в начале 1927 г. некто В. Чистяков писал, что первый период антирелигиозной работы, «начавшийся с первых лет революции, получивший свой расцвет в 1919 – 20 и 21 годах, характерен широким размахом, тем широким безбожным движением молодежи, которое вылилось в проведение комсомольских рождеств, комсомольских пасх и других антирелигиозных кампаний. Этот период, безусловно, дал свои результаты, многому научил и, самое

¹ Синеглазова И. Крепче связь с крестьянскими детьми // Молот. 1924. 6 сентября.

главное, показал – как не надо вести антирелигиозную пропаганду, как не надо бороться с богом в крестьянских условиях. На смену первому периоду и в противоположность ему вступил период второй с основными лозунгами: «не оскорбляй чувства верующих», «углубляй антирелигиозную пропаганду на основе естественно-научных знаний». И, наконец, третий период, переживаемый теперь, характеризуется почти полным застоем, небывалым затишьем в антирелигиозной пропаганде».¹

Процитированное высказывание представляется чрезвычайно любопытным по двум причинам. Во-первых, Чистяков довольно точно обрисовал особенности внутреннего содержания первых двух этапов антирелигиозной деятельности большевиков. Во-вторых, с высоты сегодняшнего дня, позволяющей нам обозревать прошедшие события, трагикомичными кажутся унылые констатации о «небывалом затишье в антирелигиозной пропаганде» в 1927 г. (сомневаться в этом «затишье» не приходится, так как в источниках неоднократно встречаются подобные печальные утверждения: например, на проходившем в январе 1926 г. совещании секретарей сельских ячеек компартии Донского округа Северо-Кавказского края говорилось о том, что «за последнее время в антирелигиозной работе наблюдается замедленность»²). Сегодня мы знаем, что Чистякову недолго оставалось унывать, потому что уже в следующем, 1928 г., в преддверии «великого перелома», коммунисты вновь развернули массированное наступление на церковь и религию.

Действительно, в рамках первого этапа борьбы с религией в Советской России (1918 – 1922 гг.) господствовали весьма вызывающие, эпатажные методы, которыми, в силу молодого задора и присущей их возрасту горячности, особенно злоупотребляли

¹ Чистяков В. Об антирелигиозной пропаганде // Коммунистическое просвещение. 1927. № 2. С. 67.

² ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 72, л. 114.

комсомольцы: пародийные шествия и празднества, насмешки и глумление над православными святынями, священнослужителями и просто верующими, прямая порча церковного имущества, и т.п. Позднее, в январе 1926 г., партработники Донского округа Северо-Кавказского края весьма критически расценивали антирелигиозные «перегибы» комсомольцев, говоря: «под рождество люди богу молятся в церкви, а они под караулкой кричат, свистят и песни орут. Разве это поднимет авторитет ячейки».¹

Результаты столь экстремистских мер были прямо противоположны надеждам богоборцев, потому что вместо ожидавшегося роста атеистических настроений в деревне они столкнулись с резко враждебным отношением крестьян, как к радикальным методам антирелигиозной деятельности, так и к тем, кто эти методы применял. Хотя отдельные большевики-оптимисты пытались утверждать, что антирелигиозный задор комсомольцев возмущает не крестьян, а только «кулаков», которым на роду написано быть врагами советской власти,² здравомыслящие представители партийного руководства адекватно отреагировали на провал «кавалерийской атаки» на религиозные чувства крестьян.

Лидерам компартии, равно как и руководителям региональных партийных организаций Дона, Кубани и Ставрополя, пришлось признать: «мы в антирелигиозной работе обожглись в некоторых местах, когда народ за эту работу начал посылать на нас проклятия».³ Поэтому с 1923 г. большевики на некоторое время отказались от «крикливых, в порядке партизанского набега, проводимых форм антирелигиозной пропаганды», которая «только

¹ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 70, л. 155.

² Так, некий Дильденкин заявлял в марте 1926 г., что «крестьяне к комсомольцам относятся хорошо – это как правило. Но есть и отдельные случаи скверного отношения к комсомольцам. Последние же наблюдаются исключительно среди кулаков» (Дильденкин. Только кулаки считают комсомольцев хулиганами // Молодой ленинец. 1926. 31 марта).

³ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 72, л. 107.

озлобляла крестьян».¹ Теперь упор был сделан на планомерной научно-просветительной деятельности, которая должна была осуществляться без каких бы то ни было оскорбительных выходов в отношении верующих. Действуя в русле новой тактики, члены Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) в июне 1923 г. направили письмо всем обкомам, губкомам и региональным оргбюро компартии, в котором говорилось о необходимости «крайне осторожного и тактичного подхода к вопросу о борьбе с религиозными предрассудками крестьян и отсталой части рабочих... Антирелигиозная агитация и пропаганда должны иметь научно-просветительный и конкретно разоблачающий характер (печать, кружки, лекции, доклады, театры, кино)».² О том же говорилось и на проходившем 25 – 30 января 1926 г. совещании секретарей сельских ячеек ВКП(б) Донского округа, участники которого повторяли: «методы антирелигиозной пропаганды надо в корне изменить», теперь она «должна сосредотачиваться в работе естественно-научного кружка, к каковой работе необходимо привлечь все культсилы деревни: учителя, агронома и т.д.»³

Вышеприведенные высказывания свидетельствуют, что новые тактические приемы антирелигиозной работы внедрялись в советской (в частности, южно-российской) деревне на протяжении ряда лет. Так, в декабре 1924 г. члены Вешенского райкома РКП(б) на бюро настоятельно рекомендовали Базковской партийной ячейке вместо кружка «Безбожник» организовать «Естественнонаучный кружок».⁴ Участники упомянутого совещания секретарей сельских ячеек ВКП(б) Донского округа в январе

¹ Темкин М. Что думает землероб Донокрая о школе // Северо-Кавказский край. 1926. № 6. С. 135.

² Из письма Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) всем обкомам, губкомам и оргбюро РКП Юго-Востока о тактичном подходе к борьбе с религиозными предрассудками. 25 июня 1923 г. // Культурное строительство на Дону (1920 – 1941 гг.). Сб. документов. – Ростов н/Д., 1981. С. 122.

³ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 72, л. 50.

⁴ ЦДНИ РО, ф. 36, оп. 1, д. 1, л. 12об.

1926 г. рассказывали: «если раньше кричали на каждом углу, что они безбожники, то было только озлобление, а сейчас по политшколам читаются лекции по естествознанию, на новое и старое рождество проводились беседы по кружкам, в сельскохозяйственном кружке агрономы проводили беседу на тему «Народные предрассудки и знахарство» и таким образом антирелигиозная пропаганда гораздо глубже проводится».¹

В ряде случаев, помимо бесед и лекций, проводились показательные разоблачения трюков, которыми недобросовестные священнослужители пытались привлечь в церковь как можно больше верующих и, тем самым, повысить свои доходы. Среди таких трюков значительное распространение в 1920-х гг. получило «обновление» икон, то есть якобы самопроизвольное, чудесное их просветление, когда из-под потемневшего за давностью лет и свечной копоти верхнего лакокрасочного слоя вдруг проступало четкое и яркое изображение святого или, более того, его образ казался заново написанным.

Конечно, рассуждать о чудесах с позиций логики не представляется ни продуктивным, ни даже возможным. Быть может, какие-либо случаи «обновления» икон на самом деле имели под собой непознаваемую человеческим разумом основу. Во всяком случае, как писал М.А. Булгаков, «чего не знаем, за то не ручаемся».² Однако, столкнувшись в 1920-х гг. с численным ростом фактов «обновления» икон, партийно-советские органы с помощью компетентных специалистов предприняли проверки этих явлений, в результате которых была выявлена масса случаев шарлатанства. Оказалось, что эффект «обновления» достигался дельцами от религии по-разному, а чаще всего, – с помощью укуса или перекиси водорода: после обработки почерневших икон указанными препаратами они светлели и выглядели, чуть ли не

¹ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 72, л. 119.

² Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М., 1990. С. 67.

как новые. Об одной из подобных акций проверки «обновления» икон, проходившей в городе Ставрополе, повествовалось в газете «Безбожник» в мае 1923 г.

В конце апреля, рассказывал анонимный автор помещенной в газете заметки, по Ставрополю разнесся слух о том, что на Успенском кладбище в часовне купцов Алафузовых «обновились» икона Спаса. «Обновление» вызвало ажиотаж среди верующих: «повалила темнота поглядеть на чудо. Перед часовней толпа». Естественно, все это не прошло мимо внимания представителей власти, и уже на следующий день «на кладбище появилась комиссия из ученых-знатоков, посмотрела и «чудесно обновившегося Спаса», а кстати несколько других, также «обновившихся» икон. Оказалось на поверку, что все иконы подновлены ручным способом, а на икону Спаса наложены кроме того и новые, свежие краски».¹

Затем специалисты устроили публичное разоблачение трюкачества с «обновлением». В городской газете было помещено объявление: «В связи с обнаружением якобы чудесно-обновленных икон и в целях разоблачения этого шарлатанства, представителями местной власти публично в присутствии всех желающих граждан будет произведено обновление одной из старых икон способами, известными науке». Столь заманчивые обещания привлекли значительное количество народа на все то же городское кладбище, где и был устроен сеанс разоблачения «без наложения красок, с помощью известных масл и кислот». Дальнейшее описывалось следующим образом: «у темной, почерневшей доски два художника [снимают потемневший верхний слой с иконы]. На «лике богоматери» пред глазами всех присутствующих выступает сперва смуглый румянец, затем зрачок, затем предплечье и, наконец, половина золотого венчика». Эти манипуляции, со-

¹ Как большевики икону «обновили» (Письмо из Ставрополя) // Безбожник. 1923. 13 мая.

проводившиеся убедительными и понятными объяснениями методики «обновления» икон, произвели на собравшихся сильное впечатление и многих заставили разочароваться в «чудесах», на поверку оказывавшихся всего лишь жульничеством: «несколько дней Ставрополь только и говорил, «как большевики икону обновили». Полоса «обновлений» с тех пор прекратилась. Шарлатанам не верят. О «чудесно просиявших» у нас не слышно».¹

Научно-просветительные мероприятия, при условии их планомерного проведения, позволяли достичь в антирелигиозной работе гораздо большего эффекта, чем истерично-крикливые и оскорбительные для крестьян нападки комсомольцев и коммунистов на церковь и веру. Разумность таких мер очевидна.

Проблема, однако, состояла в том, что хулиганские действия комсомольцев не прекратились и после декларирования уважительного отношения к чувствам верующих. В 1925 г., по словам представителей партийных структур Донского округа Северо-Кавказского края, «мы имели случай, когда в деревенских ящиках комсомола ребята наряжались в ризы из рогож, становились на тракторы, брали по 5 ведер воды, делали веники из сена и начинали ездить по селу и кропить крестьян».² В марте 1926 г. в газете «Молодой ленинец» была помещена публикация, автор которой описывал и вовсе уж дикую выходку комсомольцев, которые ночью забрались в сельскую церковь, устроили там погром, изрубили иконы, а затем напились.³

Как правило, виновники таких, с позволения выразиться, методов антирелигиозной пропаганды в деревне не подвергались какому-либо серьезному наказанию со стороны комсомольского или партийно-советского начальства. Подобная мягкость убедительно свидетельствовала о сохранявшемся во властных структу-

¹ Как большевики икону «обновили» (Письмо из Ставрополя) // Безбожник. 1923. 13 мая.

² ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 72, л. 50.

³ Дрилль В. «Весельчаки» // Молодой ленинец. 1926. 24 марта.

рах РСФСР и СССР крайне негативном отношении к религии, церкви и верующим, о том, что смягчение методов антирелигиозной работы являлось лишь вынужденным отступлением перед недовольством крестьянства, временной тактической уловкой, которая в любой момент могла смениться новым ожесточенным этапом богоборчества.

Так и произошло в конце 1920-х гг., когда, в условиях политики «чрезвычайщины» и усиления внимания к «колхозному строительству» (что привело затем к сплошной насильственной коллективизации), большевистское руководство призвало своих сторонников на местах «усилить антирелигиозную работу среди населения».¹ Активизация такой работы представлялась одним из необходимых факторов социалистической модернизации, дабы создать ей наиболее благоприятные социально-психологические условия. Не случайно в декабре 1928 г. на Северо-Кавказском краевом агитационно-пропагандистском совещании о задачах антирелигиозной работы комсомола указывалось: «в связи с усилением наступления пролетариата на капиталистические элементы нашей страны в области хозяйственного, советского и культурного строительства особенно важное значение приобретает усиление борьбы с религией, религиозными организациями, религиозной идеологией, поскольку религия является наиболее удобной, привычной и легальной формой для проявления влияния кулака и нэпмана на трудящиеся массы, для борьбы против социалистического строительства и культурной революции».²

Радикально настроенные представители власти в деревне, члены сельских ячеек компартии и комсомола, беспартийные ак-

¹ Из докладной записки Донецкого окружкома ВКП(б) Северо-Кавказскому крайкому ВКП(б) о ходе проработки решений XV съезда партии. 30 января 1928 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). – Краснодар, 1972. С. 54.

² Из резолюции Северо-Кавказского краевого агитационно-пропагандистского совещания о задачах антирелигиозной работы комсомола на северном Кавказе (Не ранее 27 и не позднее 28 декабря 1928 г.) // Культурное строительство на Дону. С. 258.

тивисты слышали в этих призывах то, что хотели услышать, а именно, – разрешение вновь обрушиться на церковь и верующих с самыми жесткими мерами, среди которых были не только глумление над религиозными святынями, но и закрытие церквей, и прямые репрессии против священнослужителей и крестьян, открыто демонстрировавших приверженность вере отцов. Как и ранее, подобные действия радикал-модернизаторов не вызывали сочувствия у большинства населения советской деревни, в том числе донских, кубанских, ставропольских хлеборобов. Характерно, что в начале 1930 г. в одном из сел Ставрополя крестьяне в массовом порядке вступили в колхоз. Но, «в этот же день группа комсомольцев села устроила грубоватую антирелигиозную инсценировку, оскорбившую чувства верующих, резко изменившую настроения крестьян, и они в тот же день вышли из колхоза».¹ Однако, если ранее представители власти критиковали комсомольцев за грубость в антирелигиозной пропаганде, то в конце 1920-х – начале 1930-х гг. подобное считалось в порядке вещей.

Как видим, антирелигиозная работа в деревне представляла собой перманентный процесс на всем протяжении 1920-х гг.; менялись только методы ее проведения. Поскольку и религия, и церковная организация являлись не просто важными составными, но и базовыми компонентами сельской праздничной культуры, антирелигиозные мероприятия советской власти ударяли и по традиционному крестьянскому празднику. В контексте рассматриваемой нами темы остается установить степень эффективности большевистского богоборчества, антицерковных и антиклерикальных инициатив партийно-советского руководства в ходе выполнения задачи по преобразованию праздничной культуры доколхозной деревни Юга России.

¹ Гаташов В.В. Социальные настроения крестьянства в начале сплошной коллективизации // Аграрная история Дона и Северного Кавказа. Сб. статей. – Ростов н/Д., 1980. С. 100.

Источники, – документация партийных и советских структур, литература и пресса, – содержат прямо противоположные оценки успешности большевистских антирелигиозных мероприятий в деревне эпохи нэпа и, в частности, – в селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополья. В одних источниках содержатся оптимистичные и безапелляционные утверждения о падении престижа церкви в деревне и значительном сокращении религиозного влияния на сознание крестьянства, в других, – не менее категоричные заявления о том, что констатировать заметные успехи на фронте борьбы с религией еще рано и что большинство сельских жителей сохраняют приверженность обычаям предков.

Так, в 1924 г. члены Донского окружкома РКП(б) со сдержанной радостью заявляли: «медленно, но постоянно идет на убыль и религиозное настроение. Случаи требования закрытия церквей мы имеем и в деревнях».¹ Как отмечалось в одной из публикаций в журнале «Северо-Кавказский край» в 1926 г., в Мечетинском и Семикаракорском районах Донского округа «не только молодежь, но и значительная часть пожилых крестьян совершенно перестали ходить в церковь».²

Секуляризация общественного сознания сельского населения, особенно крестьянской молодежи, трактовалась сотрудниками партийно-советских органов как закономерный результат проводимой ими антирелигиозной работы и, в целом, провозглашенного большевистским правительством отделения церкви от государства. С этим, конечно, нельзя не согласиться: действительно, антирелигиозная работа приносила свои плоды, что было хорошо заметно на примере молодых жителей деревни, сознание которых формировалось под воздействием коммунистической агитации и общего радикального изменения социально-экономи-

¹ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 14, л. 19.

² Темкин М. Что думает землероб Донокруга о школе // Северо-Кавказский край. 1926. № 6. С. 131.

ческой, социально-политической и социокультурной ситуации в стране.

Вместе с тем, существовали и другие причины охлаждения крестьянства к религии и церкви в 1920-х гг. В значительной мере критичное отношение крестьян к религии порождалось весьма распространенным в их сообществе антиклерикализмом, питательную среду которому во все времена обеспечивали многие священники своим мздоимством, пьянством, другими неблагоприятными поступками. Для рациональных, прижимистых крестьян завышенные материальные запросы священнослужителей, не говоря уже об их недостойном поведении, являлись одним из наиболее важных факторов отказа от соблюдения религиозных обрядов. Показательны слова крестьянки, процитированные наркомом земледелия СССР Я.А. Яковлевым (Эпштейном) в книге «Наша деревня»: «на какого черта нам поп, я и в хлеву помолюсь, зато ведро ржи останется».¹ Надо признать, что большевики с успехом использовали крестьянский антиклерикализм в своей агитации.

Да, собственно, секуляризация сознания и обыденной жизни российского (советского) крестьянства в период нэпа представляла собой естественное продолжение неоднозначных социально-психологических процессов, развернувшихся еще в досоветский период. Мы имеем в виду отчуждение населения императорской России от церкви и кризис православной веры, который с достаточной четкостью проявился уже в пореформенную эпоху как одно из проявлений разложения традиционного общества в ходе капиталистической модернизации.² Все это значительно облегчало коммунистическому режиму задачу максимально полной секуляризации общественной жизни, как в масштабах всей Совет-

¹ Яковлев Я.А. Наша деревня (Новое в старом и старое в новом). – М., 1924. С. 111.

² Смотрите об этом, например: Андреева Л.А. Процесс дехристианизации в России и возникновение квазирелигиозности в XX веке // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 90 – 100.

ской России (Советского Союза), так и в масштабах сельской местности, в том числе – в селах и станицах Юга России.

Говоря о значительном ослаблении позиций религии в деревне, оптимистично настроенные представители партийного и советского руководства на Дону, Кубани и Ставрополье уверенно заявляли и обо все более частых отказах крестьян от соблюдения православной праздничной обрядности. В источниках нередко встречаются категоричные констатации о том, что в сельской местности «большинство религиозных праздников бросается».¹ Увеличивалась численность селений, в которых можно было наблюдать следующие картины: «кончается теплый, весенний день. Звучно раздается с колокольни звон большого колокола, сзывающего поселян ко всеобщей накануне праздника «вознесения». Но напрасны старания сторожа, мерно раскачивающего колокольный язык. По направлению к церкви плетется лишь несколько ветхих старух, два-три калеки нищих с сумами через плечо, да нарядный, толстый мужик с густо намасленными волосами, в суконной поддевке – то церковный староста, местный богатей и кулак. Долго поп смотрел из окна своего дома, выжидая, не пройдет ли кто еще к церкви, но не дождался, сердито захлопнул окно и пошел рассказывать оставшимся немногим глупцам старую сказку о «вознесении Христа на небо».²

С особенным восторгом советские пропагандисты освещали случаи отказа целых сельских обществ от религиозных праздников, приводя соответствующую статистику как доказательство роста антирелигиозных настроений в крестьянской среде. Так, по имеющимся данным, в 1927 г. население 113 деревень в СССР высказалось за полное игнорирование традиционных празднеств, а в 1928 г. в стране насчитывалась уже 341 такая деревня.³

¹ РГАЭ, ф. 396, оп. 6, д. 42, л. 11.

² Семенова. Большое дело // Крестьянка. 1923. № 15. С. 5.

³ Брудный В.И. Обряды вчера и сегодня. С. 74.

Однако, хотя факт ослабления, как позиций церкви, так и религиозных настроений в советской доколхозной деревне невозможно оспорить, все же констатации большевистских лидеров о заметных достижениях в антирелигиозной работе (в том числе, и на «праздничном фронте») представляются излишне оптимистичными. В реальности, достижения эти были гораздо скромнее, что хорошо заметно и по материалам, характеризующим ситуацию в сфере праздничной культуры. Ведь, вышеупомянутые деревни, население которых вовсе отказалось отмечать церковные праздники и численность которых увеличилась за два года со 113 до 341, составляли совершенно ничтожную величину по сравнению с десятками тысяч сельских населенных пунктов по всему СССР. Такого рода показатели могли обрадовать только клинических оптимистов; объективные же наблюдатели даже на исходе 1920-х гг. справедливо указывали, что до победного завершения антирелигиозных мероприятий (среди которых была и секуляризация праздника) еще далеко не только в деревне, но и в городе.

В частности, в 1927 г. на страницах журнала «Коммунистическое просвещение» развернулась дискуссия о степени религиозности крестьянства, большинство участников которой предостерегали от излишне оптимистичных оценок ситуации. Общее мнение местных работников, направлявших свои письма и сообщения в редакцию журнала, сводилось к следующему: «что крестьянство антиклерикально в целом — этого ни в коем случае сказать нельзя. Если есть отдельные крестьянские единицы, настроенные резко оппозиционно — к священнику, то это именно единицы... Большая часть крестьянства просто становится несколько безучастной к религиозным вопросам»,¹ что, однако, не свидетельствует о полном отказе от веры и от соблюдения церковных обрядов, в том числе, — и от традиционных праздников. Большинство низовых партийно-

¹ Надо усилить антирелигиозную пропаганду (Отклики на ст. тт. Зыкова и Путинцева) // Коммунистическое просвещение. 1927. № 2. С. 69.

советских работников убежденно (и, добавим, – вполне справедливо) полагали, что сельское население в СССР по-прежнему с определенным уважением относится и к православной вере, и к церкви, и к ее представителям в лице священников и дьячков, – «деревенского колокольного дворянства».¹

Наибольшую приверженность религиозным воззрениям демонстрировали крестьянки, что являлось следствием, как их низкого образовательного уровня, приниженного социального статуса, так и особенностей женского темперамента и психологии. Подмечая этот факт, сотрудники сельских райкомов компартии, сельские корреспонденты, просто крестьяне обоих полов свидетельствовали: «религиозность наблюдается больше у женщин»,² «наши крестьянки – люди все больше верующие. Мало найдется среди них тех, кто перестал верить в бога и молиться в церкви».³

Более того, представители власти отмечали на селе тревожные тенденции не только сохранения, но и расширения религиозного влияния, что было хорошо заметно и на Дону, Кубани, Ставрополье. Фиксировались, например, факты обучения детей основам православной веры в домашних условиях или даже в подпольных церковных школах, поскольку далеко не все жители села были довольны отсутствием в советских учебных заведениях соответствующей дисциплины (сотрудники Донского окружного комитета ВКП(б) в 1926 г. указывали на «классовую чуждость» таких недовольных, заявляя: «зажиточные жаловались на то, что в школах их детей не учат «закону божьему»⁴). В частности, весной 1926 г. в селе Круглом Азовского района Северо-Кавказского края обследовательской группой Донской окружной РКИ и окружного отдела народного образования (ДОНО) были

¹ Великов Н. Баба Марья // Красная нива. 1925. № 14. С. 324.

² ЦДНИ РО, ф. 30, оп. 1, д. 46, л. 4.

³ Постановление Всероссийского церковного собора // Крестьянка. 1923. № 10. С. 19.

⁴ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 74, л. 17.

«совершенно случайно... обнаружены 3 частных школы с общим количеством учащихся 75 человек. В школах преподавался закон божий. В одной из школ обнаружена висящая на стене плетка, по словам старика-«педагога», служащая для внедрения детям основ закона божия».¹ Естественно, школы были закрыты, но это вызвало кулуарный скандал в среде партийно-советский работников, обвинявших друг друга в халатности и забвении антирелигиозной пропаганды. Буквально через несколько дней после появления в газете «Молот» заметки о случайной находке религиозных школ редакционный сатирик под псевдонимом «Дядя Митяй» откликнулся на это происшествие язвительным стихами, в которых риторически вопрошал: «на девятом революции году // закон божий, плетъ в ходу! // ...беспокоит вопрос, // совал ли свой нос // в школы местный совет. // Да или нет? // Где были ячейка, комсомол, РайОНО // Или им тоже все равно [?]».²

Зачастую, впрочем, в селах и станицах Юга России наблюдалось увеличение численности последователей не Русской православной церкви, а различного рода сект. Так, на проходившем 17 – 18 ноября 1926 г. пленуме Донского окружкома ВКП(б) признавалось, что «в деревне солидный процент более отсталой крестьянской молодежи пошел сейчас по линии ухода в религиозные секты, баптистов, староверов и других, которые имеются в деревне».³ Отчасти рост влияния сектантов объяснялся развернутыми большевиками гонениями на православную церковную организацию, отчасти, – тем, что советская власть некоторое время достаточно терпимо относилась к сектам как к противникам официальной церкви. Однако, когда сектанты, – вольно или невольно, – посягнули на идеологическую монополию компартии в де-

¹ Плетка и библия // Молот. 1926. 5 марта.

² Дядя Митяй. Плетъ и библия // Молот. 1926. 10 марта.

³ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 51, л. 51.

ревне (да и, в стране в целом), новая власть незамедлительно отреагировала на эти вопиющие, по ее мнению, действия.

Причины устойчивости религиозных воззрений и православной обрядности в доколхозной деревне очевидны. В значительной мере религиозность являлась закономерным результатом социально-экономической нестабильности эпохи нэпа. Нестабильность эта, обусловленная социальной и налоговой политикой большевиков, никак не могла сравниться с революционными потрясениями и жестокими испытаниями времен Гражданской войны; тем не менее, она оказывала угнетающее воздействие на психику множества крестьян и крестьянок, особенно вдов. В этой связи, вполне понятны слова одной из российских крестьянок: «попы, правда, люди не совсем честные, но ведь вот как бывают трудные минуты, когда нет ничего, или еще какое-либо несчастье – обратишься к богу, и на душе легче станет».¹

Нельзя забывать, что для антибольшевистски настроенных жителей села (а их численность в относительно либеральный период нэпа была заметно выше, чем в последующее десятилетие) демонстративная приверженность церковной обрядности являлась своего рода символом их антиправительственных настроений, открытым вызовом власти. Посещая церковь, исполняя обряды и соблюдая православные праздники, такие люди заявляли о своей социально-политической позиции.

Важнейшей же причиной приверженности большинства сельских жителей Советской России православному вероисповеданию в 1920-х гг. являлся присущий крестьянскому миру социокультурный консерватизм. Большинство хлеборобов оставалось религиозными не по причине глубочайшей убежденности в действенности религиозных обрядов, а потому, что религия представляла собой один из важнейших базовых компонентов всего сельского жизнеустройства, сердцевину крестьянской традици-

¹ Нюрина. Конференции крестьянок // Крестьянка. 1923. № 11. С. 3.

онной культуры. Традиции же невозможно устранить в исторически минимальные сроки, за какие-нибудь 10 лет, тем более одними только методами пропаганды и административного давления. Более того, в переломные эпохи традиционализм имеет свойство укрепляться как средство противодействия новым веяниям, которые зачастую воспринимаются в качестве враждебных, разрушительных сил. Эти механизмы приверженности традиции (и, в том числе, религии) сработали и в советской деревне 1920-х гг.

Для наиболее проницательных партийно-советских работников и исследователей в СССР не являлся тайной тот факт, что крестьянская религиозность зачастую являлась данью традиции. М. Темкин, автор помещенной в 1926 г. в журнале «Северо-Кавказский край» обширной и весьма содержательной публикации об отношении сельского населения Дона к советской школе, обоснованно писал о сохранении церковной обрядности в деревне: «здесь дает себя чувствовать исключительно «традиция», нежелание порывать со «старинкой», некоторая дань уважения устоявшимся формам старого быта».¹

При этом, совершая традиционные походы в церковь, многие крестьяне с не меньшей частотой бывали в избах-читальнях и клубах, которые позиционировались большевиками как антипод сельских храмов. Низовые советские работники со знанием дела отмечали, что крестьянская масса «ходит по привычке в церковь в главные праздники, исполняет первостепенные требы обрядов, как говение, погребение, поминки. С «информации о биографии Сергия Радонежского» она мимоходом заглядывает в избучитальню послушать доклад о вскрытии мощей вышеупомянутого чудотворца».² Подобное поведение убедительно доказывало, что в отношении большинства сельских жителей религиозность

¹ Темкин М. Что думает землероб Донокруга о школе // Северо-Кавказский край. 1926. № 6. С. 131.

² Надо усилить антирелигиозную пропаганду (Отклики на ст. тт. Зыкова и Путинцева) // Коммунистическое просвещение. 1927. № 2. С. 69.

носила внешний характер (соблюдалась обрядность как дань традиции) и не являлась открытой демонстрацией антисоветских настроений или свидетельством о наличии таковых.

Как бы там ни было, церковная обрядность в советской доколхозной деревне не была ликвидирована массированными антирелигиозными мероприятиями. Религиозность сельского населения не только сохранялась, но в ряде случаев даже укреплялась вследствие колебаний внутренней политики коммунистического режима. Так, в условиях прокрестьянской политики «лицом к деревне» (конец 1924 г. – первая половина 1926 г.) большевики были вынуждены с плохо скрываемым неудовольствием наблюдать не только за функционированием сельских храмов или проведением православных праздников, но и такими вызывающими, с их точки зрения, действиями, как крестный ход по территориям целых районов или объезд сел и станиц церковными иерархами.

Один из участников проходившего в январе 1926 г. совещания секретарей сельских ячеек ВКП(б) Донского округа Северо-Кавказского края, Семенов из Новочеркасска, с досадой рассказывал коллегам: «мы имели прогулку иконы казанской божьей матери по нашим селам», которая «сорвала у нас несколько собраний по подготовке перевыборов в КОВы и совет в Грушевке, и в хуторах».¹ В том же году члены Багаевского райкома ВКП(б) (Донской округ Северо-Кавказского края) фиксировали на подведомственной им территории повторный вояж архиепископа по селам и станицам. Хотя сотрудники райкома повествовали об этом событии с неудовольствием, их порадовал тот факт, что местные жители устали от зачистившего в гости церковного начальства и, в конце концов, оказали иерарху довольно прохладный прием: «в первый раз была оказана встреча, но второй раз уже не было такого скопления народа».²

¹ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 72, л. 114.

² ЦДНИ РО, ф. 30, оп. 1, д. 46, л. 4.

Даже в городах в эпоху нэпа наблюдались неприятные для партийно-советского руководства случаи демонстративного исполнения религиозных обрядов. Так, согласно сообщению в газете «Молот» старорежимные специалисты «зареченской электрической станции в Ростове» Григорьев, Садчиков и Медведев по какой-то причине решили отслужить благодарственный молебен с чудотворной иконой Аксайской Божьей матери. «Недолго они думали», возмущался автор публикации, «и 15 сентября рабочие были свидетелями следующей картины. Широко, настежь раскрылись парадные двери зареченской электростанции и свора духовенства с иконой, возносимой на руках впереди, в клубах ладанного дыма стала подниматься по главной лестнице электростанции в квартиры спецов. А спецы, стоя на коленях, ждали чудотворную икону в надежде на то, что последняя поможет им выгнать ту нечистую силу, которая была переведена сюда из Главных Мастерских в лице товарищей коммунаров. Отслужив молебен и окропив святой водой квартиры, спецы наградили свору духовенства деньгами и торжественно проводили их на лодках через Дон». Как и следовало ожидать, подобное действие вызвало неоднозначную реакцию рабочих и ярость автора заметки, призывавшего местком «обратить на это внимание и указать зарвавшимся спецам на то, чтобы, живя под одной кровлей с государственным предприятием, они лучше бы занимались поднятием производства, а не водили к себе через станцию дармоедов».¹

Поскольку в 1920-х гг. результаты антирелигиозной пропаганды были довольно скромными, традиционная праздничная культура российского крестьянства также с трудом поддавалась искоренению, не позволяя советской власти заменить церковные праздники новыми, революционными. Кроме того, советизация праздника, как и антирелигиозная работа, затруднялись недостаточной мощью советско-партийного аппарата в деревне и весьма

¹ Игла. «Освящение» зареченской электростанции // Молот. 1924. 30 сентября.

неоднозначным отношением огромной массы крестьянства к большевистскому режиму.

Нам представляется немаловажным и тот факт, что новые праздники в содержательном плане нередко проигрывали старым. Иными словами, советские торжественные ритуалы отличались чрезмерной политизированностью и, если угодно, излишней серьезностью: они были переполнены бесконечными шествиями, митингами с оглушительными речами и призывами. В них не хватало того, чего во все времена хочет обычный, «простой» человек, – самого праздника, той обстановки отдохновения от забот, умиротворения, воспарения над суетой будней, веселья, которыми были наполнены традиционные деревенские торжества (подробнее об этой стороне советских празднеств мы поговорим в следующем очерке). Поэтому, крестьяне противились модернизации традиционной праздничной культуры не только в силу присущего их общности консерватизма, но еще и вследствие непривлекательности и даже отталкивающих характеристик тех торжественных обрядов, которые им предлагали большевики.

Лидеры компартии были вынуждены принимать во внимание ограниченность своих сил в деревне и приверженность крестьянства традиционной праздничной культуре. Хотя они и ставили перед собой цель полностью заменить церковные праздники советскими, им приходилось действовать постепенно и осторожно. Поэтому, практически на всем протяжении 1920-х гг. в Советской России (Советском Союзе) сосуществовали новые и старые праздники, причем факт такого сосуществования был признан официально. Наряду с советскими торжественными датами (день памяти «Кровавого воскресенья», Парижской коммуны, Октябрьской революции и пр.), советское правительство утвердило в качестве праздничных, нерабочих дней еще и такие, на которые приходилось празднование Крещения Господня, Пасхи, Вознесения, Успения Пресвятой Богородицы, Рождества Христова.

Так, в календаре на 1928 г. в качестве праздничных дней (дополнительно к революционным праздникам) указывались: 15 и 16 апреля (Пасха), 24 мая (Вознесение Господне), 3 и 4 июня (Троица), 6 августа (Преображение Господне), 15 августа (Успение Богородицы), 25 и 26 декабря (Рождество Христово). Таким образом, в 1928 г. в СССР официально были признаны 6 церковных праздников. В том же году в Советском Союзе праздновались дни памяти «Кровавого воскресенья», свержения самодержавия, Парижской коммуны, Интернационала, СССР, Пролетарской революции. Итог: на 6 советских праздников в 1928 г. приходилось столько же религиозных праздников плюс еще аполитичный Новый год.¹ Думается, других доказательств устойчивости традиционной праздничной культуры в СССР эпохи нэпа не требуется.

Надо добавить, что в 1920-х гг. выделяется этап, когда большевистское руководство особенно благоволило признанным на селе церковным праздникам. Речь идет о середине указанного десятилетия, когда была развернута и осуществлялась (пусть и в течение весьма короткого времени, примерно полтора года) политика «лицом к деревне». Поскольку эта политика имела целью распространение и усиление просоветских и пробольшевистских настроений в крестьянской среде, представители власти всячески стремились продемонстрировать земледельцам свое уважение к их мнениям, настроениям, укладу жизни, обычаям. В том числе, большевики прекратили нападки на традиционные сельские празднества и, в ряде случаев, даже сами в них участвовали.

Один из подобных примеров датируется 19 ноября 1925 г., когда в станице Прохладной Терского округа Северо-Кавказского края проходил престольный праздник. В рамках торжества «на площади у церковной ограды был устроен «братский» обед под звуки духового оркестра, на обеде была выпивка». Помимо из-

¹ Календарь коммуниста на 1928 год. VI год издания / Под общ. ред. С.С. Диканского. – М.; Л., 1928. С. 16.

бранной станичной публики, то есть «кулачества», священнослужителей и интеллигенции, на обед были приглашены и участвовали в нем председатель Прохладненского райисполкома Ферапонтов, секретарь одноименного райкома ВКП(б) Максимов и ряд других руководящих партийных и советских работников. Хотя приглашенные на праздник представители власти явно чувствовали себя не в свое тарелке и не пили, они все же постарались соответствовать духу политики «лицом к деревне» и демонстрировали станичникам свое расположение. Так, с поздравительной речью по случаю престольного праздника выступил ни кто иной, как заведующий агитационно-пропагандистским отделом Прохладненского райкома компартии Батулин. Правда, рядовые коммунисты, узнавшие о совместных посиделках своих руководителей с «кулаками», были весьма недовольны, «считая такого рода «смычку с крестьянами» совершенно неприемлемой».¹

На всем протяжении 1920-х гг., а не только в середине этого десятилетия, в доколхозной деревне церковные праздники сосуществовали с советскими; в ряде случаев, первые даже вытесняли последние (хотя, как уже отмечалось выше, бывало и наоборот, примером чему может служить статистика тех сельских населенных пунктов, жители которых отказывались от соблюдения православной праздничной обрядности). Сосуществование в деревне старых и новых праздников выражалось в том, что крестьяне одинаково рьяно отмечали и те, и другие. Так, по сообщениям с мест, в 1925 г. сельские жители справляли и Пасху, и 1 Мая: «сперва старики справляли воскресенье христово, а потом молодежь справляла праздник труда и воскресенье природы: Первое Мая. То и другое справляли взапас по три дня, даже Первое Мая

¹ Информация Терского окротдела ОГПУ в окружном РКП(б) об участии советских и партийных руководителей станицы Прохладной в церковном престольном празднике. [Не позднее 19 ноября 1925 года] // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917 – 1929 годах. Сб. документов. – Ставрополь, 2009. С. 318.

справляли три дня».¹ Здесь мы видим как бы два крайних полюса эклектичной праздничной культуры 1920-х гг.: с одной стороны старики, ревнители традиций, с другой молодежь, поборница нового. Логично предположить, что остальные крестьяне равно тяготели к этим противоположным полюсам.

Нередко, однако, земледельцы отдавали предпочтение традиционным празднествам, игнорируя советские торжественные даты. Так, сотрудники Терского окружного отдела ОГПУ Северо-Кавказского края удрученно констатировали в ноябре 1925 г., что в целом ряде случаев сельское население игнорировало празднование годовщины Октябрьской революции, предпочитая ему церковный праздник. «Самым неблагополучным районом в смысле проведения празднования», докладывали чекисты, «следует отметить Наурский район, где в проведении празднования население почти не участвовало и отнеслось к нему пассивно, что, главным образом, объясняется совпадением празднования 8-й годовщины с субботой – «днем поминовения усопших» и население вместо того, чтобы идти на [советский] праздник, справляло свой религиозный праздник... Почти аналогичная картина пассивности крестьянства имелаась во всех крестьянских районах, кроме городов».²

Добавим, что иногда увлечение сельских жителей отмечанием той или иной торжественной даты православного календаря отрицательно сказывалось и на проведении различных хозяйственно-политических кампаний. Например, в декабре 1925 г. в селе Родионово-Несветаевское (Донской округ Северо-Кавказского края) было сорвано собрание по поводу отчета сельсовета, причиной чего стала как работа по сбору с населения недоимок по

¹ Тан. Два лица. Очерки современной деревни // Красная нива. 1925. № 24. С. 556.

² Из информационной сводки Терского окротдела ОГПУ в окружном РКП(б) о праздновании 8-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. 18 ноября 1925 г. // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917 – 1929 годах. С. 316.

сельхозналогу, так и празднование местными хлеборобами Рождества Христова.¹

Церковные праздники в селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополя 1920-х гг. проходили по тем же сценариям, что и в дореволюционные времена. Несмотря на антирелигиозные усилия большевиков, ритуал празднования включал в себя молебен в церкви, крестный ход, водосвятие и т.п. Так, во время уже упоминавшегося престольного праздника 19 ноября 1925 г. в станице Прохладной Терского округа Северо-Кавказского края «по существу ритуалу был устроен молебен с участием верующих и духовенства других ближних станиц».²

Непременными атрибутами традиционных крестьянских празднеств в 1920-х гг. были также пьянство и безудержное веселье, нередко перераставшее в хулиганские выходки и драки, иногда со смертельными исходами. К чести представителей советской власти надо отметить, что они пытались искоренить перечисленные негативные компоненты сельских торжеств, указывая: «во время церковных праздников, по деревням обычно устраиваются грандиозные гулянья, кончающиеся обычно, пьянством и драками. Деревенские комсомольцы должны позаботиться в эти праздники об организации на открытом воздухе кино, футбольных состязаний, игр и т.д.»³ Однако, эффект этих рекомендаций стремился к нулю, поскольку не только крестьяне, но и многие деревенские комсомольцы предпочитали во время праздника не игры в футбол, а употребление горячительных напитков со всеми вытекающими отсюда последствиями.

¹ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 74, л. 19 – 19а.

² Информация Терского окротдела ОГПУ в окружном РКП(б) об участии советских и партийных руководителей станицы Прохладной в церковном престольном празднике. [Не позднее 19 ноября 1925 года] // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917 – 1929 годах. С. 318.

³ Лето – наилучшее время для отдыха, учебы и развлечений // Молодой ленинец. 1926. 23 апреля.

Существует великое множество примеров того, что население нэповской деревни отмечали традиционные (да, собственно, и советские) праздники не иначе, как «с самогоном и пивом».¹ Приведем здесь один из таких многочисленных примеров. 17 декабря 1928 г. жители станицы Грушевской Новочеркасского района Северо-Кавказского края отмечали свой престольный праздник, – Варварин день (день памяти Святой Великомученицы Варвары). Корреспондент газеты «Молот» З. Лерт, как раз в это время жившая в станице, утверждала, что в преддверии праздника, за десять дней, станичный магазин Госспирта «продал больше вина, чем за весь предыдущий ноябрь – готовились к «Варваре» и к следующим непосредственно за нею «Савве» и «зимнему Николе».² В торжествах принимали участие все станичники, вне зависимости от пола, возраста, социального положения, профессии и партийной принадлежности. Даже хозяйка квартиры, где жила Лерт, – «Евдокия Даниловна, милая женщина, нарзаседательница (член советского суда – *авт.*) и член ячейки безбожников – даже Евдокия Даниловна приготовила праздничный стол и принимала гостей».³

Пьянство влекло за собой не самые приятные последствия в виде хулиганства, драк, смертоубийств. Так, по свидетельствам сотрудников ОГПУ, уже упоминавшийся нами престольный праздник 19 ноября 1925 г. в станице Прохладной Терского округа Северо-Кавказского края сопровождался «массовым пьянством и хулиганством».⁴ В Наурском районе того же округа, как уже отмечалось выше, 7 ноября 1925 г. многие земледельцы предпочли отмечать день поминовения усопших, проигнорировав годовщину Октябрьской революции. Праздник сопровождался обя-

¹ Тан. Два лица. Очерки современной деревни // Красная нива. 1925. № 24. С. 556.

² Лерт З. В голубых домах // Молот. 1929. 6 января.

³ Там же.

⁴ Информация Терского окротдела ОГПУ в окружном РКП(б) об участии советских и партийных руководителей станицы Прохладной в церковном престольном празднике. [Не позднее 19 ноября 1925 года] // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917 – 1929 годах. С. 318.

зательными возлияниями, а также «убийствами, драками, дебошами». В целом по району, утверждали агенты ОГПУ, «в день празднования и накануне его [было] зарегистрировано восемь случаев убийств».¹ При чтении подобных сообщений рождается закономерное сожаление о минимальной эффективности мероприятий советской власти по избавлению сельских празднеств от таких негативных сопутствующих явлений, как беспробудное пьянство, хулиганство и драки.

Итак, в 1920-х гг. попытки партийно-советского руководства вытеснить церковные праздники в деревне светскими, революционными, имели весьма скромные результаты по причине слабости большевистского представительства в деревне, консерватизма крестьянства и устойчивости традиционной сельской культуры, одним из компонентов которой являлись основанные на православной обрядности праздничные торжества. Несмотря на частичную советизацию, праздничная культура советской доколхозной деревни, в том числе сел и станиц Дона, Кубани, Ставрополя, оставалась преимущественно традиционной. Решительные меры по ее ликвидации были предприняты большевистским режимом только в конце 1920-х гг. в связи с переходом к сплошной насильственной коллективизации.

¹ Из информационной сводки Терского окротдела ОГПУ в окружном РКП(б) о праздновании 8-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. 18 ноября 1925 г. // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917 – 1929 годах. С. 316.

Очерк второй

Советский праздник в деревне эпохи нэпа

Хотя практически на всем протяжении 1920-х гг. праздничная культура российского (в частности, южно-российского) крестьянства оставалась преимущественно традиционной, тем не менее, привнесенные в нее советские новации были отчетливо заметны в той исторической повседневности и усиливались с каждым годом социалистического строительства в результате целенаправленных мероприятий большевиков. Процесс советизации сельской праздничной культуры, особенности содержания и проведения революционных годовщин, а также складывавшееся отношение к ним крестьянства Дона, Кубани и Ставрополя, – все эти вопросы требуют специального научного рассмотрения, чему и посвящен настоящий очерк нашего исследования.

Уже 2 декабря 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР утвердил «Правила о еженедельном отдыхе и праздничных днях», согласно которым праздничными днями признавались: 1 января (Новый год), 22 января (годовщина 9 января 1905 г., печально известного в отечественной истории как «Кровавое воскресенье»), 12 марта (низвержение самодержавия), 18 марта (День Парижской коммуны), 1 мая (День Интернационала), 7 ноября (день Пролетарской революции).¹ Впоследствии к отмеченным революционным праздникам были добавлены еще несколько новых. Так, в «Календаре коммуниста» на 1928 г. среди праздничных, нерабочих дней были указаны, помимо вышеперечисленных, еще день памяти В.И. Ленина (но он приходился на 22 января, то есть совпадал с годовщиной «Кровавого воскресенья») и день СССР, отмечавшийся 1 июля.²

¹ Декреты Советской власти. Т. 4. – М., 1968. С. 123.

² Календарь коммуниста на 1928 год. С. 16.

В 1919 г. при Народном комиссариате просвещения (Наркомпросе) РСФСР была создана специальная секция по организации массовых гуляний и праздников,¹ главной целью деятельности которой являлось широкое распространение и укрепление новых революционных праздников вместо старых религиозных, однозначно подлежавших вытеснению. Однако деятельность указанной секции Наркомпроса в деревне существенно затруднял ряд сложностей объективного характера. Мероприятия по модернизации (советизации) праздничной культуры были наиболее эффективны в городах, находившихся под плотным контролем большевистского режима, отличавшихся концентрацией пролетариата, – основы социальной базы большевиков, – и во все времена открытых новым культурным веяниям. Доколхозная же деревня, как более консервативная и отличавшаяся повышенной оппозиционностью к большевикам при одновременной малочисленности и слабости местного партийно-советского аппарата, представляла собой далеко не самое удобное поле деятельности по социалистическому преобразованию, как праздничной культуры, так и крестьянского досуга.

Упрочению позиций советских праздников в послеоктябрьской деревне, в том числе и южно-российской, также серьезно мешала их значительная несхожесть с привычными крестьянам торжественными церковными обрядами. Рассмотрим подробнее различия между традицией и новшествами в деревенской праздничной культуре 1920-х гг.

Как уже отмечалось, праздники досоветской деревни базировались на церковном календаре и содержали мощнейший пласт религиозных компонентов, а неким официальным центром их проведения (так сказать, центральной точкой) выступал сельский храм. Праздник представлял собой средство поддержания и укрепления внутридеревенских связей путем совместного проведе-

¹ Брудный В.И. Обряды вчера и сегодня. – М., 1968. С. 64.

ния обрядов, хождений в гости и приема гостей, и т.п.; в этой связи, празднества охватывали всех жителей конкретного населенного пункта, вне зависимости от их социальных или имущественных различий и уж, тем более, политических воззрений. Далее, сельский праздник может быть охарактеризован как локальный, то есть ограниченный пределами одной общины, одного крестьянского «мира»: хотя привлечение к торжествам представителей от прилегающих хуторов, а также других деревень, сел и станиц не исключалось (особенно если они были связаны родством с празднующими), все же эти торжества были предназначены для одного сельского сообщества. Разумеется, с полным основанием характеристика «локальный» может применяться в отношении престольных праздников, но она справедлива и в большинстве других случаев. Праздник противопоставлялся трудовым будням, вследствие чего в содержательном плане он характеризовался весельем, гастрономическими изысками, но не воспеванием производственных достижений или счастья труда. Наконец, степень политизации торжественного действия в досоветской деревне была практически нулевой, его содержание не откликалось на события внутри страны или, тем более, за ее пределами.

Целенаправленно внедряемые же советской властью праздники во многом противоречили крестьянской традиции. Весь предыдущий очерк мы посвятили рассмотрению антирелигиозных мероприятий большевиков в доколхозной деревне 1920-х гг., что избавляет нас от необходимости в рамках настоящего раздела монографии столь же широко освещать несхожесть празднеств советских и церковных. Добавим лишь ряд примечательных сюжетов о культурно-идеологическом противостоянии советских и традиционных религиозных крестьянских праздников в эпоху нэпа, а также о постепенном вытеснении последних первыми в случае их совпадения, когда они приходились на один и тот же день, или же близкие дни.

Пожалуй, одним из наиболее ярких примеров противостояния советских и церковных праздников выступает совпадение Пасхи и 1 Мая (в рассматриваемый хронологический период – Дня Интернационала). Совпадение этих двух праздников наблюдалось в 1926 г., когда партийно-советское руководство настоятельно рекомендовало своим сторонникам практиковать относительно мягкие и осторожные методы антирелигиозной работы, не оскорблявшие чувства верующих. Поэтому, вместо «комсомольский пасхи», представлявшей собой откровенную и довольно злую пародию на одноименный христианский праздник, в текущем году надо было действовать более осторожно.

Представители власти внушали комсомольцам, что в рамках Первомая полностью отказываться от мер по борьбе с религией не следует, но праздник «не должен носить явно выраженного антирелигиозного характера»,¹ потому что «прежний опыт антирелигиозных карнавалов, их издевательского подхода к верующим, дал отрицательные результаты и только ухудшил антирелигиозную пропаганду».² Чтобы в новых условиях добиться вытеснения Пасхи Первым Мая, комсомольским ячейкам в городе и, особенно, в деревне следовало «устраивать лекции и доклады, на которых противопоставлять друг другу праздники пасхи и 1-е мая, вскрывая их классовую роль: роль праздника пасхи – содействие закабаленности трудящихся, роль 1-го мая – содействие освобождению трудящихся от кабалы».³

Говоря об антирелигиозной направленности советских торжественных ритуалов, необходимо указать, что именно большевики поставили вместо центрального пункта религиозных праздников в деревне, каковым до них являлась церковь. Ответить на поставленный вопрос не составляет никакого труда: если в досо-

¹ К празднованию 1-то мая // Молот. 1926. 27 марта.

² Лебедев Л. Как проводить пасхальные дни // Молодой ленинец. 1926. 20 апреля.

³ Там же.

ветские времена праздник в деревне, – во всяком случае, его официальная часть в виде торжественных обрядов, – вращался вокруг храма (либо небольшой церквушки, смотря по масштабам поселения), то после революции его организующим центром стала деревенская площадь с расположенными на ней зданиями культурно-просветительных и административных учреждений, трибуной и памятниками в честь вождей коммунистического движения или борцов за идеалы социализма. Учитывая ограниченные размеры сельских поселений, старый (церковь) и новый (сельсовет, изба-читальня, трибуна, памятники) центры сельских торжеств зачастую располагались на одной и той же площади, но территориальная близость никоим образом не означала их культурно-идеологического тождества. Думается, специфику отмеченной социальной ситуации превосходно отражает цитата из романа М.А. Булгакова «Белая гвардия»: «попы звонили в колокола под зелеными куполами потревоженных церквушек, а рядом, в помещении школ (то есть в здании, где располагалась новая администрация, сначала ревкомы, а затем сельсоветы – *авт.*), с выбитыми ружейными пулями стеклами, пели революционные песни».¹ Хотя в романе описаны события времен Гражданской войны на Украине, те же самые факты сосуществования церквей и сельсоветов с избами-читальнями (клубами) в избытке наблюдались и в Советской России 1920-х гг., в том числе в селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополя.

Административные и культурно-просветительные учреждения вполне закономерно заняли центральное место в советском празднике. Поскольку в СССР праздник был секуляризован и церковь утратила в нем свою системообразующую роль, на ее место пришли представители власти и работники изб-читален (клубов), которые в советской доколхозной деревне занимались организацией и контролем за проведением торжественных ритуалов.

¹ Булгаков М.А. Белая гвардия. – М., 1989. С. 58.

Трибуна также стала необходимым центральным элементом советского праздника в нэповской деревне: «в селе праздник. Крестьян собралось до 2.000 человек. Музыка гремит. Сверкают белые платки крестьянок... Посреди деревни трибуна, выкрашенная красной краской».¹ Поскольку одним из важнейших мероприятий в рамках советских торжеств являлся митинг, проводившим его представителям власти было намного удобнее держать речи и провозглашать лозунги с трибуны, возвышаясь над собравшейся толпой и притягивая к себе ее внимание.

Что касается памятников, то для российской деревни это было совершенно новое культурное явление, привнесенное исключительно советской эпохой. Нет нужды доказывать, что ведущими функциями памятников (той зачастую однотипной и однообразной массовой скульптуры, которая стала феноменом советских времен) являлась политическая агитация и одновременно своеобразная политическая идентификация населения. Памятники не только ежедневно пропагандировали новые идеалы коммунизма, но и постоянно напоминали советскому гражданину, в какой теперь стране, с каким политическим режимом и каким социально-экономическим строем, он живет.

В советской деревне эпохи нэпа, в которой еще не успела угаснуть память о лишениях, трагизме и героизме Гражданской войны, в которой многие крестьяне демонстрировали симпатии к советской власти с одновременно критичным отношением к большевистскому режиму, памятники зачастую сооружались не в честь живых и почивших вождей компартии (как это будет уже в следующем десятилетии), а в знак уважения к подвигам борцов за новую жизнь. Обычно сельские памятники в рассматриваемый период времени представляли собой небольшой обелиск с красной звездой наверху, сооруженный над могилами красноармейцев или «красных партизан» (последние, как правило, являлись

¹ Куропаткина А. Вот и берите пример // Крестьянка. 1923. № 15. С. 7.

местными уроженцами), погибших в боях с белогвардейцами. Нередко такие захоронения устраивались на центральной площади сельского поселения, превращаясь в советские мемориалы.

Сооружение подобного рода памятников проходило достаточно активно, поскольку в деревне оставалось немало соратников погибших «солдат революции», желавших увековечить память о них в сознании подрастающих поколений. В этой связи, нелишне рассказать об одном любопытном эпизоде, имевшем место на проходившем 25 – 27 ноября 1926 г. Багаевском районом партийном совещании (Донской округ Северо-Кавказского края). Стенографисты, фиксировавшие ход совещания, бесстрастно записали, что один из его участников, некий Жаданов, «отмечает недостаточное внимание памяти павших борцов за революцию. Предлагает каждому с/совету (сельскому совету – *авт.*) завести доску с именами павших героев (плача под наплывом воспоминаний о борцах[,] павших за революцию)».¹ Энергия непосредственных участников боев Гражданской войны, которые, подобно Жаданову, страстно боролись за сохранение памяти о минувших героических событиях и о дорогих их сердцу погибших участниках этих событий, материализовывалась в советских памятниках.

Впрочем, не все жители раздираемых социальными противоречиями сел и станиц Юга России в 1920-х гг. расценивали советские памятники и, в том числе, обелиски над могилами красноармейцев, как объект поклонения. Зажиточная верхушка деревни, которой не за что было любить советскую власть, вряд ли смотрела на такие сооружения с должным пиететом. Наиболее же негативное отношение к советской символике наблюдалось в казачьих станицах, что неудивительно: ведь большинство казаков в годы Гражданской войны воевали не за, а против большевиков и потому считали себя побежденными, а коммунистов, – оккупан-

¹ ЦДНИ РО, ф. 30, оп. 1, д. 1, л. 4.

тами.¹ Так что понятно, почему осенью 1925 г. в станице Ищерской Наурского района Терского округа Северо-Кавказского края «группой хулиганов была поломана решетка и вымазан грязью памятник на могиле расстрелянных красноармейцев».²

В станице Наурской того же района во время празднования восьмой годовщины Октябрьской революции произошел неприятный инцидент, свидетельствовавший о негативном отношении казаков к советским символам. В рамках торжеств был устроен непереносимый митинг, проходивший на центральной площади станицы, где, помимо прочего, располагались могилы погибших здесь в годы Гражданской войны военнослужащих РККА. Выступавший на митинге представитель Наурского райисполкома попенял местным жителям, что на торжества пришло мало казаков. Можно представить себе, как он был шокирован, когда с ответной речью выступил председатель станичного совета, резко заявивший: «Наше гордое казачество никогда не пойдет на эти могилы и не ходило, так как в них зарыты красноармейцы, которые в свое время расстреливали нас».³ На дворе стоял 1925 г., на который пришелся пик прокрестьянской (и, добавим, проказачьей) политики «лицом к деревне», чем, по-видимому, и объяснялось довольно непринужденное поведение председателя Наурского станичного совета. Но, все же, его высказывание на митинге было чрезмерно вызывающим: можно практически со стопроцентной уверенностью утверждать, что рано или поздно он за него и поплатился.

Приведем здесь еще один факт, который, надо думать, был намного более обидным для большевиков, чем вышеприведенные

¹ См., например: Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. – Ростов н/Д., 2010. С. 14, 45 – 48.

² Из информационной сводки Терского окротдела ОГПУ в окружном РКП(б) о праздновании 8-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. 18 ноября 1925 г. // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917 – 1929 годах. С. 317.

³ Там же. С. 316.

примеры резко негативного отношения терских казаков к советским памятникам и могилам красноармейцев. На сей раз, речь пойдет о казаках кубанских (что, впрочем, не влияет на специфику крайне непростых взаимоотношений между казачьими сообществами Юга России и коммунистическим режимом). Начальник политотдела Старо-Корсунской машинно-тракторной станции (МТС) Я. Губенко с возмущением писал в 1933 г., что в станице Корсунской «до самого последнего времени над могилой корниловцев, зарубленных красными партизанами и схороненных на станичной площади, высился пирамидой памятник, на цоколе которого было высечено посвящение:

Спите, орлы боевые,
Спите с покойной душой,
Вы заслужили, родные,
Славу и вечный покой».¹

Если верить Губенко (а документации и сообщениям сотрудников политотделов МТС в большинстве случаев можно верить), то на всем протяжении 1920-х гг. в Корсунской возвышался обелиск в память о корниловцах, как будто станица находилась не в СССР, и в ней не существовало советской администрации. Даже во время сплошной коллективизации ни местные руководители, ни активисты почему-то не тронули памятник ненавистным белогвардейцам: возможно, к нему уже все попросту привыкли. По словам Губенко, вплоть до осени 1932 г., когда станица за невыполнение завышенного плана хлебозаготовок была занесена на «черную доску» и здесь начались репрессии против местных жителей, «партийные и советские ее организации не осмелились стереть эту зовущую корниловскую память».² После прочтения подобных сообщений с предельной ясностью понимаешь, что ис-

¹ Губенко Я. Колхозы Кубани станут подлинно большевистскими // Политотделы Северного Кавказа за работой. – Ростов н/Д., 1933. С. 27.

² Там же. С. 27.

торическая реальность всегда многомерна и не может быть сведена к единому знаменателю.

Вместе с тем, нелишне оговориться, что коммунистическое богоборчество имело в качестве одного из результатов возникновения и закрепление в массовом сознании нового вероучения, которое постепенно приобрело статус религии и которым, как нетрудно догадаться, стал марксизм-ленинизм (с конца 1920-х гг. и до 1953 г. в отношении советского символа веры следует применять название «марксизм-ленинизм-сталинизм»). Вряд ли правомерно обвинять лидеров компартии, убежденных атеистов и материалистов, в сознательном стремлении сформировать новую религию. Очевидно, что превращение марксизма из философской концепции в набор непреложных (фактически религиозных) догматов было обусловлено минимальной грамотностью огромного большинства населения СССР и, особенно, специфическими чертами общественного сознания, которые не могли быть устранены в исторически краткий период времени. Эти черты, – богоискательство, дуализм в восприятии мира, патернализм и пр., – привели к тому, что граждане Советского Союза (Советской России) поспешили заполнить вакуум, образовавшийся в их сознании после разрушения духовной монополии православия, новыми религиозными установками в виде марксизма-ленинизма.

Соответственно, советский праздник очень скоро трансформировался из гражданского ритуала в ритуал близкий к религиозному. Основные компоненты советского праздничного ритуала, сохранявшиеся в неизменном виде десятилетиями, создавали у сторонних наблюдателей устойчивое впечатление о его родстве с церковным действием: шествия «трудящихся» заменили крестный ход, проводившиеся по одному и тому же сценарию митинги пришли на смену богослужению, вместо ликов святых над толпами ликующих граждан СССР возносились портреты лидеров коммунистической партии.

Первый же и вечный лидер большевиков, – В.И. Ленин, – после своей физической смерти прошел процесс мифологизации и откровенного обожествления, подобно известным римским императорам (правда, В.И. Сталин заметно опередил своего предшественника, потому что пережил то же самое еще при жизни). Советские «простецы» нередко возводили вождя мирового пролетариата в ранг социалистического божества. Так, представитель Донского окружкома ВКП(б) Соболев рассказывал на проходившем в январе 1926 г. совещании секретарей сельских партийных ячеек, что в ходе своей поездки по Мечетинскому району он увидел в одном из хуторов «икону святого Ленина». По его словам, местный коммунист поставил у себя в красном углу портрет Ленина, украсив его ризами, подобно иконе.¹ Этот поступок сельского коммуниста прекрасно свидетельствовал о специфике восприятия простыми советскими людьми, как Ленина, так и основанного им вероучения.

Не удивительно, что одним из важнейших элементов советского праздника (вне зависимости от того, проходил ли он в деревне или городе) стали изображения В.И. Ленина, а также постоянные напоминания о его священных заветах. Можно без преувеличения говорить о том, что в традиционалистском сознании крестьян основатель Советского государства занял место верховного существа. В частности, один из корреспондентов газеты «Молот» писал в марте 1926 г., что старики-крестьяне из станицы Боргустанской (ныне расположена в Предгорном районе Ставропольского края) «слово «Ильич»... произносят с каким-то благоговением», воспринимая вождя большевиков как незримо направляющего СССР к грядущим победам своей божественной волей. О подобном отношении к В.И. Ленину достаточно четко высказался на районном съезде советов еще один боргустанец по

¹ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 72, л. 109.

фамилии Галецкий: «Ильич, мой любимый, хоть и помер, а руку ось як держе[»]¹ (Ильичевский жест вверх)».²

Поскольку заветы В.И. Ленина приравнивались едва ли не к библейским, они постоянно озвучивались или присутствовали в виде лозунгов, как в ходе различных хозяйственно-политических кампаний, так и на торжественных мероприятиях, и на праздниках. Например, участники состоявшегося в июне 1924 г. шестого Ставропольского губернского съезда комсомола заявляли, что ленинские заветы «останутся навсегда нашим победоносным светом в борьбе с мировым капиталом к последнему и самому главному этапу через социализм к коммунизму».³

Но, хотя проведенный анализ сущностных характеристик советского праздника позволяет говорить о нем как о своего рода религиозном торжестве, пропагандируемые большевиками торжественные обряды внешне резко отличались от традиционных церковных, более привычных крестьянству. В этом смысле советский праздник представлял как праздник гражданский, заметно различавшийся с религиозным.

Следующая характерная и одновременно отличительная черта советских торжеств в рассматриваемый нами период времени заключалась в присущих им ограничениях по социальному (классовому) признаку. Если традиционный праздник объективно был направлен на укрепление внутريدеревенских социальных связей, то революционные торжества имели целью сплотить *своих*, то есть сторонников коммунистической идеологии и большевистского режима, против *чужих*, – антисоветски настроенных граждан (и не граждан) СССР, а в нашем случае, – сельских жителей Юга России. Своими в деревне (в селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополья) для большевиков выступали члены местных ячеек

¹ Ось як держе – вот так держит (укр.).

² Чепига. Боргустанцы и Ильич // Молот. 1926. 6 марта.

³ РГАСПИ, ф. 65, оп. 1, д. 121, л. 12.

компартии и комсомола, беспартийные активисты, беднота и батрачество, к союзу с которыми следовало настойчиво призывать наиболее многочисленную часть сельского населения, – середняков. Чужими для них являлись «кулаки», разного рода «бывшие» (выходцы из дворянского сословия, чиновничества царского времени, и т.д.), лишенцы, лица духовного звания, – священнослужители и монахи.

Прямых запретов на участие антибольшевистски настроенных селян в советских праздниках не существовало (да и, будь они, проконтролировать их исполнение вряд ли удалось). «Классово-чуждые элементы» села, при желании, могли принимать участие в торжественных шествиях и митингах, смотреть устраиваемые в день праздника спектакли и киносеансы. Но, они отнюдь не считались «своими» на празднике. Более того, торжественные ритуалы в советской деревне 1920-х гг. были построены таким образом, что любой «чужой» гарантированно почувствовал бы себя весьма некомфортно: ведь, ему пришлось бы периодически слышать призывы о мировой революции, о дальнейшем наступлении на церковь, ограничении и вытеснении «кулачества», и пр. Таким образом, если традиционный сельский праздник должен был сплотить крестьян той или иной деревни, села, станицы, хутора, то советский разъединял их по социальному признаку.

Еще одно отличие советского праздника от традиционного сельского торжества выражалось в том, что, если второй носил локальный характер, то первый изначально тяготел к преодолению деревенской локальности. Стремясь к расширению социальной базы созданного ими политического режима, большевики пропагандировали идею «смычки» (проще говоря, союза) между городом и деревней, между пролетариатом и крестьянством. В рамках конструируемой советской властью новой праздничной культуры это означало, что участниками торжественных мероприятий должны были быть как рабочие, так и крестьяне: если

торжества проводились в городе, то на них следовало приглашать представителей деревни, и наоборот.

При этом, союзнические отношения между селом и городом не расценивались большевиками как равноправные: в соответствии с исповедуемой ими идеологической доктриной, ведущую роль в «смычке» должен был играть городской пролетариат, а крестьянам отводилась роль ведомых. Применительно к праздничным мероприятиям подобная расстановка ролей находила выражение в том, что приглашенные на городские торжества земледельцы должны были лишь подкреплять лозунги об успешности «смычки», заверяя пролетариев в своей безусловной верности идеалам социализма и твердо обещая: «в нужный момент мы все вместе, рука об руку, пойдем на последний трудящийся бой».¹ Напротив, рабочие, приезжавшие в деревню на время празднования той или иной знаменательной даты «красного календаря», выступали как одни из важных организаторов и распорядителей этого советского празднования.

Идеи «смычки», в том числе и в праздничной сфере, реализовывалась путем организации шефства городских учреждений и предприятий над теми или иными хуторами, селами и станицами. В обязанность шефам вменялось периодическое посещение крестьян, хозяйственная и культурная помощь им, и пр. Шефы выезжали в села и на время праздника. Так, в 1925 г., в преддверии октябрьских торжеств, Донской окружком ВКП(б) планировал, что 6 октября «представители шефских районных обществ выезжают в деревню» (а к 7 ноября в Ростов-на-Дону должны были прибыть делегаты от крестьян). Намечалось также, что «шефское районное общество Ленгородка»² отправит в деревню две кинопередвижки с целью оптимизации торжеств.³

¹ Майский Г. Подшефные крестьяне у ленинцев // Молот. 1924. 13 сентября.

² Ленгородок – рабочий район Ростова-на-Дону.

³ К Октябрьским торжествам // Молот. 1925. 6 ноября.

Прибыв в деревню, шефы играли первую скрипку в сельском празднике, олицетворяя ведущую роль рабочего класса в «смычке» с крестьянством. Весьма показателен порядок празднования 7 ноября в 1924 г. в хуторе Россошинском Мечетинского района Донского округа, куда из Ростова-на-Дону прибыли шефы, – рабочие предприятий местного транспорта (в лексиконе 1920-х гг. аббревиатура названия профсоюза работников данной отрасли представляла собой загадочное слово «местран»). Именно шефы открыли праздничный митинг, а после выступления преподнесли местным хлеборобам красное знамя «в знак смычки». Выступавший с ответным словом представитель хуторян заверил шефов: «будем хранить знамя, как зеницу ока». На этом миссия рабочих не закончилась, так как они провели в хуторе весь день: «после митинга – общий обед. Вечером – вновь торжественное заседание. Весь день прошел в дружных совместных выступлениях рабочих и крестьян. Праздник Октября еще больше закрепил смычку транспортников с крестьянами».¹

Надо дополнить, что советский праздник не только противостоял локальности традиционных крестьянских торжеств. Он, более того, был интернационален. Данное утверждение не испытывает недостатка в доказательствах, поскольку на всем протяжении советской эпохи знаменательные даты вроде 1 Мая или 8 Марта подавались как праздновавшиеся не только гражданами СССР, но и всем прогрессивным человечеством.

В 1920-х гг. отмеченная особенность праздничных дней «красного календаря» проявлялась в еще большей степени, чем впоследствии. Ведь, в рассматриваемый период времени еще не была окончательно оформлена и освящена сталинская программа «строительства социализма в одной стране», а многие лидеры компартии и рядовые большевики упрямо продолжали верить в то, что «недалек час, когда красное знамя зареет во всех странах,

¹ Михайлов Т. «Будем хранить знамя...» // Молот. 1924. 18 ноября.

и сеть Советов охватит крепким кольцом землю».¹ В издававшихся накануне и во время праздников советских газетах и журналах обязательно подчеркивалось, что граждане страны Советов не одиноки, что вместе с ними их революционные праздники отмечают пролетарии всего мира. Оставив за пределами внимания самые известные праздники (тот же Первомай, 8 Марта), приведем в качестве примера ныне мало кому известный Международный юношеский день (МЮД), название которого говорит само за себя. Так, в 1927 г. редакция журнала «Новая деревня» сообщала своим читателям: «каждый год, 4 сентября, молодежь всего мира празднует Международный Юношеский день». Любопытно, что далее в тексте редакционной статьи содержались строки, должествующие поведать российским крестьянам об исторических корнях упомянутого праздника и об относительно зрелом его возрасте: «в этом году с Международным Юношеским днем совпадает двадцатилетие 1-го международного конгресса (съезда) юношеских социалистических организаций, состоявшегося в городе Штутгарте (Германия) в 1907 году».²

Одной из важнейших отличительных черт советского праздника, не характерной для традиционных крестьянских торжеств, являлась его изначальная политизация. В условиях советской действительности праздник представлял собой не столько время отдохновения трудящихся от забот праведных, сколько очередную возможность для большевистских пропагандистов закрепить в общественном сознании населения бесспорность коммунистической идеологии, подчеркнуть исключительную мощь правящего в СССР политического режима, правомерность осуществляемых им мероприятий и обеспечить широкую поддержку ему со стороны масс народа. Указанная функция знаменательных дат

¹ Выписка из протокола заседания пленума Ессентукского горсовета и представителей городских профсоюзных организаций по поводу празднования 1 Мая (1 мая 1926 г.) // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917 – 1929 годах. С. 610.

² Международный Юношеский день // Новая деревня. 1927. № 17. С. 47.

«красного календаря» обладала наибольшей важностью именно в 1920-х гг., когда большевистский режим еще не мог быть спокоен за свое устойчивое существование, и именно в деревне, где позиции коммунистов были вовсе не так прочны, как того хотелось бы их лидерам.

Один из наиболее выразительных примеров политизации советского праздника в 1920-х гг. нам удалось обнаружить в материалах Донецкого окружкома ВКП(б) Северо-Кавказского края, хранящихся в Центре документации новейшей истории Ростовской области. В 1927 г. как Донецкому окружкому, так и всем другим региональным организациям компартии разных уровней, от окружных до низовых (сельских, станичных), пришлось немало потрудиться, ибо год выдался урожайным на юбилеи: исполнялось десять лет Февральской и Октябрьской революций. Основное внимание, разумеется, уделялось подготовке ноябрьских торжеств, но партийные пропагандисты не забыли и праздник 12 марта – День свержения самодержавия (праздник был приурочен к 27 февраля по старому стилю, когда массовые волнения в Петрограде переросли в вооруженное восстание; отречение же Николая II от престола произошло, как известно, позднее – 2 марта по старому стилю, или 15 марта по новому стилю).

Донецкий окружком ВКП(б) 24 февраля 1927 г. разослал всем подчиненным ему райкомам и ячейкам компартии циркуляр за подписью секретаря окружкома Бадашева, в котором требовал от местных работников «наступающую 10-ю годовщину Свержения Самодержавия 12-го Марта особенно отметить». В обыденном понимании выражение «особенно отметить праздник» означает «хорошо повеселиться», а подготовка к празднику, соответственно, понимается как организация увеселительных мероприятий, гуляний, конкурсов, театральных программ, приготовление подарков, и т.п. Но, мы говорим о суровом времени господства идеологии «классовой борьбы», так что Бадашев, распоряжаясь

«особенно отметить» День свержения самодержавия, имел в виду не веселье, а нечто совершенно иное. Конкретизируя свои требования, секретарь Донецкого окружкома ВКП(б) настоятельно рекомендовал сельским коммунистам «принять все меры к тому, чтобы разъяснение, особенно среди крестьянства, приняло бы самый широкий характер».¹

Под «разъяснением» сути наступающего праздника члены Донецкого окружкома понимали дополнительную политическую агитацию среди крестьянства (составлявшего подавляющее большинство населения округа), направленную на усиление позиций большевиков при одновременной дискредитации всех остальных партий, хотя и не существующих в СССР, но в свое время сыгравших важную роль в Февральской революции. Поэтому, Бадашев поучал подчиненных ему коммунистов Донецкого округа, что «целевая установка разъяснения 10-й годовщины» свержения самодержавия должна быть достигнута путем выполнения ряда основных задач.

Во-первых, надо было разъяснить населению «сущность Февральской революции, как буржуазно-демократической, являющейся результатом борьбы рабочего класса 1905 – 1914 г., как революции, не удовлетворившей требований рабочих и основной массы крестьянства, как революции – защитницы капиталистов, революции – как этапа к непосредственной борьбе за диктатуру пролетариата». Во-вторых, следовало доказать земледельцам, что «освобождение рабочего класса и крестьянства [возможно] только через диктатуру пролетариата». В-третьих, в соответствии с идеей «смычки», необходимо было в очередной раз убеждать жителей сел и станиц Донецкого округа в том, что закрепления достигнутых завоеваний возможно было достичь «только в тесном рабоче-крестьянском блоке». Кроме того, в циркуляре Донецкого окружкома ВКП(б) содержалось еще одно немаловажное предпи-

¹ ЦДНИ РО, ф. 36, оп. 1, д. 5, л. 19.

сание: «нужно осветить поведение мелкобуржуазных партий в революции (меньшевиков и эс-эров) и их измена (так в документе; должно быть написано «измену» – *авт.*) интересам рабочих и крестьян, что только коммунистическая партия – действительная защитница этих интересов».¹

Очевидно, что желаемой целью этих и всех других пропагандистских мероприятий, проводившихся членами региональных организаций компартии накануне и в ходе празднования различных торжественных дат, как в селах и станицах Юга России, так и по всему Советскому Союзу, являлось закрепление в сознании крестьянства образа ВКП(б) как единственной политической организации, которая правильно понимает чаяния народа и совершенно заслуженно обладает монополией на управление страной. В идеале, осуществление подобных мер должно было вызвать у земледельцев прилив сыновней любви к компартии и заверения в безусловной ее поддержке.

Впрочем, изъявление крестьянами верности идеалам коммунизма в любом случае являлось непрямым компонентом советских праздничных торжеств, представляя собой еще одно свидетельство предельной политизации праздничной культуры в Советской России (Советском Союзе) и 1920-х гг., и последующих годов. Любой советский праздник в доколхозной (а, затем и в коллективизированной) деревне сопровождался обязательными митингами, на каждом из которых представители от крестьян клялись поддерживать большевистский режим. Так, в 1925 г. «граждане ст. Вешенской[,] заслушав доклад и воспоминания товарищей о значении Октябрьского переворота», обещали «на девятый год существования Советской власти крепче сплотить свои ряды вокруг таковой и ее руководительницы Коммунистической партии большевиков».² Это лишь один из великого множества

¹ ЦДНИ РО, ф. 36, оп. 1, д. 5, л. 19.

² ЦДНИ РО, ф. 36, оп. 1, д. 5, л. 7.

примеров, которыми можно заполнить бесконечное число огромнейших фолиантов.

Наконец, советские торжества разительно отличались от привычных крестьянам праздников своей доведенной практически до абсурда «непраздничностью». Мы имеем в виду тот факт, что, если в досоветской деревне праздник представлял собой время отдыха от известной будничной суеты, время общения и веселья, то революционные торжества должны были демонстрировать общую «деловитость и торжественность».¹ Конечно, праздничные дни «красного календаря» тоже, как и раньше, были нерабочими. Но, важнейшей целью устраивавшихся в эти дни торжественных мероприятий выступал отнюдь не отдых, а, опять-таки, пропаганда и агитация, направленные на укрепление просоветских настроений среди населения.

В данном случае, показательной представляется разработанная сотрудниками Северо-Кавказского агитпропа в 1926 г. программа празднования 8 марта – Международного дня работниц (хотя этот день в 1920-х гг. не считался праздничным, выходным, все же он обязательно отмечался как в городах, так и в деревне). Согласно программе, при райкомах и низовых ячейках компартии создавались специальные комиссии по подготовке празднования, включавшие в свой состав не только работников районных агитпропов и орготделов, но также представителей комсомольских и пионерских организаций и действовавшие «с привлечением широких масс работниц и крестьянок, а в деревне местной советской интеллигенции, в первую очередь учительниц».²

Планировалось, что кампания по подготовке к празднованию пройдет в городах с 1 по 8 марта, а в деревнях она начнется с 28 февраля, «при чем день празднования в сельских районах переносится на 7-е (воскресенье)». Перенос празднования в селах и

¹ ЦДНИ РО, ф. 36, оп. 1, д. 7, л. 14.

² План празднования 8-го марта // Молот. 1926. 2 марта.

станциях Юга России с понедельника на воскресенье объяснялся, по всей видимости, стремлением партийно-советских работников обеспечить массовость участия в нем сельских жителей. Представители власти, здраво оценивавшие ситуацию, понимали, что 8 Марта еще не успело укрепиться в деревне, большинство крестьян и даже крестьянок пока еще относится к этому празднику безразлично, так что в понедельник мало кто явится на торжества; в воскресенье же селяне все равно не работают и, скорее всего, пополнят ряды празднующих.

Сами торжества по случаю 8 Марта в деревне мыслились сотрудниками Северо-Кавказского агитпропа как череда торжественных заседаний и митингов. В программе указывалось, что в день праздника надо «устроить по возможности: торжественные заседания пленумов сельсоветов, совместно со всеми общественными организациями, имеющимися на селе, открытые собрания ячеек, общегражданские сходы, демонстрацию, устраивая то, что окажется более возможным и целесообразным». Следовало также «приурочить к этой кампании там, где возможно, выпуск женщин, окончивших ликбезы, школы, кружки и т.д.» и, если получится, провести в праздничный день «организацию коллективов беднячек по обработке и вспашке земли, артелей, и вообще оказание производственной помощи беднякам».¹

Как видим, в праздничной программе предусматривалось все, что угодно, кроме непосредственно праздника. Были запланированы различные заседания, собрания, сходы, демонстрации, митинги, выпуск учащихся школ ликбеза (что должно было продемонстрировать достижения советской власти в преодолении массовой неграмотности), организация женских коллективных хозяйств (которые, действительно, нередко создавались именно в дни празднования 8 Марта, о чем пишут А.П. Скорик и М.А. Га-

¹ План празднования 8-го марта // Молот. 1926. 2 марта.

дицкая¹), и пр. Однако, что характерно, не планировалось никаких народных гуляний, никаких театральных представлений, киносеансов и т.п. Очень уж серьезным получался праздник!

Даже торжественные шествия, проводившиеся в дни советских праздников до и после митингов и выглядевшие, действительно, пышно и празднично, были предельно политизированы и преследовали пропагандистские цели. По справедливым замечаниям исследователей, в 1920-х гг. в оформлении праздничных колон преобладали темы, «связанные с производством, с успехами на трудовом фронте. Мощные электромоторы, отечественные тракторы, плуги, прядильно-ниточные станки, электроаппаратура, строительные машины – эти и многие другие установки, часто тут же, в колоннах, демонстрировавшие процесс производства, воспринимались, как рапорты трудящихся о своих успехах... Широко использовались также шаржи, аллегорические фигуры, чучела, головы-куклы, которые высмеивали летунов, пьяниц, прогульщиков, бюрократов, кулаков».²

Советский праздник в любом случае должен был закрепить в сознании его участников и сторонних наблюдателей непререкаемые тезисы об успехах советского государства и большевистского политического режима. С точки зрения представителей власти и рядовых коммунистов, подобное содержание праздничных мероприятий, может, и выглядело вполне естественно. Однако, для огромной массы аполитичных граждан Советского Союза, – а крестьяне стояли здесь на первом месте, ибо их образ жизни не способствовал политизации сознания, – главными в празднике все-таки должны были быть отдых и веселье. Но вот с этим у ре-

¹ Как отмечают А.П. Скорик и М.А. Гадицкая, согласно материалам Ставропольского окружного колхозсоюза, 8 из 18 женских колхозов, существовавших в округе к исходу 1920-х гг., были сформированы именно как подарок советской власти на праздник 8 Марта (См.: Скорик А.П., Гадицкая М.А. Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е годы: гендерный потенциал и менталитет. – Ростов н/Д., 2009. С. 40).

² Брудный В.И. Обряды вчера и сегодня. – М., 1968. С. 64 – 65.

волюционных праздников, как в городах, так и в сельской местности СССР в 1920-х гг. возникли явные сложности.

Выше мы рассмотрели общегосударственные праздники в Советской России (Советском Союзе) 1920-х гг., отмечавшиеся как в городе, так и в деревне. Конечно, в интересующий нас период времени эти торжественные даты с наибольшим размахом праздновались в плотно контролируемых большевистским режимом городах, тогда как в сельской местности численность участников праздничных мероприятий была вовсе не столь высока, хотя постепенно увеличивалась как результат непрерывных усилий партийно-советских органов. Вместе с тем, в эпоху нэпа существовали собственно крестьянские праздники, уже не связанные с традиционной праздничной культурой досоветской деревни, но разработанные и пропагандируемые советскими органами. Безусловным лидером среди таких торжественных мероприятий с аграрным уклоном в 1920-х гг. был «День урожая».

Надо подчеркнуть, что праздник урожая не являлся оригинальным изобретением большевистских политтехнологов. Подобные торжества существовали у самых разных народов мира уже в глубокой древности и проводились, обычно, в конце лета или осенью, по завершении основного цикла сельскохозяйственных работ. Языческие празднества по случаю успешного завершения полевых работ практиковались и восточными славянами; причем, важность этих ритуалов в жизни населения такой аграрной страны, как Россия, была настолько велика, что они сохранились и после принятия христианства, хотя уже под эгидой православной церкви. В частности, в досоветской российской деревне широкой известностью пользовались Дожинки и Осенины. Дожинки совпадали с церковным праздником Успения Богородицы (15 августа по юлианскому календарю и 28 августа – по григорианскому) и представляли собой совокупность ритуалов («дожиночный сноп», «завивание бороды»), чей магический смысл за-

ключался в сохранении плодородия земли и обеспечении хорошего урожая на будущий год. Осенины, праздновавшиеся одновременно с Рождеством Богородицы 8 (21) сентября, по заложенному в них деревенской традицией смыслу означали выражение крестьянской благодарности Матери Сырой-Земле, персонифицированной в образе Девы Марии, за хороший урожай и, значит, за спокойную и сытую жизнь в предстоящие осень и зиму.

Поскольку крестьянские торжественные ритуалы благодарения природы за ее щедрые дары имели чрезвычайно глубокие корни, уходящие в таинственный мрак языческих времен, большевистские пропагандисты просто не имели возможности создать праздник «Дня урожая» с чистого листа. Советский «День урожая» не являлся полностью чуждым крестьянской традиции уже хотя бы потому, что ему, как и досоветским аграрным ритуалам, был присущ дух спокойствия, умиротворенности и радостного восхищения богатыми дарами Матери-Земли. В помещенной в октябрьском (1926 г.) номере журнала «Новая деревня» статье отмечалось, что в нынешнем году праздник урожая «особенно радостен. Почти повсюду полны хлебом закрома, почти везде заготовлено необходимое количество кормов для скота, можно спокойно встретить зиму и ждать весны – начала нового трудового года».¹ Эти слова превосходно отражали как исторически неизменные черты крестьянской ментальности, так и духовное родство «Дня урожая» и предшествовавших ему праздничных аналогов.

Вместе с тем, было бы большой ошибкой объявлять «День урожая» копией с существовавших в дореволюционной России сельских праздников. Имея отчетливо выраженную преемственность с древними сельскими ритуалами, «День урожая» одновременно являл собой продукт советской эпохи и нес в себе, пусть и в несколько ослабленной форме, все родовые черты такого фено-

¹ А.П. Праздник урожая // Новая деревня. 1926. № 19. С. 1.

мена, как революционный (точнее, большевистский) праздник, что мы и продемонстрируем далее.

Отправной точкой существования «Дня урожая» стал 1923 г. (как поэтически заметил автор статьи, опубликованной в журнале «Новая деревня» в октябре 1926 г., «четвертый год мы празднуем наш осенний праздник»¹). Праздник возник по почину комсомола и, при всей своей связи с традиционными крестьянскими осенними ритуалами, изначально нес в сильнейший антирелигиозный заряд. Дело в том, что точной даты празднования «Дня урожая» не существовало, но чаще всего в качестве таковой указывалось 14 октября. Этот выбор был не случаен, поскольку на 14 октября приходился широко отмечавшийся в российской деревне праздник Покрова Пресвятой Богородицы, в рамках которого проводились и языческие по своей сути народные торжества в связи с окончанием полевых работ.

Таким образом, отчасти (но, лишь отчасти) «День урожая» являлся наследником традиционных крестьянских аграрных ритуалов, что должно было облегчить его утверждение и распространение в советской доколхозной деревне. Важнейшей же задачей «Дня урожая» уже с момента его возникновения было неуклонное вытеснение церковного праздника Покрова из праздничной культуры российского крестьянства. По этому поводу в советской прессе недвусмысленно указывалось, что новый праздник урожая в доколхозной деревне «явился на смену старому празднику покровы».² Как видим, «День урожая» с самого начала задумывался как одно из существенных мероприятий антирелигиозной программы большевиков.

Помимо антирелигиозной направленности, «День урожая» преследовал и выполнение политических задач, общих для коммунистических торжественных ритуалов. Праздник должен был

¹ А.П. Праздник урожая // Новая деревня. 1926. № 19. С. 1.

² И.П. На смену покровы – праздник урожая // Молодой ленинец. 1925. 19 сентября.

содействовать «смычке» пролетариата и крестьянства, для чего в его рамках в деревню прибывали шефы, и велась соответствующая агитация. Агитаторы и пропагандисты доказывали крестьянам, что «праздник урожая не только деревенский праздник – это и праздник города. Разве без помощи машин, которые город дает деревне, можно вести культурное хозяйство, разве агрономическую науку, без которой ни шагу нельзя сделать в улучшении хозяйства, не город дает деревне? Вот почему праздник урожая – праздник смычки города и деревни и рабочие шефские общества должны принять в нем самое горячее участие».¹

Политическая пропаганда и агитация в поддержку советской власти сопровождали празднование «Дня урожая» от начала до конца. Использовались все возможности для повышения эффективности пропагандистских мер. Например, в 1927 г., было решено совместить проведение «Дня урожая» с «празднованием десятилетия Октябрьской революции»,² хотя для этого торжества по случаю успешного окончания полевых работ пришлось бы перенести чуть ли не на месяц, – с 14 октября на 7 ноября. В конечном счете, большевики ожидали от «Дня урожая», что он станет одной из мер, которая позволит «еще более сплотить крестьянство вокруг коммунистической партии и советской власти».³

Все же, при неизбежной политизации, «День урожая» был намного ближе крестьянам, чем подавляющее большинство других советских праздников. Причиной такого отношения стала изначальная ориентация этого торжества именно на интересы и предпочтения российских земледельцев. Данное обстоятельство проявлялось уже на стадии подготовки праздника. Согласно инструкциям, в состав комиссий, занимавшихся подготовкой празднования «Дня урожая», должны были входить агроном, предста-

¹ А.П. Праздник урожая // Новая деревня. 1926. № 19. С. 1.

² И.Г. День урожая // Новая деревня. 1927. № 20. С. 2.

³ К приближающемуся празднику урожая // Молодой ленинец. 1925. 29 сентября.

вители волостного исполкома, районного земельного управления, комсомольской организации, «кооперации и прочих организаций, ведущих работу в деревне», а также и «передовые крестьяне».¹

«День урожая», как и любой другой праздник в деревне в рассматриваемый период времени, никак не мог обойтись без различных митингов и конференций. Однако, такого рода мероприятия играли в этом деревенском празднике довольно скромную роль по сравнению с другими способами хорошо провести время, которые были намного интереснее крестьянам. Поскольку во время празднования Покрова, по традиции, проводились ярмарки, представители власти требовали приурочивать их ко «Дню урожая», чтобы повысить его популярность среди сельского населения.² Во время праздника устраивались разного рода конкурсы (например, на лучшие продукты полеводства, огородничества, на лучших лошадей, быков и т.д.), организовывались агитсуды, то есть своеобразные театрализованные действия по осуждению устаревших способов ведения сельского хозяйства и обоснованию эффективности новых, рациональных приемов земледелия и животноводства.³

Центральным же мероприятием «Дня урожая» становилась сельскохозяйственная выставка, где по традиции представляли «сельско-хозяйственные достижения передовых крестьян данной округи» и устраивались конкурсы «на лучшую корову, лошадь, свинью, лучшее ведение хозяйства и прочее».⁴ Участниками выставок и конкурсов могли быть не только отдельные земледельцы, но и целые крестьянские общества, а также коллективные хозяйства. Победители получали от волостной выставочной комиссии премии (обычно это были либо определенные суммы денег,

¹ И.П. На смену покрова – праздник урожая // Молодой ленинец. 1925. 19 сентября.

² Чернышев. «Праздник урожая» в настоящем году // Молодой ленинец. 1925. 29 сентября.

³ В октябре – День урожая // Молодой ленинец. 1925. 22 сентября.

⁴ И.П. На смену покрова – праздник урожая // Молодой ленинец. 1925. 19 сентября.

либо семена элитных сортов пшеницы и других культурных растений, либо чистопородный молодняк) и похвальные листы.¹

Выставки привлекали пристальное внимание крестьян, которые глаз не могли оторвать от образцов сельхозпродукции, полученной путем применения современных методов аграрного производства и заметно превосходившей результаты господствовавших в доколхозной деревне примитивных приемов хозяйствования. Полное одобрение выставки получали и со стороны партийно-советских работников, которые справедливо полагали, что «главная задача» праздника урожая заключается в том, чтобы «вовлечь широкие массы крестьянства в дело общего подъема сельского хозяйства, научить незнающих, подтолкнуть отстающих».² Сельскохозяйственные выставки служили реализации этой задачи, пропагандируя в массе сельского населения достижения наиболее успешных колхозов и крестьян-передовиков.

Кроме того, устраивавшиеся в «День урожая» аграрные выставки должны были укреплять в сознании крестьянства непрекращаемый тезис об успехах хозяйственного строительства в СССР, являвшихся результатом мудрого руководства коммунистической партии. Дабы усилить пропагандистский эффект выставок, в 1927 г., в связи с десятилетием Октября, было решено устроить своего рода сельскохозяйственные отчеты за весь период существования советской власти: «если на прежних выставках подсчитывались хозяйственные и культурные достижения деревни за один истекший год, то теперь выставка должна осветить весь пройденный десятилетний путь».³

Поскольку аграрные выставки вызывали одобрение не только крестьян, но и представителей власти, их численность стабильно росла с каждым годом. Так, в целом по всему Советскому Союзу,

¹ В октябре – День урожая // Молодой ленинец. 1925. 22 сентября.

² А.П. Праздник урожая // Новая деревня. 1926. № 19. С. 1.

³ И.Г. День урожая // Новая деревня. 1927. № 20. С. 2.

в 1924 г. в «День урожая» было устроено 750 таких выставок, в 1925 г. – более 1 тыс., в 1926 г. – уже около 2 тыс.¹ Собственно, эта динамика свидетельствовала и об укреплении в деревне самого «Дня урожая», непременной частью которого являлись выставки достижений сельского хозяйства.

«Дни урожая» в 1920-х гг. отмечались и земледельцами Дона, Кубани, Ставрополья. Осенью 1924 г., несмотря на тяжелые последствия прокатившейся по Югу России засухи, представители партийных структур Дона планировали «провести в благополучных районах – мелко-районные выставки урожая».²

Жители Родионово-Несветаевской слободы (ныне центр одноименного района Ростовской области) так отчитывались о проведении праздника урожая в 1924 г.: «в ночь на 14-е октября была проведена беседа о праздновании дня «Урожая» и культурной работе в деревне, связанная с вопросом кооперации и поднятием сельского хозяйства. В избе-читальне была крестьянская молодежь, слушали внимательно и заявили, чтобы таких бесед было побольше». Той же ночью в избе-читальне началось устройство выставки достижений местных хлеборобов, для чего передовые крестьяне предоставили плоды своих трудов. К утру все приготовления удалось закончить; изба-читальня «была украшена картограммами по сельскому хозяйству (62 картограммы), [здесь же располагались] выставки из книг по сельскому хозяйству до 70 экземпляров, выставка урожая экспонатами до 40 штук».³

Чтобы привлечь крестьян к участию в новом для них празднике, представители местной администрации совместно с агрономом и работником избы-читальни утром выпустили специальный бюллетень, информировавший население о содержании «Дня

¹ И.Г. День урожая // Новая деревня. 1927. № 20. С. 2.

² Отчет Донского окружного комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков). С мая по октябрь 1924 года. – Ростов н/Д., 1924. С. 46.

³ Р.Д. Праздник урожая в Родионово-Несветаевской слободе // Новочеркасский молоток. 1924. 24 октября.

урожая». Трудно сказать, насколько этот бюллетень оказался полезным, учитывая, что он был выпущен только утром 14 октября и вряд ли получил широкое распространение. Однако, жители Родионово-Несветаевской слободы были заранее извещены о проведении праздника, поэтому первые посетители пришли в избу-читальню уже с утра, а к середине дня туда набилось до 200 крестьян, которые при содействии учителя и агронома знакомились с выставкой.

«К вечеру», с удовлетворением отмечали устроители праздника, «изба-читальня была переполнена и пришлось перенести работу в Нардом,¹ где было открыто торжественное заседание, на котором выступали представители: Партячейки, агроном, одна женщина-батрачка и крестьянин 70-летний старик. После окончания крестьянами был пропет Интернационал». По окончании официальной части начались развлечения: «поставлена была агитпьеса», прошел «концерт с участием хора, революционная декламация, народные русские и украинские пенсии. В концерт втянуты были крестьянские силы, также участвовали и дети».²

Новый импульс празднование «Дня урожая» получило в донских, кубанских и ставропольских селах и станицах с 1925 г., в связи с проводившейся в данное время политикой «лицом к деревне». Можно сказать, что в этом году настроение у земледельцев Юга России, отмечавших «День урожая», было особенно

¹ Нардомы (народные дома) – культурно-просветительские учреждения клубного типа в России, создававшиеся земствами, городскими думами, обществами грамотности или частными лицами с просветительскими целями с начала 1880-х гг. Обычно в типовом народном доме одновременно размещались библиотека вместе с читальней, театрально-лекционный зал, воскресная школа, чайная и книготорговая лавка. Власти строго отслеживали комплектование библиотек и ограничивали театральный репертуар «благонамеренными» пьесами. Большевики широко использовали народные дома для ведения своей революционной пропаганды, организации массовых митингов местного населения. После октября 1917 г. народные дома постепенно преобразуются в клубные учреждения, но прежнее название в обиходе сохранялось довольно долго. Очевидно, в слободе Родионово-Несветаевской в свое время и был создан такой нардом.

² Р.Д. Праздник урожая в Родионово-Несветаевской слободе // Новочеркасский молоток. 1924. 24 октября.

праздничным: ведь, правительство во всеуслышание заявляло о необходимости внимательного и уважительного отношения к крестьянству. Была причина повеселиться!

В 1925 г. жители станицы Ольгинской (Черкасский округ Северо-Кавказского края) в «День урожая» устроили обширную сельскохозяйственную выставку, выделив продукты полеводства, огородничества и животноводства в разные отделы экспозиции. В тот же день «был заслушан хлеборобами отчет о работах участкового агронома, о достижениях в области сельского хозяйства и результатах прошедшего с.-х. (сельскохозяйственного – *авт.*) года». Вечером был устроен бесплатный спектакль.¹ Сходный сценарий «Дня урожая» был осуществлен в том же году и в станице Бессергеновской (ныне Октябрьский район Ростовской области). Только, в отличие от Ольгинской, здесь организаторы праздника уделили более пристальное внимание официальной части, так как вечером «открылось торжественное заседание сельсовета, ячейки партии и комсомола, КОВА (крестьянский комитет общественной взаимопомощи – *авт.*) и присутствующих граждан».²

Остается рассмотреть вопрос о том, какое распространение получили советские праздники в доколхозной деревне СССР (в том числе, в селах и станицах Юга России) и насколько были прочны их позиции на селе. Содержащиеся в источниках свидетельства об этом, как водится, разноречивы, но взвешенный анализ позволяет установить доминировавшие тенденции.

В документах партийных структур нередко содержатся сообщения о массовом участии сельского населения в праздновании тех или иных торжественных дат «красного календаря». Так, первый секретарь Терского окружка ВКП(б) И.Н. Крайнев утверждал, что во время проведения торжеств по поводу десятилетия Октябрьской революции «мы имели громаднейший подъем

¹ В.К. День урожая // Молот. 1925. 11 ноября.

² Селькор Вольный Ф. Праздник у нас // Молот. 1925. 4 ноября.

рабоче-крестьянского населения. Этот подъем выражался в небывалом стечении народа на наших демонстрациях».¹

Безусловно, такого рода сообщениям можно доверять. Советские праздники с течением времени укреплялись в деревне, как вследствие целенаправленных усилий большевиков по преобразованию крестьянской праздничной культуры и укреплению своей социальной базы на селе (численный рост просоветски настроенных земледельцев был прямо пропорционален расширению контингента участников торжеств), так и в результате привыкания сельского населения к новым ритуалам. В 1927 г. стремление сельских жителей стать участниками советских торжеств дополнительно подкреплялось слухами о предстоящем нападении капиталистических держав (в первую очередь, Великобритании) на Советский Союз. Участвуя в революционных праздниках, крестьяне демонстрировали доверие и поддержку советской власти и большевистскому режиму (хотя, те же самые слухи спровоцировали и рост антисоветской активности и в городе, и в деревне).

Вместе с тем, наблюдавшиеся в 1920-х гг. тенденции советизации праздничной культуры российской деревни вряд ли могли как-то удовлетворить лидеров компартии, не говоря уже о радикал-большевиках, мечтавших о прыжке в коммунизм. Даже к исходу 1920-х гг. партийно-советские работники в деревне, заведующие избами-читальнями, пропагандисты, агитаторы, журналисты вынуждены были говорить о степени признания крестьянами революционных праздников со сдержанным оптимизмом.

В вышедшем осенью 1927 г. номере журнала «Новая деревня» отмечалось: «несмотря на то, что большинство крестьян еще по привычке празднует многие церковные праздники, с каждым годом все большее и большее значение в деревне приобретают новые революционные праздники».² Автору статьи удалось постро-

¹ ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 24, л. 38.

² И.Г. День урожая // Новая деревня. 1927. № 20. С. 1.

ить предложение таким образом, что, даже признав неприятный для большевиков факт приверженности «большинства крестьян» традиционной праздничной культуре, он сумел придать своим высказываниям оптимистичное звучание (о, «великий и могучий русский язык!»). Объективно же оценивая положение советских праздников на селе, надо поменять местами первую и вторую часть процитированного изречения: хотя революционные торжества постепенно крепили свои позиции в деревне, большинство крестьян сохраняло верность церковной обрядности. Зачастую, впрочем, один и тот же крестьянин с совершенно одинаковым усердием отмечал и советский, и церковный праздник (о чем мы писали в предыдущем очерке). Тем самым, даже к концу 1920-х гг. пропагандируемые большевиками торжественные ритуалы явно проигрывали по популярности привычным для крестьян церковным праздникам.

Колоритный пример весьма индифферентного отношения многих сельских жителей к советским праздникам был приведен на проходившем 25 – 30 января 1926 г. совещании секретарей сельских ячеек ВКП(б) Донского округа Северо-Кавказского края представителем партиячейки села Александровка Азовского района Пастушенко. Он рассказывал, что ему и другим сельским коммунистам 7 ноября пришлось смириться с минимальным количеством участников торжеств, так как день празднования был выбран неудачно: «устроили демонстрацию небольшую, потому что не было мужиков, а не было их потому, что день Октябрьской революции был не в воскресенье, а в субботу, а в то время, хотя и позднее время, было много молотьбы, поэтому многих мужиков не было, поэтому не было большой демонстрации».¹ Итак, в рабочий день большинство крестьян не соизволили посетить празднование такой священной для большевиков даты, как 7 ноября; что уж говорить о других революционных праздниках!

¹ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 70, л. 55.

Можно указать ряд обстоятельств, существенно затруднявших советизацию праздничной культуры российского (в частности, южно-российского) крестьянства в 1920-х гг. Помимо крестьянского консерватизма и исторически мизерного срока большевистских преобразований в деревне в рассматриваемую эпоху, следует указать на, уже подмеченную нами, вопиющую «непраздничность» советских праздников.

Как писал В.И. Брудный, «если в годы Гражданской войны манифестации носили суровый, военизированный характер, то с переходом на мирное строительство они приняли более праздничный, разнообразный характер, мобилизующий людей на трудовой энтузиазм».¹ По всей видимости, автор не уловил иронии, которой были буквально пропитаны его строки. Конечно, все познается в сравнении, так что после тяжелейших испытаний Гражданской войны простая возможность отдохнуть от беспросветного труда уже могла показаться праздником. В то же время, мероприятия, «мобилизующее на трудовой энтузиазм», обычно называется не праздником, а несколько иначе. Во всяком случае, российские крестьяне давно привыкли к тому, что праздник есть отдохновение от трудов праведных, и потому с трудом воспринимали новое, пропагандируемое большевиками, понимание праздничного торжества как мобилизующего на труд и подвиги просоветского мероприятия.

Чисто внешне советский праздник тоже казался крестьянам чрезмерно политизированным, официозным и скучным. Легко догадаться, как могли относиться земледельцы Терского округа Северо-Кавказского края (привыкшие, что праздник – это веселье, гулянья, выпивка, – чего уж греха таить!) к празднованию восьмой годовщины Октябрьской революции, которое «в большей части выразилось в массовых митингах по избам-читальням,

¹ Брудный В.И. Обряды вчера и сегодня. – М., 1968. С. 64 – 65.

клубам и пр.»¹ Бесконечные митинги, к тому же нередко проводившиеся малограмотными и косноязычными сельскими коммунистами или беспартийными активистами,² вызывали закономерное неприятие и отторжение крестьян. Черета сменявших друг друга митингов, манифестаций, отчетов, слетов и тому подобных мер навевала уныние.

Указанные недостатки советских торжественных ритуалов понимали уже многие трезво мыслящие современники. В.В. Вересаев, критически осмысливая обряд «красной свадьбы», писал: «Но вот представьте себе. Десятая такая свадьба, сотая, пятисотая... Давно уже выдохлась вся революционность акта, давно уже бесцерковная свадьба стала обычнейшим бытовым явлением, которое само по себе, голою своею наличностью совершенно уже не в состоянии вызвать восторга. И останутся все те же заседания, приветствия организаций, которые, как всегда «трудно разобрать» – да лучше и не разбирать, – и речи, «опять речи»? Какая скука! Какая серая, трезвая скука!»³

Среднестатистический крестьянин, конечно, не сумел бы выразить свое неприятие «серой скуки» советских политизированных праздников настолько же емко и ярко, как это сделал Вересаев. Крестьянам оставалось лишь невербальными способами демонстрировать свое разочарование навевающими скуку праздничными (якобы) мероприятиями. Великолепное по своей неумышленной выразительности описание крестьянского разочаро-

¹ Из информационной сводки Терского окротдела ОГПУ в окружном РКП(б) о праздновании 8-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. 18 ноября 1925 г. // Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917 – 1929 годах. С. 316.

² Например, члены комиссии, проверявшей деятельность Боковской партийной ячейки Вешенского района Северо-Кавказского края, указывали в своем отчете от 18 ноября 1927 г., что проводившееся членами ячейки «торжественное заседание 6-го ноября не было обеспечено докладчиком о международном и внутреннем положении из партийцев, а делал доклад беспартийный, что, в конце концов, скомпрометировало всю деловитость и торжественность дня, а перешли на антирелигиозные темы[,] в них запутались и вызвали массу к смеху по адресу партиячейки» (ЦДНИ РО, ф. 36, оп. 1, д. 7, л. 14).

³ Вересаев В.В. Об обрядах старых и новых: к художественному оформлению быта. – М., 1926. С. 18.

вания советским праздником содержится в одном из номеров журнала «Крестьянка» за 1923 г.: «ходили по площади, пели революционные песни, потом [был] митинг. Говорили приветственные речи. На повестке дня стояло международное положение и о внутренней политике советов. Граждане слушали со вниманием. Когда митинг объявили закрытым, народ все стоял и не уходил, как бы ожидая еще чего-то».¹ «Народ стоял и не уходил», — и это неудивительно; ведь «народ» ждал настоящего праздника, который был подменен утомительной трескотней ораторов!

На фоне политизированных праздничных мероприятий выделялся, как мы уже отмечали, «День урожая», относительно близкий традиционной сельской праздничной культуре, поскольку он был менее официозным и более непринужденным. «День урожая», как единодушно отмечали современники, проходил «с большим оживлением»,² имел характер «большого народного торжества»³ и «стал любимым крестьянским праздником».⁴ Однако, в том виде, в каком он существовал в эпоху нэпа, «День урожая» исчез вместе с этой исторической эпохой, будучи существенно преобразован «колхозным строительством».

Наиболее же важной причиной затрудненности советизации крестьянской праздничной культуры в 1920-х гг. нам представляется сохранение традиционного уклада жизни в доколхозной деревне. В условиях нэпа, когда большевистские лидеры и идеологи не выработали общепризнанной (или, хотя бы, доминирующей) программы социалистической модернизации деревни, принимавшиеся ими попытки преобразований сельского жизнеустройства были разрозненны, отличались слабостью и непоследовательностью. Как бы ни стремились радикальные члены ком-

¹ Ситникова М. Как у нас прошел праздник урожая // Крестьянка. 1923. № 22. С. 11.

² Р.Д. Праздник урожая в Родионово-Несветаевской слободе // Новочеркасский молоток. 1924. 24 октября.

³ И.П. На смену покрова — праздник урожая // Молодой ленинец. 1925. 19 сентября.

⁴ И.Г. День урожая // Новая деревня. 1927. № 20. С. 1.

партии к коренной и быстреей ломке веками складывавшихся устоев жизнедеятельности российского крестьянства, в 1920-х гг. у них не было сил и возможностей реализовать подобные задумки по причине отсутствия идейного единства в рядах ВКП(б), слабости партийного представительства в деревне и отсутствия должной социальной поддержки среди сельского населения.

Мероприятия по советизации традиционной крестьянской праздничной культуры представляли собой одно из направлений большевистской модернизации российской деревни и, по этой причине, они были столь же половинчаты и недостаточно эффективны, как и модернизация в целом. Поэтому, на всем протяжении 1920-х гг. официально одобренные советские праздники занимали отнюдь не самые широкие и прочные позиции в жизни крестьянства, заметно проигрывая в популярности церковным торжественным ритуалам (включавшим в себя еще и существенные элементы древних языческих верований). Ускоренная и безостановочная советизация сельского праздника началась только в конце 1920-х – начале 1930-х гг., в рамках сплошной насильственной коллективизации, результатом которой стало крушение крестьянской цивилизации в России и, в том числе, – в южных регионах нашей страны.

Очерк третий
Направления и средства
модернизации крестьянского
досуга на Юге России в 1920-х гг.

Праздное времяпрепровождение жителей российской деревни имело немало сходных черт с досугом земледельцев других стран и государств мира, по причине общности хозяйственного уклада. Вместе с тем, досуг отечественных аграриев, – его длительность, порядок проведения, содержание, – обладал массой специфических характеристик, обусловленных геоклиматическими и социокультурными условиями нашей страны. Формировавшиеся веками особенности труда и отдыха русского крестьянства породили в публицистике, околону научной литературе и в сознании той части населения, которая далека от сельской действительности, миф о сезонной праздности отечественных хлеборобов, о том, что «мужик полгода на печи лежит». Поскольку условия жизнедеятельности в советской деревне эпохи нэпа (в том числе, в селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополья) оставались в значительной мере традиционными, необходимо предварить рассмотрение досуга южно-российских земледельцев в 1920-х гг. установлением исторических корней и степени истинности вышеуказанного мифа. Проще говоря, определимся с вопросом, каковы были темпоральные параметры досуга и праздности в жизни донских, кубанских, ставропольских хлеборобов в рассматриваемый период времени.

Заявления о природно обусловленной склонности российских крестьян к чрезмерной праздности имеют под собой некоторые основания. Общеизвестно, что сельскохозяйственный цикл в России существенно меньше, чем в странах Центральной, Западной или Юго-Западной Европы. Как писал академик Л.В. Милов, «важнейшей особенностью сельского хозяйства большей части

Российского государства всегда был необычайно короткий для земледельческих обществ рабочий сезон. Он длился с половины апреля до половины сентября (а по новому стилю с начала мая до начала октября), не отличаясь при этом сколько-нибудь солидной суммой накопленных температур. В то же время на Западе Европы на полях не работали лишь декабрь и январь».¹ Если подсчитывать общее количество дней, пригодных для аграрного производства, то для России это 125 – 130 рабочих дней.²

Оговоримся, что Л.В. Милов оперировал данными по Центральной России, в которой климат суровее, чем в южных регионах нашей страны. На Дону, Кубани и Ставрополье сельскохозяйственный цикл более продолжителен, так как начинается уже с марта – апреля и, в ряде случаев, может продолжаться до ноября включительно. Тем не менее, в среднем по России пригодный для аграрного производства период времени в любом случае меньше, чем европейские показатели.

Тот непреложный факт, что в Российском государстве напряженный и трудоемкий сезон основных сельскохозяйственных работ занимал по времени чуть более трети года, порождал у малоознакомых с деревенским бытом людей устойчивое представление о минимальной занятости крестьян в оставшиеся семь – восемь месяцев. По этому поводу еще В.О. Ключевский писал: «В одном уверен великоросс – что надобно дорожить ясным летним рабочим днем, что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным неожиданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убраться с поля, а затем *оставаться без дела* (курсив наш – авт.)»

¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М., 2001. С. 554.

² Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4 – 5. С. 39.

осень и зиму».¹ В этой цитате из работ выдающегося русского историка совершенно справедливая констатация предельной краткости сельскохозяйственного сезона соседствовала с отнюдь не бесспорным утверждением о ничегонеделании крестьян на протяжении большей части года.

Помимо суровых, неблагоприятных для сельского хозяйства природно-климатических условий, в качестве важных факторов формального превалирования праздности над трудом в российской деревне правомерно называют также традиционный уклад жизни крестьянства и влияние православия. Нельзя не согласиться с Б.Н. Мироновым в том, что «преобладание нерабочего времени над рабочим – характерная черта всякого традиционного сообщества, к которому, несомненно, относилась русская сельская община».² Ведь, «согласно принципам традиционной трудовой морали, следует работать до удовлетворения скромных по своему составу потребностей семьи в питании, одежде и жилище, весь доход тратить на потребление и не стремиться к накоплению».³

Здесь мы имеем дело со специфическим ментальным сценарием жизнедеятельности, которому Джеймс Скотт дал определение «моральная экономика»⁴ и под которым понимают стиль хозяйствования, направленный на обеспечение «всего лишь выживания человека на уровне полуголодного существования, на уровне простого воспроизводства, правда, всех членов общества (и в этом со-

¹ Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. I. Курс русской истории. Ч.I. – М., 1987. С. 315. Отсюда, по справедливому замечанию Ключевского, проистекает ряд особенностей национального характера русских: «Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в то же Великороссии» (Там же, С. 315).

² Миронов Б. Время – деньги или праздник? Трудовая этика российских крестьян // Родина. 2001. № 10. С. 65.

³ Там же. С. 62.

⁴ См.: Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия / Сост. Т. Шанин. – М., 1992. С. 202 – 210.

стоит ее моральность)».¹ «Моральная экономика» представляет собой закономерное порождение доиндустриальных аграрных обществ, в которых примитивные средства производства и методы хозяйствования не позволяли получить достойную компенсацию за чрезмерно высокие трудовые усилия. Иначе говоря, в досоветской России крестьянский труд по определению был тяжел, а урожай зачастую получался низким из-за примитивной обработки земли. Получить повышенный урожай можно было только экстенсивным путем, распахивая новые земельные площади ценой сверхнапряжения сил. Но, и в этом случае выращенной сельхозпродукции бывало недостаточно для того, чтобы земледелец мог ею компенсировать затраченные силы и подорванное здоровье. В этих условиях, крестьяне предпочитали довольствоваться минимумом потребления, который можно было обеспечить минимальным же трудом (однако, в данном случае выражение «минимальный труд» означает не «легкая работа», а «труд на пределе возможностей человеческого организма»; напрягаться же за пределы возможностей крестьяне не видели смысла по уже указанным причинам).

Что касается православия, то данному направлению христианства присуще особое понимание труда. Надо, впрочем, сказать, что во всех направлениях христианства, будь то православие, католицизм или протестантизм, труд считается угодным Богу. Но, в протестантизме, с его трудовой этикой, активная производящая и предпринимательская деятельность рассматривается как добродетель, а полученное в результате неустанных забот богатство, — как знак того, что твои деяния угодны Богу и ты избран в число праведников, которых после смерти ждет рай.²

¹ Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар). Из вступительного слова В.П. Данилова при обсуждении работы Д.С. Скотта «Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии» // Отечественная история. 1992. № 5. С. 4.

² См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. — М., 1990. С. 61 — 344.

Православие же исходит из того, что «человек должен стремиться к самосовершенствованию через труд», и сам труд рассматривается в таком случае как «проявление духовной жизни, а трудолюбие есть выражение духовности».¹ То есть, в отличие от протестанта, для православного человека важнее всего достигаемое через труд приближение к Божьим заповедям, а материальные результаты усилий вторичны, хоть и отнюдь не безразличны. Закономерным следствием такого понимания труда выступает отказ от его гиперболизации ради достижения чрезмерного потребления (ведь богатство суетно и греховно) и сочетание его с такими способами духовного самосовершенствования, как молитва или регулярное посещение церкви. Поэтому, как замечают исследователи, в условиях «православного безразличия к хозяйственной жизни... экономическая культура всегда находилась не на самом высоком уровне в православной России».²

Под влиянием вышеперечисленных факторов период кажущейся праздности в жизни русских крестьян, действительно, превосходил период напряженного труда. В дореформенной российской деревне середины XIX в. численность нерабочих дней в году (исходя из длительности рабочего дня в 10 часов) равнялась 225, или 62 % от общего количества дней.³

В советской деревне эпохи нэпа стиль и приемы хозяйствования оставались в основном аналогичными дореволюционным практикам, что соответствующим образом влияло на соотношение рабочих и нерабочих дней. Подобные утверждения основаны на результатах анализа бюджетов крестьянских хозяйств. Например, по результатам обследований, проведенных среди 40 крестьянских хозяйств в Сызранском, Ульяновском и Самарском уездах

¹ Шамшурина Н.Г. Идеология труда в России // Социс. 1994. № 8 – 9. С. 181.

² Шкаратан О.И. Русская культура труда и управления // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С.40, 41.

³ Миронов Б. Время – деньги или праздник? Трудовая этика российских крестьян // Родина. 2001. № 10. С. 63.

РСФСР в 1927 г., оказалось, что на одного работника в средней сельской семье приходилось только 103 дня в год. Из них 45 дней приходилось на полеводство, 33 – на животноводство, 25 дней – на прочие работы в хозяйстве.¹

Как видим, сезонный характер деятельности в традиционном крестьянском хозяйстве сохранялся в России и в досоветскую эпоху, и в течение первого десятилетия советской власти. Действительно, в продолжение весенне-летнего периода русскому пахарю приходилось напрягать все силы, чтобы успеть выполнить все многообразие работ в кратчайшие сроки, до прихода дождливой осени и морозной зимы. Вместе с тем, было бы величайшей ошибкой говорить о том, что в межсезонье крестьяне в России «сидели без дела».

Напротив, материалы проводившихся еще в дореволюционные времена обследований позволяют уверенно утверждать, что для каждой крестьянской семьи «главная черта повседневности, домашнего, семейного быта и жизни в целом – заполненность трудом».² Помимо работы в поле, крестьянин и все члены его семьи, с самого раннего возраста, выполняли множество различных обязанностей по хозяйству, которые были трудноуловимы средствами статистики, но составляли более чем весомое дополнение к основной деятельности и заполняли весь день. Это уход за домашними животными и птицей, работа на огороде, приготовление пищи, носка воды, заготовка дров, уборка дома и пр., и пр. Перечень этих повседневных забот, которые являлись уже не сезонными, а постоянными, можно продолжать очень долго.

В научной, публицистической и художественной литературе содержится немало более или менее подробных описаний вечной крестьянской занятости. На наш взгляд, наиболее выразительно

¹ Р-на. Что дает учет в хозяйстве? // Новая деревня. 1927. № 12. С. 39.

² Фирсов Б.М., Киселева И.Г. Структуры повседневной жизни русских крестьян конца XIX века (опыт этносоциологического изучения) // Социс. 1992. № 4. С. 8.

об этом сказал Д.М. Балашов, описавший в романе «Ветер времени» многообразную деятельность русского крестьянина по окончании полевых работ: «...он, отдохнувший после страды – а только и слава, что отдохнет! – к завтраму достанет загнутые по весне полозья и начерно вырубленные копылы и станет мастерить новые дровни, чтобы успеть до снегов, а там чинить сбрую, а там мочить и мять кожи, а там... Да мало ли дела у мужика на кажен день, кажен час, так что, хошь и слушая сказку али бывальщину, не перестает он то вырезывать какую посудину, то сучить дратву, то подшивать валенок или заплетать лапотъ – лишь бы работа шумом своим не мешала рассказу».¹

Добавим, что непрерывный труд, сопровождавший крестьянина с самого детства и составлявший смысл его жизни, порождал у земледельцев сильнейшую психологическую потребность в работе, близкую к инстинкту. В условиях праздности крестьянин чувствовал себя крайне некомфортно, что, опять-таки, достаточно ярко отражено в художественной литературе. Обращаясь к произведениям, повествующим о жизни хлеборобов Дона, Кубани и Ставрополя в 1920-х гг., можно отметить роман Н.А. Брыкина «Стальной Мамай» и очерк И.И. Катаева «Зеленя», посвященные начальному этапу коллективизации на Юге России. Брыкин представил психологически точное описание реакции кубанских казаков на освобождение их от пахоты путем применения тракторов. Вместо выражения радости хлеборобы жаловались: «руки зудят, работы просят, а работу машины отняли», «худо казаку без работы, казак без работы – шо арба без колес».² В очерке Катаева, написанном с натуры, представлен старик, негодующий на нежелание колхозной администрации брать его на работу ввиду преклонных лет: «нет, говорят, такого права – старикам в кол-

¹ Балашов Д.М. Ветер времени. М., 1990. С. 283.

² Брыкин Н.А. Стальной Мамай // Брыкин Н.А. Земля в плену. Стальной Мамай. – Л., 1969. С. 541 – 542.

хозе работать... А я без работы не жил. Я полезный. Меня куда хочешь ставь, я везде осилю».¹

Изложенные выше материалы, количество которых при необходимости можно увеличить без малейших проблем, служат надежным основанием опровержению мифа об осенне-зимнем ничегонеделании российских крестьян и об их врожденной лени. Вместе с тем, особенности сельскохозяйственного цикла в России, действительно, превращали крестьянский досуг в сезонный. Осенью и зимой работы было меньше (но, это не значит, что ее не было вовсе), так что жизнь становилась относительно спокойнее. Взрослым можно было отдохнуть от летнего перенапряжения, а дети, которые во время полевых работ помогали родителям, отправлялись школу.

Подобный распорядок труда и отдыха сохранялся в южно-русской деревне и в эпоху нэпа. Как вспоминал известный кубанский историк В.В. Криводед, «крестьянские дети учились 2 – 3 зимы, в остальное время работали вместе с родителями. На вопрос: сколько классов окончил? Так отвечали: одну или две зимы».² Сезонность крестьянского досуга учитывали в своей работе и сотрудники агитационно-пропагандистских, просветительных, культурных учреждений Советской России. Как отмечалось в одной из газетных публикаций, «осень уже наступила. Близок конец полевых работ. И вместе с тем близко то время, когда должна развернуться зимняя культурная работа в деревне. Школы, избы-читальни, клубы готовятся к своей работе».³

Здесь, собственно, следует перейти к освещению крестьянского досуга в селах и станицах Юга России в рамках такой специфической исторической эпохи, как эпоха нэпа. Рассмотрим

¹ Катаев И.И. Зелень // Катаев И.И. Хлеб и мысль. Повести, рассказы, очерки. – Л., 1983. С. 174, 176.

² Криводед В.В. История села Львовского на Кубани. С. 48.

³ Ч. Что такое посиделки? Какая работа предстоит с ними зимой // Молодой ленинец. 1925. 24 сентября.

также идеологические основания, направления, средства и методы преобразований советскими и партийными органами досуга южно-российских земледельцев в 1920-х гг.

В рамках относительно либеральной эпохи нэпа в Советской России (Советском Союзе) существовал ряд социально, материально и культурно обусловленных вариаций досуга. В городе свои способы праздного времяпрепровождения были у сколотивших более или менее солидные капиталы «нэпманов», свои, — у рабочих и служащих. При этом досуг горожан и крестьян различался весьма существенно, поскольку в данное время большевики имели мало возможностей для последовательной реализации провозглашенного ими лозунга стирания различий между «социалистическим городом» и деревней и превращении второй в некое подобие первого.

Крестьянские способы отдыха от забот были, безусловно, менее разнообразны, чем в городе, что сильно обижало земледельцев и служило дополнительным стимулом для «ревности» к рабочим («ревность» эта, первоочередной причиной которой было демонстративно заботливое отношение большевиков к пролетариату как социальной основе созданного ими политического режима, представляет собой характерное явление эпохи нэпа). Неприветливое отношение хлеборобов к «жирующим» горожанам хорошо передал один из добровольных корреспондентов «Крестьянской газеты» в своем письме в редакцию в 1927 г.: «городам дана привилегия, разные разгулы, пивные и кондитерские, рестораны, театры и проч., чисто одеваются, хорошо едят...».¹

В условиях размеренной, бедной неординарными событиями сельской жизни, сопровождавшейся столь же размеренным и однообразным досугом, любое выбивающееся из общего ряда происшествие привлекало к себе живейший интерес крестьян. Возможность обсудить это происшествие или поглазеть на него ста-

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 19, л. 224.

новилась наилучшим способом заполнения свободного времени. Например, когда весной 1926 г. в станице Малороссийской (ныне Тихорецкий район Краснодарского края) у одного из хлеборобов корова отелилась мертворожденной «телушкой с 2 головами» (соответственно, у теленка были «4 губы, 2 языка и 4 рога»), смотреть на эту диковинную ошибку природы «приходила вся станица». Очевидно, поток любопытствующих не иссякал бы в течение многих дней, но хозяева очень скоро избавились от трупики животного, так как «местный ветеринар, убоясь «неприятностей», отказался заспиртовать этот редкий случай уродства».¹

Подобные экстраординарные явления, провоцировавшие громадный интерес сельской общественности и заметно разнообразившие праздное времяпрепровождение, были редки в деревне (как, впрочем, и везде). Поэтому, повседневный досуг крестьяне проводили совершенно иначе. В период нэпа сельские методики отдохновения от трудов претерпевали определенные новации, о которых мы поговорим далее. Пока же отметим традиционные формы досуга в доколхозной советской деревне 1920-х гг., какими оставались посиделки и гулянья.

В общем-то, посидеть и поговорить в свободное от работы время в деревне можно было вечером на крыльце дома, на лавочке у подворья или на любой другой поверхности, пригодной для этих целей. Это был наиболее доступный и потому распространенный на селе способ отдохнуть вечером от забот. Констатируя очевидные вещи, участники проходившего в конце января 1926 г. совещания секретарей сельских ячеек компартии Донского округа Северо-Кавказского края говорили: «казачество и крестьянство больше всего собираются вечером [отдохнуть]».² Да и в других зарисовках сельской жизни, сделанных в 1920-х гг., нередко встречаются бесхитростные упоминания о том, что по вечерам

¹ Диковинная телушка // Молот. 1926. 23 марта.

² ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 72, л. 31а.

«бабы на крыльце лушат семячки, сплетничают и смеются»,¹ занимаются «разговорами... лущением семечек и смехом».²

Однако, посиделками (вечорками, беседами и т.п.) обычно именуют не просто сплетничество на лавочке у дома, а организованные с целью проведения досуга собрания женщин или девушек той или иной деревни. Обычно посиделки устраивались вечером, дома у какой-либо из крестьянок (зачастую для этого арендовали чье-либо жилое помещение, чтобы не стеснять семью). Приглашенные участницы и участники могли приходить с пустыми руками или же приносить с собой угощение. Также практиковалась складчина деньгами, а на получившуюся сумму уже покупали и заказывали все необходимое; как писал один из сельских корреспондентов в 1927 г., «каждый участник вечорки, хлопец или дивчина, несет туда по установившемуся обычаю рублевку, а то и две... на каждую вечорку нужно гармошку нанять за 2 рубля... магарыч музыкантам рубля на 2... водки на каждой вечорке выпьют не меньше, чем по 10 бутылок».³

Поскольку вся жизнь крестьян была заполнена трудом, посиделки нередко сопровождались совместной работой, которая рассматривалась при этом как полезное дополнение досуга (по принципу «совместить приятное с полезным»). Обычно такие посиделки были чисто женскими. Один из сельских корреспондентов газеты «Молодой ленинец» в сентябре 1925 г. со знанием дела описал подобного рода специализированную по гендерному признаку форму досуга. Хотя это описание чрезвычайно обширно, мы полагаем необходимым процитировать большую его часть, в связи с важностью информации.

«В основе посиделок», отмечал скрывшийся за псевдонимом «Ч.» корреспондент, «лежит совсем не стремление к развлечени-

¹ Орешин П. Илюшка // Красная нива. 1925. № 30. С. 698.

² РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 577, л. 98.

³ Полненко А. Вечорки или кино // Новая деревня. 1927. № 14. С. 40.

ям, как думают некоторые, – посиделки возникли из чисто экономических и хозяйственных потребностей деревни, или, точнее сказать, женской части ее населения. Для рукоделия в течение дня у деревенской женщины времени нет. В ее распоряжении остается вечер, после уборки скота. За пряжей, шитьем, вязаньем женщины засиживаются поздно, до полуночи. Расход на керосин в продолжении лишних 3 – 4 часов для крестьянского бюджета очень значителен. К тому же мужики хотя в трудную минуту не прочь залезть в «бабью копейку», не позволяют, обычно рукодельничающей бабе «зря жечь керосин». Вот бабы и девушки додумались работать компанией за «одним огнем». Снимают у какой-нибудь бобылки избу, устраивают складчину на керосин и собираются по вечерам всяк со своей работой. Сюда приходят и пожилые женщины, опытные рукодельницы, и совсем еще девочки, которые на посиделках учатся у более умелых».¹

Хотя «Ч.» начал свой рассказ о посиделках с категоричного утверждения о том, что в их основе лежат исключительно хозяйственные факторы (здесь явно чувствуется влияние марксизма с присущей ему гиперболизацией социально-экономических факторов), далее он все же признал эти собрания формой досуга: «кроме чисто экономических выгод, деревенскую женщину посиделки притягивают еще потому, что там она встречается за работой еще с другими женщинами, возникают разговоры, сплетни, пересуды, в которых находят своеобразное развлечение; общественные интересы деревенской женщины, правда, очень маленького «бабьего» масштаба. На посиделках бабы то поют все вместе, то – наиболее голосистые и умелые песенницы по очереди – [а] остальные слушают. Сказки, рассказы бывалых людей имеют почетное место на посиделках. Длинный рабочий вечер проходит незаметно. Эти рассказы и песни, имеющие для женщины, рабо-

¹ Ч. Что такое посиделки? Какая работа предстоит с ними зимой // Молодой ленинец. 1925. 24 сентября.

тающей на посиделках, подсобное к работе значение, привлекают нередко на посиделки и мужиков».¹

В том случае, если посиделки устраивала молодежь, ведущим мотивом их было уже не совместное рукоделие, а, в соответствии с возрастными предпочтениями, приятное времяпрепровождение. Все тот же «Ч.» справедливо утверждал: «девушки, собирающиеся на посиделки, обычно после работы, устраивают, так сказать, второе отделение, уже чисто увеселительное, приходят парни с гармонией, начинаются уже другие песни, пляски, игры. Для холостой молодежи деревни посиделки являются узаконенным местом свиданий. Здесь парни приглаждают себе невест, а девушки – женихов. Даже самые строгие родители не запрещают своим дочерям посещать посиделки».²

Впрочем, участниками таких веселых посиделок, автоматически превращавшихся в вечеринки, были не только холостые парни и незамужние девушки, но также замужняя и женатая сельская молодежь. В.В. Криводед вспоминал, что в 1920-х гг. в селе Львовском (ныне Северский район Краснодарского края) его родители и их ровесники, еще совсем молодые люди, собирались в одном из сельских домов (и «веселились до упаду... И когда они собирались на вечеринку, нам наказывали – сидите дома. Но как только они уйдут – мы за ними. Соберемся человек 6 – 7 ребят и тихонько заглядываем в окна. Мы восторгались красотой, молодостью своих родителей, озорной музыкой баяниста. Как только начинали расходиться, мы бегом домой и на печь».³

Не менее, а то и более посиделок, были распространены в деревне гулянья, для устройства которых, как явствует уже из названия, и вовсе ничего не нужно было делать. Молодежь просто собиралась на улице, где и проводила время в песнях, танцах, иг-

¹ Ч. Что такое посиделки? Какая работа предстоит с ними зимой // Молодой ленинец. 1925. 24 сентября.

² Там же.

³ Криводед В.В. История села Львовского на Кубани. С. 48 – 49.

рах: «деревенское веселье – гармонь, пляска, песни».¹ Как отмечают Т.А. Невская и С.А. Чекменев, в дореволюционный период (а также и в эпоху нэпа, органически связанную с досоветским прошлым) в селах Ставрополья «с 15 – 17 лет девушки и парни выходили гулять «на улицу», где девушки пели песни, играли в различные игры. К девушкам подходили парни, принимали участие в их играх и пении. Молодые люди обычно становились в кружок и так «стояли гуртом», разговаривали, шутили, иногда рассказывали сказки или танцевали под гармонь».² Таковы же были гулянья на Ставрополье, на Дону и Кубани, и в 1920-х гг. По воспоминаниям В.В. Криводеда, молодежь хуторов села Львовского проводила досуг на улице, причем у каждого «кутка» (края, угла) хутора были свои песни, гармонисты, баянисты.³

Традиционные формы крестьянского досуга, как и церковные праздники, способствовали укреплению социальных связей на селе, сохранению деревенской культуры и народных обычаев. Были у такого досуга и свои отрицательные стороны. Многие крестьяне старшего возраста жаловались на постоянный шум за окнами по вечерам, когда молодежь слонялась по улицам с песнями под гармошку: «у нас музыку ребята такую разводят, ходючи по деревне каждый вечер с гармонией, что зажимай уши и беги».⁴ Более же всего вызывали озабоченность пьянство и хулиганство, являвшиеся в 1920-х гг. чуть ли не постоянными спутниками престо народных развлечений. Сельские корреспонденты с печалью и гневом писали в редакции советских периодических изданий, что «после тяжелого труда крестьянская молодежь ищет веселого отдыха. Но этот отдых нередко носит нездоровый уклон. Под трели «тальянки» и выкрики песен часто происходит

¹ Павел П. Под гармошку! // Новая деревня. 1927. № 12. С. 38.

² Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне: очерки хозяйства, культуры и быта. – Пятигорск, 1994. С. 139.

³ Криводед В.В. История села Львовского на Кубани. С. 48.

⁴ Каманин Ф. Радио-мачты // Новая деревня. 1926. № 12. С. 1.

хулиганство, драки»,¹ «как вечер – двурядка, хулиганские выходки, знай наших!»²

Не самые лестные отзывы у многих современников вызывало то обстоятельство, что «нередко среди парней возникали драки, если к девушкам с их улицы приходили парни с других улиц»³ (хотя, немало крестьян вполне спокойно и даже одобрительно относились к таким побоищам, считая их проявлением удали молодецкой и средством физической и моральной закалки). Драматическое, осуждающее описание драки между парнями из разных деревень (правда, расположенных не в южных, а в одном из центральных регионов Советской России) представлено в рассказе Дмитрия Ишимского, опубликованном в газете «Молодой ленинец» в феврале 1927 г.: «в беспорядке замелькали в воздухе колья. Хрясь. Кровь брызгами и змейками спускалась на землю, обращая свежий снег в кровавое месиво. Струилась кровь, трещали скулы и головы под дикие крики и мат».⁴

Дикие сцены, подобные вышеописанной, рождали у представителей советской общественности естественное возмущение и стремление избавить сельский досуг от подобного негатива, переустроив его в соответствии с идеалами социалистической культуры. Но, борьба с варварскими развлечениями представляла собой частную задачу преобразований крестьянского досуга; да и сами эти преобразования выступали как одно из направлений реализации грандиозного плана «строительства социализма» в деревне. Традиционные формы сельского досуга (и, не только сопровождавшиеся негативными явлениями вроде пьянства и хулиганства), равно как и традиционная праздничная культура, расценивались большевиками как пережитки прошлого, которые

¹ Павел П. Под гармошку! // Новая деревня. 1927. № 12. С. 38.

² Нет самодеятельности // Новая деревня. 1926. № 3. С. 30.

³ Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне: очерки хозяйства, культуры и быта. С. 139.

⁴ Ишимский Дм. Гулянка // Молодой ленинец. 1927. 19 февраля.

должны были быть уничтожены ради успеха социалистических преобразований.

Как мы уже отмечали, в условиях нэпа компартия не обладала необходимыми силами для коренного переустройства патриархального уклада в деревне, в связи с чем действия по модернизации крестьянского досуга отличались известной умеренностью. Да, в общем-то, партийно-советские органы не могли ускоренно внедрять новые средства праздного времяпрепровождения в деревне еще и по чисто техническим и материальным причинам. Ведь, ощущалась катастрофическая нехватка средств для широкого строительства и оборудования сельских Домов культуры, клубов, изб-читален, кинотеатров, для приобретения кинопередвижек и фильмов, и т.п.

Первоначально большевики поставили задачу «овладеть» традиционными методиками крестьянских развлечений, то есть внести идеологически приемлемое содержание в те же посиделки и гулянки, опираясь на просоветские слои сельского населения и, прежде всего, комсомольцев. В прессе по этому поводу отмечалось: «мы должны позаботиться, чтобы вклеить в гулянки новые игры, новые частушки. Нужно суметь обработать гармониста, порекомендовать ему новые песни, новые мотивы».¹

В рамках реализации поставленной задачи устраивались конкурсы «на лучшего гармониста, плясуна, частушечника»,² причем репертуар участников должен был отличаться советскими мотивами. Проводились «красные посиделки и гулянки», содержание которых «заключалось в производственной работе (пряжа, вязание и т.п.), пении революционных песен, частушек, устройстве игр и т.п.»³ В ряде случаев, такие мероприятия имели успех у мо-

¹ Лето – наилучшее время для отдыха, учебы и развлечений // Молодой ленинец. 1926. 23 апреля.

² Павел П. Под гармошку! // Новая деревня. 1927. № 12. С. 38.

³ Сыркин В. Изба-читальня, как она есть (Статья вторая) // Коммунистическое просвещение. 1927. № 1. С. 81.

лодежи. В частности, в одной из газетных публикаций за 1926 г. приводился пример того, как под влиянием деревенских комсомольцев «посиделки приняли совершенно другой вид. Вместо прежней похабщины, на посиделках можно видеть инсценировки, новые игры, беседы и т.д. Ячейка провела беседу о вреде поцелуев на посиделках и молодежь сама отказалась от этого удовольствия».¹ Сомнительно, впрочем, что такого рода пуританские развлечения получили в деревне сколь-нибудь широкое распространение и продержались более или менее длительное время.

Наиболее же важной задачей, имевшей не столько отвлеченно-культурологический, сколько насущно-политический характер, большевистские идеологи считали не преобразование и советизацию старых, практически обреченных на исчезновение, а настойчивое формирование и всемерное распространение новых, современных форм и практик сельского досуга, более культурных и цивилизованных, по их мнению. В конкретно-исторических условиях советской (в частности, южно-российской) деревни эпохи нэпа к таким формам досуга относились: чтение книг, газет, журналов (как в библиотеках, читальнях, так и на дому), прослушивание радиопередач, походы в кино и сельский театр, занятия спортом, поездки на курорт. Новые способы организации досуга должны были содействовать повышению культурного уровня земледельцев, но, что важнее – крепить просоветские и прокоммунистические настроения на селе. Поэтому, в отмеченных нами практиках досуга чрезвычайно сильны были элементы агитации и пропаганды.²

¹ С. Шв. Посиделки приняли другой вид // Молодой ленинец. 1926. 10 апреля.

² Наделение методов и форм досуга агитационно-пропагандистскими функциями представляло собой одну из характерных особенностей советской культуры. В этой связи, представляются справедливыми утверждения о том, что советская власть стремилась к объединению «развлечения с политической агитацией, развлечения с обучением» (Кухер К. Овладение досугом: отдых как составная часть сталинизма // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы Междунар. науч. конф., г. Москва, 5 – 7 декабря 2008 г. – М., 2011. С. 379).

К выполнению такой задачи, как внедрение на селе перечисленных новых форм досуга, привлекались партийные и советские структуры, сельская общественность, – просоветски настроенные крестьяне, интеллигенция, комсомольцы, – а также горожане в лице все тех же шефов. Центрами нового досуга в советской доколхозной деревне 1920-х гг. мыслились Дома культуры или народные дома, избы-читальни с создававшимися при них различными кружками, «красные уголки».

Шефские организации города, члены которых периодически выезжали в деревню,¹ привлекались к организации в сельской местности, как праздников, так и досуга «по-советски». Вот как в газете «Молот» описывался выезд рабочих из Ростова-на-Дону в подшефное село Ильинка в сентябре 1924 г. Автор заметки об этом мероприятии, скрывшийся за соответствовавшим тогдашней моде псевдонимом «В. Первомайский», повествовал, как он в составе группы шефов, – в основном это были члены комсомольской организации, – вечером на поезде выехал из Ростова в станцию Кущевскую. В полночь, «из Кущевки в арбах на буксире фордзона (трактор марки «Фордзон» – *авт.*), едем в Ильинку. Рассветало, когда мы с шумом выгрузились из арб и стали строиться в ряды. Через несколько минут Ильинка ожила. Улицы ее запрудились выбежавшими нам на встречу ильичанами. Слышались громкие крики приветствия».²

Прибывшие в Ильинку городские комсомольцы, среди которых многие состояли в физкультурных кружках, продемонстрировали дотоле неизвестные в деревне физические упражнения и

¹ Так, Армавирское окружное бюро Северо-Кавказского края, в состав которого входили представители 8 шефских комиссий, по неполным данным, осуществило в октябре 1924 г. – феврале 1925 г. 37 выездов в станицы, в ходе которых были проведены 47 докладов и 13 общегражданских собраний (Из доклада о работе Армавирского окружного шефбюро за октябрь 1924 г. – февраль 1925 г. (Не ранее марта 1925 г.) // Коллективизация сельского хозяйства на Кубани. Сб. документов и материалов. Т. 1. 1918 – 1927 гг. – Краснодар, 1959. С. 123).

² Первомайский В. Крепят союз рабочих и крестьян // Молот. 1924. 26 сентября.

игры. Среди игр наибольшее оживление жителей Ильинки привлекал футбол, и спустя краткое время сельские мальчишки, разделенные на две команды, принялись сражаться друг с другом. Любопытно, что, продемонстрировав крестьянам новые методы заполнения досуга, шефы не забыли и об отнюдь не праздных вещах, а именно, — о такой важной хозяйственно-политической кампании, как сбор сельхозналога. На устроенном вечером митинге горожане объясняли хлебоборам важность внесения сельхозналога для развития Советской Республики, на что последние «дали честное слово своей соввласти, что революционная Ильинка выполнит этот налог целиком, полностью и в срок».¹

Надо, впрочем, отметить, что далеко не всегда деятельность шефских организаций в деревне проходила столь успешно, как в вышеприведенном примере. Во-первых, численность шефов никоим образом не могла охватить огромный массив сельского населения в таких аграрных регионах, как Дон, Кубань и Ставрополье. Так, на проходившем в первой половине февраля 1924 г. при Донецком окружке РКП(б) совещании секретарей сельских ячеек компартии работник окружкома Селиванов констатировал: «у нас шефство очень маленькое и на такой Округ, как капля в море».² Разумеется, малочисленность шефов соответствующим образом сказывалась на результативности их работы по преобразованию досуга в селах и станицах Юга России. Во-вторых, сами шефы зачастую не проявляли активности в культурных мероприятиях, что подмечала, например, участница вышеупомянутого совещания Брайловская.³

В-третьих, крестьяне нередко отрицательно относились к культурным инициативам шефов, так как ожидали от них помощи в решении хозяйственных вопросов (скажем, в изыскании

¹ Первомайский В. Крепят союз рабочих и крестьян // Молот. 1924. 26 сентября.

² ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 47, л. 5.

³ Там же, л. 4г.

запчастей к сельхозинвентарю и починке такового). Как говорил секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Андреев после посещения ряда губерний РСФСР в первой половине 1925 г., попытки шефских организаций организовать в деревне драматическую труппу, окультурить сельский досуг и т.п. вызывают отторжение земледельцев: «зачастую крестьянин смотрит с брезгливостью и недовольством на наших шефов, считает поездки шефов в деревню прогулками и не больше, потому, что практическая от них польза для мужика сводится к нулю».¹ Чаще всего подобный критицизм демонстрировали рассудительные и прагматичные крестьяне старших возрастов, а не сельская молодежь, в большей мере открытая к восприятию инициатив советской власти. Тем не менее, все это никак не способствовало оптимизации деятельности шефов по преобразованию сферы досуга в доколхозной советской деревне и, в том числе, в селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополья.

В любом случае, отнюдь не шефы с их эпизодическими визитами в деревню играли ведущую роль в модернизации крестьянского досуга, а сотрудники местных партийно-советских органов, члены комсомольские организаций и, конечно, работники сельских культурно-просветительных учреждений, – школ, библиотек, Домов культуры, клубов, изб-читален. О лидерстве такого рода учреждений в культурных преобразованиях в советской доколхозной деревне хорошо сказал заведующий агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б) Кнорин на проходившем в марте 1927 г. Первом Всероссийском съезде заведующих избами-читальнями (избачей): «партийная ячейка, изба-читальня, школа, библиотека – вот наши четыре главных опорных пункта, через которые наша партия переворачивает мозг, быт и настроение самых широких крестьянских масс».²

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 870, л. 4.

² Цит. по: Ширямов А. Первый Всероссийский съезд заведующих избами-читальнями // Коммунистическое просвещение. 1927. № 2. С. 6.

При этом, безусловный приоритет признавался за избой-читальней, понимаемой как «единый центр всей культурной и политико-просветительной работы»¹ на селе. Подчеркивая многофункциональность указанных учреждений, нарком просвещения СССР А.В. Луначарский писал: «совершенно новой формой просвещения явилась изба-читальня... Это не просто читальни, в которых малограмотный может упражняться в грамотности, читать крестьянскую газету или брошюры. Это вместе с тем пункты, на которых крестьянину дается совет и медицинский, и агрономический, и юридический, где часто принимают участие все культурные силы деревни – учитель, комячейка, комсомолячейка, кооперация, агрономы и врачи».² Сами земледельцы, и в том числе южно-российские, также утверждали, что изба-читальня представляет собой и библиотеку, и дом собраний, и лекционный зал для выступлений агрономов, медработников и пр., и справочное бюро, «в котором хлебороб получает нужную ему справку».³

Важнейшей задачей работников изб-читален и объединенного вокруг них сельского актива являлась, конечно, не выдача каких-либо справок, а повседневная пропагандистско-агитационная работа среди масс крестьянства, сопряженная с конкретными мероприятиями по социалистическому преобразованию сельской культуры, быта, общественного сознания сельского населения. Как патетически возглашалось в одной из публикаций в журнале «Новая деревня» в 1926 г., «изба-читальня – это огонек в деревне. А огонек не только светит да греет, – он и жжет. Еще немного времени, и этот огонек из избы-читальни перекинется в избу каждого крестьянина и выжжет в нашей деревне все, что в ней есть старого, темного, ненужного».⁴

¹ Ширямов А. К первому съезду заведующих избами-читальнями // Коммунистическое просвещение. 1927. № 1. С. 18.

² Луначарский А. За грамотность, за культуру // Новая деревня. 1927. № 21 – 22. С. 16.

³ РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 576, л. 7.

⁴ А.Р. На путях к новой деревне // Новая деревня. 1926. № 3. С. 34.

В том числе, работникам изб-читален, в содружестве со своими коллегами из других культурно-просветительных учреждений, представителями власти и сельской общественностью, следовало «выжигать» старые, патриархальные формы досуга, заменяя их новыми. Поскольку же эти новые формы праздного времяпрепровождения должны были полностью соответствовать большевистской идеологии и содействовать укреплению советской власти в деревне, подавляющее большинство персонала изб-читален закономерно составляли члены коммунистической партии и комсомола. В частности, по данным Донского окружного комитета ВКП(б) Северо-Кавказского края, в 1927 г. среди работавших в округе избачей 71,7 % состояли в компартии, а 23 % – в комсомольской организации.¹

Необходимо подчеркнуть, что изба-читальня, вопреки названию, представляла собой отнюдь не только подобие сельской библиотеки, где можно было провести свободное время за чтением книг и периодики (и не только справочное бюро или лекторий). Изба-читальня служила центром притяжения для членов различных кружков (агрономических, стрелковых и т.д.), для участников художественной самодеятельности, для комсомольцев. Если позволяли параметры помещения, то в избе-читальне проводились демонстрации кинофильмов и проходили выступления деревенских самодеятельных театральных трупп или ансамблей. Наконец, крестьяне старших возрастов иной раз собирались в читальне просто поговорить на вольные темы, а молодежь устраивала свои шумные посиделки. Так что, изба-читальня действительно представляла собой центр культуры и досуга на селе.

Будучи столь многофункциональным учреждением, изба-читальня играла, без преувеличения, выдающуюся роль в преобразованиях как крестьянской культуры в целом, так и деревенского досуга, – в частности. Не случайно члены Юго-Восточного

¹ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 141, л. 62.

бюро ЦК РКП(б) 11 октября 1923 г. полагали весьма важной задачу повсеместного формирования изб-читален «в условиях земледельческого Юго-Востока, имеющего преобладающими в значительной своей части консервативные казачье-крестьянские и культурно отсталые горские массы».¹

Однако, существовал целый ряд факторов, существенно затруднявших функционирование изб-читален и снижавших эффективность их деятельности. В их числе следует назвать: недостаточные размеры финансирования, следствием чего являлось крайне неудовлетворительное состояние помещений изб-читален, скудость из книжных, газетных, журнальных фондов, и т.п.; мизерная зарплата избачей, порождавшая их повышенную текучесть и халатное отношение к работе; практика привлечения избачей представителями власти к выполнению различных функций, не связанных с их непосредственной деятельностью, что снижало результативность последней, и пр. Анализ аккумулированных нами исторических источников позволяет утверждать, что действие этих факторов отрицательно сказывалось на состоянии и функционировании изб-читален (да, собственно, и всех других культурно-просветительных учреждений советской доколхозной деревни, в том числе южно-российской), на всем протяжении 1920-х гг. Причем, в первой половине рассматриваемого десятилетия негативные тенденции были особенно сильны, вследствие послевоенной разрухи.

Разруха и голод 1921 – 1922 гг. крайне отрицательно сказались на системе культурно-просветительной работы в деревне Юга России. Так, в июне 1922 г. исполком станицы Старочеркасской (ныне Аксайский район Ростовской области) отмечал, что «по юрту станицы все библиотеки, избы-читальни, культпросве-

¹ Из письма Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) о работе и задачах изб-читален. 11 октября 1923 г. // Культурное строительство на Дону (1920 – 1941 гг.). Сб. документов. – Ростов н/Д., 1981. С. 32.

ты и даже школы вследствие нужды и голода в среде граждан приостановили свои функции».¹

В октябре 1923 г. члены Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) констатировали, что «сеть изб-читален не имеет твердого постоянного характера, зачастую сокращается, материальное положение их чрезвычайно тяжелое, оборудование и внешний вид совершенно неудовлетворительны».² Участники Донецкого окружного совещания секретарей сельских ячеек РКП(б), состоявшегося в первой половине февраля 1924 г., также с печалью отмечали: «начиная с 1917 года у нас вся советская территория была насыщена избами-читальнями, клубами и другими культурно-просветительными учреждениями, но стоило только провести в жизнь новую экономическую политику[, как] государство подсчитало наши ресурсы и увидело, что мы экономически слабы и [есть] целый ряд других причин, мы вынуждены были сделать пробел в политпросветработе, за это время потеряли 88 % культурно-просветительных учреждений».³ В условиях оскудения государственного финансирования, вздыхали участники совещания, остается надеяться лишь на местные ресурсы, и только если «крестьянин примет активное участие и принесет свой засаленный пятак на постановку культ.просветработы»,⁴ возможно будет ее активизировать.

Процитированное высказывание дает основания полагать, что рядовые коммунисты были склонны связывать сокращение численности, а также неудовлетворительное состояние и функционирование сети изб-читален и других подобных учреждений с переходом к новой экономической политике. По этой логике, в кризисе системы агитационно-пропагандистских (агитпроп) и

¹ ГА РО, ф. р-2716, оп. 1, д. 1, л. 25.

² Из письма Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) о работе и задачах изб-читален. 11 октября 1923 г. // Культурное строительство на Дону (1920 – 1941 гг.). С. 32.

³ ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 47, л. 46.

⁴ Там же, л. 46.

культурных учреждений были в значительной мере повинны лидеры коммунистической партии, пошедшие на введение нэпа. Получалось, что Советское государство пожертвовало налаженной за время Гражданской войны системой агитпропа в угоду прагматичным интересам экономической реанимации, бросив основные средства на восстановление промышленности, транспорта, сельского хозяйства, развитие торговли и т.п.

Вряд ли можно согласиться с такими заявлениями. Очевидно, что они были порождены общим отрицательным отношением множества членов компартии к нэпу как к позорной капитуляции перед «частным капиталом». Не новая экономическая политика была виновна в проблемах большевистского агитпропа, а военно-коммунистические эксперименты большевиков с характерным для них пренебрежением к хозяйственным вопросам и экономической целесообразности. В условиях «военного коммунизма» большевики довели до гигантской численности армию и штат работников агитпропа, призванный успешно вести агрессивную пропагандистскую войну. В мирных же условиях нужда в столь значительных контингентах военных и агитаторов отпала, чем и объяснялось сокращение численности тех и других.

Нэп был вынужденным шагом для большевистских лидеров: под влиянием кризисных явлений в социально-экономической сфере и давлением народного протеста они задумались не о «мировой революции», а о налаживании элементарного порядка и хозяйственной жизни в доставшейся им стране. Крушение раздутой сети большевистского агитпропа на исходе Гражданской войны было неизбежно, хотели того вожди большевиков или нет: ведь, разоренная страна не могла обеспечить дальнейшую реализацию военно-коммунистических экспериментов. Переход к нэпу лишь ускорил этот процесс.

Как бы там ни было, в первой половине 1920-х гг. численность изб-читален (равно как и иных подобных заведений – До-

мов культуры, народных домов и т.п.) на Дону, Кубани и Ставрополье была небольшой. Весьма характерны следующие данные. К октябрю 1924 г. в Донском округе Северо-Кавказского края сеть изб-читален насчитывала 166 учреждений¹ (правда, по другим данным, их было 138,² но здесь, видимо, налицо недоучет).

Сопоставим эти цифры с данными о численности населения округа (правда, эти данные относятся к 1926 г., но они, – при небольшой погрешности, – вполне сопоставимы с периодом двухлетней давности). В 11 районах, входивших в Донской округ, – Азовском, Аксайском, Багаевском, Батайском, Ейском, Куцевском, Мечетинском, Мясниковском, Новочеркасском, Семикаракорском, Староминском, – проживало 681,5 тыс. человек обоего пола (это без учета городского населения, численность которого в городах Ростов-на-Дону и Нахичевань-на-Дону, Азов, Ейск, Новочеркасск, а также поселках городского типа Батайск и Красный Поселок, равнялась 450,8 тыс. жителей).³ То есть, на одну избучитальню (подавляющее большинство которых, как мы отметим далее, не отличались большой вместимостью и солидными литературными фондами) приходилось свыше 4 105 сельских жителей. Понятно, что в этом случае говорить об эффективной работе по внедрению в деревне новых форм досуга не приходилось.

По причине скудости средств, избы-читальни нередко возникали в сельских населенных пунктах Юга России ближе к середине 1920-х гг. Например, в феврале 1924 г. коммунист Ватолкин, состоявший в партячейке хутора Чеботовка Тарасовского района Донецкого округа Северо-Кавказского края, рассказывал, что у них «изба-читальня недавно организована».⁴ Жителям Че-

¹ Отчет Донского окружного комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков). С мая по октябрь 1924 года. – Ростов н/Д., 1924. С. 118.

² ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 17, л. 48об.

³ Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. – Ростов н/Д., 1928. С. 4.

⁴ ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 47, л. 1а.

ботовки еще повезло, так как в хуторах и других небольших населенных пунктах избы-читальни не создавались вовсе, и современники констатировали, что в этих «темных уголках царит темнота»,¹ «не ведется никакая работа и там празднует темнота».²

Существующие избы-читальни вынуждены были доблестно преодолевать массу проблем, причем их работники действовали практически в одиночку вследствие наплевательского отношения со стороны местного руководства.³ В читальнях не хватало даже элементарного инвентаря (скамеек, столов), ощущался дефицит керосина для освещения по вечерам, зимой с пугающей регулярностью возникали перебои с топливом.⁴ Наиболее серьезной проблемой для изб-читален являлось отсутствие пригодных помещений. В источниках содержится масса свидетельств о том, что среднестатистическая изба-читальня представляет собой «простую крестьянскую избу – в одну, редко в две комнаты»,⁵ либо «ютится в маленькой комнатке при сельсовете»,⁶ или в доме у кого-либо из крестьян, или в полуразрушенной хибарке. Иной раз читальня кочевала по населенному пункту, переезжая из дома в дом. Так, в ноябре 1928 г. жители хутора им. Ильича Отраденского района Армавирского округа Северо-Кавказского края жаловались, что «изба-читальня жметя где попало – то на дому у старшего хутора, то у избача».⁷

¹ РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 575, л. 57.

² ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 47, л. 4г.

³ В источниках нередко встречаются указания на то, что «сельсовет подчас склонен смотреть на избу-читальню, как на чего[-]то чужое, постороннее, случайное в селе» (ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 72, л. 96а), «мы наталкиваемся на такое отношение к избе-читальне, когда «штатная» изба-читальня ютится в плохом необорудованном помещении, без отопления, освещения, столов, скамей, газет, без участия в ее работе членов сельсовета, предсельсовета в первую очередь. Такое же отношение мы в большинстве случаев имеем и в районах, а иногда и в окружных центрах» (Будный Г. О внимании политпросветработе в деревне // Молот. 1925. 19 ноября).

⁴ РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 795, л. 424.

⁵ Ширямов А. Первый Всероссийский съезд заведующих избами-читальнями // Коммунистическое просвещение. 1927. № 2. С. 7.

⁶ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 72, л. 122.

⁷ Пирожников А. Мы хотим учиться! // Крестьянская газета. 1928. 30 ноября.

Сельская общественность и представители власти пытались решать этот своеобразный «квартирный вопрос». Так, в резолюции проходившего с 21 по 24 октября 1925 г. Первого Донского окружного совещания по советскому строительству, принятой по отчетному докладу Койсугского сельсовета Батайского района Северо-Кавказского края, предусматривалось «срочно озаботиться подыскиванием соответствующего помещения для избы-читальни».¹ В феврале 1927 г. члены совета станицы Ольгинской (ныне Аксайский район Ростовской области), ввиду «отсутствия постоянного помещения избы[-]читальни», решили поместить ее в «бывшую церковную школу».² Зачастую, однако, такого рода меры имели слабый успех. Даже во второй половине 1920-х гг. в источниках нередко упоминания о том, что «изба-читальня имеет не совсем хорошие условия и обстановку для работы. Мало помещения, много народу и т.д.»³

Распространенным вариантом действий являлось не изыскание наилучшего помещения для самой избы-читальни, а организация ее «подсобных культурных ячеек-кружков, уголков, филиалов».⁴ Такие дочерние учреждения получили распространение на Юге России еще и по той причине, что значительные размеры местных сел и станиц затрудняли приток хлеборобов непосредственно в читальни. Какому-нибудь крестьянину или казаку, жившему на окраине станицы, предпочтительнее было не добираться в центр поселения к расположенной там избе-читальне, а пойти в находящийся под боком «красный уголок». С тем большей активностью сельские коммунисты, комсомольцы и просто общественно активные крестьяне стремились создавать «красные уголки». Так, в январе 1926 г. на совещании секретарей сельских яче-

¹ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 41, л. 8.

² ГА РО, ф. р-1198, оп. 1, д. 50, л. 29 – 29об.

³ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 70, л. 122.

⁴ Ширямов А. Первый Всероссийский съезд заведующих избами-читальнями // Коммунистическое просвещение. 1927. № 2. С. 9.

ек ВКП(б) Донского округа Северо-Кавказского края представитель Старощербиновской станичной партийной ячейки Сесюра рассказывал, что у них, помимо избы-читальни, создано еще четыре ее филиала или, иначе, «красных уголка».¹

Еще более серьезным фактором состояния и функционирования изб-читален являлось отношение заведующих данными учреждениями (избачей) к своим обязанностям. Избач, как правило, являлся единственным работником в читальне, так что зависимость между его профессиональной добросовестностью и эффективностью работы самой читальни была прямой и непосредственной. Как говорили члены сельских партячеек Донского округа в январе 1926 г., «если хороший будет избач, то и работа хороша, а если избач плох, то и работа никуда не годится».²

Здесь надо указать на высокую текучесть избачей, обусловленную их чрезмерной загруженностью различными обязанностями и низкой зарплатой. Современники в один голос свидетельствовали, что заведующий избой-читальней завален работой, причем нередко не профильной. Иной раз избачом назначался секретарь сельской партячейки, который, естественно, больше занимался вопросами партийной работы и почти не приходил на рабочее место в читальню.³ Гораздо чаще (и, как правило) заведующий избой-читальней выполнял одновременно функции библиотекаря, преподавателя политшколы, уборщика и т.д.; в итоге, свидетельствовали современники, «он с утра до вечера работает высунувши язык и всего не сможет сделать».⁴

В газете «Молот» перечислен внушающий уважение список обязанностей заведующего избой-читальней: «Трудно перечесть наизусть обязанности избача. Он библиотекарь – два раза в день выдает книги, днем для детей, вечером для взрослых. С утра, чуть

¹ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 70, л. 20.

² Там же, л. 54.

³ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 45, л. 18.

⁴ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 51, л. 86; д. 145, л. 182.

только заработал сельсовет, он – за справостолом в избе, выдает справки, пишет заявления в сельсовет, в милицию, с.х. (сельскохозяйственное – *авт.*) товарищество, выбирает к вечеру материал для чтения, просматривает книги, газеты, просматривает план и отчеты сельско-хозяйственного, кооперативного, драматического, политического, естественно-научного, антирелигиозного, библиотечного и других кружков, подбирает материал для стенгазеты, переписывает его, изучает циркуляры и резолюции о том, как наладить работу в деревне... Вечером, чуть смерклось, наскоро перекусив в двухчасовой перерыв, избач бежит в избу-читальню: репетиция драмкружка, заседание с.-х. (сельскохозяйственного – *авт.*) кружка, собрание ячейки ОДН, Авиахим, МОПР,¹ собрание политкружка, кружка антирелигиозников, селькоров, библиотечного кружка, проведение громкого чтения, естественно-научная лекция, подготовка к очередной кампании...»²

За свой нелегкий и повседневный культурно-просветительский труд работники изб-читален получали ничтожную заработную плату, размеры которой составляли обычно 40 – 45 руб. в месяц.³ В одной из статей в журнале «Коммунистическое просвещение» весьма едко и зло оценивалось материальное положение заведующих избами-читальнями: «Избач в деревне является самым необеспеченным работником, парием среди просвещенцев. Он не имеет ни твердой ставки, как учитель, ни квартиры, ни твердых норм своего труда. В любой день его могут снять с места, без всяких причин с его стороны, и перебросить на другую работу... По выражению тов. Луначарского, избачи «прыгают по земле, как блохи».⁴

¹ Ячейка ОДН – местная организация Общества «Долой неграмотность». МОПР – Международная организация помощи борцам революции. Авиахим – массовое оборонное общество в СССР.

² Будный Гл. Голос избача // Молот. 1925. 5 ноября.

³ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 51, л. 40; д. 70, л. 157.

⁴ Ширямов А. Первый Всероссийский съезд заведующих избами-читальнями // Коммунистическое просвещение. 1927. № 2. С. 11.

Чрезмерная загруженность и низкий уровень материальной компенсации труда вели к тому, что множество избачей не стремились хранить верность своей профессии. На пленуме Донского окружкома ВКП(б) 5 – 6 августа 1926 г. утверждалось, что по округу не мене «60 % избачей меняется», ¹ то есть покидают вверенные им учреждения. Фактически оправдывая таких беглецов, донские партработники понимающе говорили: «хотя товарищи, мы, как коммунисты, не должны говорить об оплате, но все же говорить приходится, потому что работа работой, а дома жрать нечего». ²

Стремясь восполнить причиненные высокой текучестью кадров образующиеся прорехи в штатах избачей, представители власти рекрутировали на эти должности всех, кого только могли. Однако, следствием «случайности» ³ подбора работников избчитален являлась их профессиональная «слабость». ⁴ Кроме того, на помощь избачам, для чтения лекций и организации работы кружков, призывалась сельская интеллигенция (учителя, врачи, агрономы); но, как признавали местные руководители, «последних слишком мало в деревне». ⁵

Даже неподготовленных работников не хватало, так что нередко крестьянам в селах и станицах Юга России оставалось лицезреть на дверях избчитален большой амбарный замок. ⁶ Например, жители станицы Еланской Вешенского района Северо-Кавказского края жаловались, что «местная читальня все время на замке[,] хотя и приходят граждане с хутора[, но] поцелуют пробой ⁷ и опять домой». ⁸

¹ ЦДНИ РОЮ, ф. 5, оп. 1, д. 49, л. 87а.

² ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 70, л. 157.

³ Ширямов А. К первому съезду заведующих избами-читальнями // Коммунистическое просвещение. 1927. № 1. С. 20.

⁴ ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 47, л. 1а.

⁵ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 45, л. 96а.

⁶ РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 576, л. 15 – 16.

⁷ Пробой – отверстие (См.: Большой толковый словарь донского казачества. – М., 2003. С. 429).

⁸ ЦДНИ РО, ф. 36, оп. 1, д. 5, л. 11.

Помимо того, что избы-читальни испытывали дефицит квалифицированных кадров, помещений, инвентаря, литературы, их деятельность еще и нередко обесценивалась вследствие апатичного отношения к ним со стороны значительного количества крестьян. Партийные и советские работники сходились во мнении, что «читальня посещается исключительно молодежью, а средние и старшие возрасты составляют только единицы».¹ Избач слободы Красюковской (ныне Октябрьский район Ростовской области) подсчитал, что в июне – июле 1925 г. вверенное ему учреждение посетили 295 детей до 16 лет, 483 человека в возрасте от 16 до 25 лет, 771 человек в возрасте от 25 до 44 лет и только 3 человека старше 44 лет.²

Причин слабого посещения изб-читален крестьянами среднего возраста и практически полного отсутствия в данных учреждениях стариков было несколько. В качестве ведущей указывалась такая, как «средства, силы, методы и содержание работы, не рассчитанные на уровень и запросы крестьянства».³ То есть, зачастую сельским жителям были попросту непонятны и неинтересны та информация и те методы досуга, которые им пытались преподнести работники изб-читален.

Немаловажной причиной нежелания степенных земледельцев среднего и старшего возраста идти в избы-читальню считалось зашумелость там шумной и буйной молодежи. Этот факт был у всех на виду и на слуху, так что современники чаще всего говорили именно о нем, объясняя срывы в работе культурно-просветительных сельских учреждений: «ребята шумят, возятся, смеются, щелкают

¹ Отчет Донского окружного комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков). С мая по октябрь 1924 года. – Ростов н/Д., 1924. С. 70. Во многих источниках указывается, что «посещение избы-читальни в большей мере падает за счет молодежи [как] РЛКСМ так и беспартийной» (ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 47, л. 1а–1б), что здесь «стариков много не найдешь» (ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 70, л. 13).

² Избач. Изба-читальня и церковь // Новочеркасский молоток. 1925. 23 августа.

³ Отчет Донского окружного комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков). С мая по октябрь 1924 года. – Ростов н/Д., 1924. С. 70.

семячки, курят и т.д. Некоторые крестьяне, приходя в избу-читальню, берут журнал или газету, выходят в коридор, где и просматривают их»,¹ «молодежь там (в избе-читальне – *авт.*) дурака валяет, семячки лускает, шурами-мурами занимается, понятно взрослый крестьянин уйдет и в следующий раз не придет».²

Да и, наконец, неудовлетворительное состояние многих сельских читален попросту отпугивало крестьян. По этому поводу в одной из журнальных публикаций справедливо указывалось: «изба-читальня не представляет из себя очага просвещения и места отдыха, куда бы крестьяне стремились пойти в свободное время. Зимой он просто боится пойти туда – замерзнет».³ А ведь, при сезонности крестьянского досуга, именно в холодное время года следовало ожидать притока в сельские культурные заведения наибольшего количества посетителей.⁴

Представители власти и сельские активисты задавались вопросом: «что должен сделать избач для того, чтобы взрослые крестьяне могли больше ходить в избу-читальню, а не в трактир».⁵ Вопрос этот не был праздным. Более того, он вызывал немалое беспокойство партийно-советских работников.

Дело в том, что, не посещая избу-читальню с просоветским наполнением ее работы, сельские жители нередко создавали «курилки и сборные избы, где крестьяне в «своейской» обстановке –

¹ Сыркин В. Изба-читальня, как она есть (Статья вторая) // Коммунистическое просвещение. 1927. № 1. С. 77.

² ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 70, л. 134 – 135.

³ Волков В. Больше внимания избам-читальням // Коммунистическое просвещение. 1927. № 1. С. 166.

⁴ О сохранявшейся в период нэпа сезонности досуга свидетельствовали, например, данные о посещаемости изб-читален батраками. В 1927 г. исследователи отмечали, что в Северо-Кавказском крае 32,7 % батраков посещали избу-читальню, а еще 31,6 % – «уголок батрака». При этом специально оговаривалось: «по-видимому, в зимнюю пору батраки гораздо больше уделяют времени просветительной работе и разумным развлечениям. Приведенные здесь цифры относятся к летнему периоду, когда работа батрака протекает наиболее напряженно, и он не имеет возможности вырваться в избу-читальню и в свой уголок» (Попова А. Трудовой быт батрака Северного Кавказа // Северо-Кавказский край. 1927. № 7 – 8. С. 60).

⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 95, л. 6.

«как у себя на печке», по выражению одного крестьянина, ведут беседы на самые разнообразные темы, начиная с местных злободневных вопросов и кончая вопросами международного положения».¹ В январе 1926 г. партработники Донского округа Северо-Кавказского края говорили друг другу: «мы, товарищи, имеем такие случаи, когда у нас в деревне крестьянами организуются свои красные уголки [и] чуть ли не своя изба-читальня».²

Подобные явления вызывали у представителей правившей в СССР партии негативную реакцию, ибо расценивались ими как свидетельство крайне неудовлетворительного выполнения сельскими культурно-просветительными учреждениями агитационно-пропагандистских функций и как знак выхода крестьян из-под плотной идеологической опеки. Поскольку компартия претендовала на тотальный политико-идеологический контроль, который должен был осуществляться и в сфере сельского досуга, попытки сельских жителей создавать нечто вроде самостоятельных «клубов по интересам» приравнивались большевиками к идеологической диверсии. С учетом этого обстоятельства понятно, почему донские партработники, констатируя факты создания крестьянами «своих красных уголков и чуть ли не своей избы-читальни», говорили, что это «дело скверное».³

Чтобы противодействовать подобным явлениям, следовало усиленно привлекать крестьян в учреждения культуры и досуга. Для этого осуществлялись меры по оборудованию читален, расширению литфонда, и пр. Дабы молодежь не раздражала старшее поколение и не отбивала у него охоту ходить в избы-читальни, вводились дни раздельного посещения этих учреждений.⁴ Для

¹ Котляренко С. О работе вне стен избы-читальни // Коммунистическое просвещение. 1927. № 1. С. 164.

² ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 72, л. 90.

³ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 72, л. 90.

⁴ Участники проходившего 25 – 30 января 1926 г. совещания секретарей сельских ячеек ВКП(б) Донского округа Северо-Кавказского края говорили, что в избе-читальне молодежь мешает крестьянам старшего возраста, так что надо отвести специальные дни

привлечения женщин, которые также были нечастыми гостями в читальнях (и, значит, выпадали из сферы идеологического воздействия большевиков) вводились специальные дни посещений, создавались «уголки крестьянки», «кружки кройки и шитья, кружки домоводства и другие [кружки] чисто бытового характера».¹

Постепенно позиции сельских культурно-просветительных учреждений, и в том числе изб-читален, укреплялось, что являлось следствием, как восстановления народного хозяйства страны, так и мероприятий органов власти. О повышении внимания властей к культурной работе в деревне свидетельствовал созыв в марте 1927 г. Первого Всероссийского съезда заведующих избами-читальнями. Помимо собственно избачей, съезд посетили и выступили с речами нарком просвещения А.В. Луначарский, член Государственной комиссии по просвещению и ЦКК компартии Н.К. Крупская, нарком здравоохранения Н.А. Семашко, нарком земледелия А.П. Смирнов (он не появился на съезде, но прислал письменное приветствие) и т.д. Столь значительное представительство высших государственных чиновников должно было подчеркнуть принципиальное значение, как съезда, так и деятельности заведующих изб-читален по внедрению социалистической культуры в деревне и, в том числе, по преобразованию крестьянского досуга. Помимо прочего, на съезде много говорилось об улучшении материального положения избачей, а в качестве конкретных мер прозвучало предложение уравнивать их зарплату с зарплатой учителей.²

для занятий «взрослого населения» (ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 72, л. 107). Один из участников того же совещания, Сесюра из партячейки станицы Старощербиновской, рассказывал, что у них уже «ячейка приняла предупредительные меры в том смысле, что снабдила комсомольские клубы известным количеством литературы и молодежь совершенно изолирована от избы-читальни, чтобы привлечь взрослое население» (ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 70, л. 20).

¹ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 70, л. 121 – 122.

² Ширямов А. Первый Всероссийский съезд заведующих избами-читальнями // Коммунистическое просвещение. 1927. № 2. С. 11.

К исходу 1920-х гг. численность изб-читален по СССР выросла. В октябре 1927 г. А.В. Луначарский писал, что около 22 тыс. изб-читален «довольно густой сетью усыпали весь Союз».¹ Росла численность таких учреждений и на Юге России (причем, в ряде случаев, избы-читальни создавались одновременно с закладкой новых сельских поселений, если таковые строились сторонниками советской власти²). В частности, по данным Донского окружного комитета ВКП(б) Северо-Кавказского края, в 1926 г. в округе было 172 избы-читальни и 258 «красных уголков», а в 1927 г., соответственно, насчитывалось 180 и 313 таких учреждений.³ В 1930 г. в Северо-Кавказском крае существовало 1 585 изб-читален.⁴

Надо, впрочем, признать, что, при всей позитивной динамике, эти количественные показатели были далеки от желаемого идеала. Даже в 1930 г. по Северо-Кавказскому краю на одну читальню приходилось 4,8 тыс. сельских жителей,⁵ что никак не способствовало распространению влияния данных заведений на культуру и быт крестьянства. В том же 1930 г. избы-читальни функционировали не во всех сельсоветах Северо-Кавказского края, а только в 70 % таковых (если читален было 1 585, то сельских и станичных советов насчитывалось 1984⁶). Причем, имелись целые районы, в которых одна изба-читальня приходилась на два – три сельсовета (Вешенский, Верхне-Донской, Морозовский, Отраденский, Ти-

¹ Луначарский А. За грамотность, за культуру // Новая деревня. 1927. № 21 – 22. С. 16.

² Так, в марте 1926 г. в прессе сообщалось, что пожелавшие основать новое поселение крестьяне из села Пешкова Азовского района Северо-Кавказского края, «выйдя на выселки на безлюдную, целинную степь, протяжением 40 верст – сумели за 9 месяцев вырыть пруд длиною около версты, шириною 40 сажень и глубиною 1 сажень. Вокруг пруда выросло новое село – Выселки имени тов. Калинина. Открываются школа и изба-читальня» (Новое село // Молот. 1926. 12 марта).

³ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 141, л. 62.

⁴ Мурзин С. Основные вопросы культурного строительства районов // Северо-Кавказский край. 1930. № 12. С. 22.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Мурзин С. Основные вопросы культурного строительства районов // Северо-Кавказский край. 1930. № 12. С. 22.

машевский, Усть-Белокалитвенский, и др.).¹ Это означало, что жители хуторов и небольших сел даже не видели никаких читален и вряд ли могли надеяться на их создание у себя.

Тем не менее, сравнивая положение сельских культурно-просветительных учреждений в конце 1920-х гг. с их состоянием в первой половине указанного десятилетия, представители власти были полны оптимизма и заявляли, что «с сетью изб-читален [дело обстоит] в общем..., благополучно»,² что эти учреждения уже стали «центром культурно-просветительной работы в деревне»,³ в котором крестьянин может «провести время с пользой».⁴ Действительно, избы-читальни, вкупе с другими подобными учреждениями, при поддержке партийно-советских структур и деревенской общественности, сыграли важную роль в распространении на селе новых форм и методик досуга, о чем пойдет речь в следующем очерке настоящего исследования.

¹ Там же. С. 22.

² Мещеряков В. Заметки о руководстве политпросветработой // Коммунистическое просвещение. 1927. № 2. С. 19.

³ Ширямов А. Первый Всероссийский съезд заведующих избами-читальнями // Коммунистическое просвещение. 1927. № 2. С. 7.

⁴ Там же. С. 9.

Очерк четвертый

Новации в сфере сельского досуга на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920-х гг.

Появившись в деревне в начале 1920-х гг., новые формы и практики досуга, уже перечисленные нами в предшествующем очерке, – книги, кино, радио, театр, – постепенно крепили свои позиции на протяжении рассматриваемого десятилетия. Как отмечалось в советской прессе, в доколхозной деревне, «рядом с религиозностью, верой в колдовство и старую обрядность», возникали и распространялись «новые своеобразные формы быта»,¹ к которым с полным правом могли быть отнесены и новации в области досуга. Безусловно, подобное стало возможным не только в результате целенаправленных, последовательных мероприятий советской власти, но и продемонстрированного весьма значительной частью сельского социума стремления к модернизации повседневной жизни, неотъемлемым компонентом которой являлись способы праздного времяпрепровождения.² В настоящем очерке мы предприняли попытку рассмотреть особенности указанных новаций в досуге сельских жителей Дона, Кубани, Ставрополья в 1920-х гг.

Одним из знаковых элементов досуга «по-советски» являлась книга, а также газета, журнал и другая печатная продукция; чтение всячески пропагандировалось советской властью и подава-

¹ Л.В. Среди книг // Молот. 1924. 5 сентября.

² Подчеркивая факт поддержки значительной частью сельского населения проводимых советской властью мер по модернизации культуры и быта деревни, партийные работники на Юге России обоснованно констатировали «проявление интереса к хозяйственным и культурным мероприятиям» со стороны крестьянства (ЦДНИ РО, ф. 30, оп. 1, д. 4в, л. 5) и уверенно заявляли, что на селе «растет тяга к культуре, стремление к изжитию традиционных пережитков старины» (Отчет Донского окружного комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков). С мая по октябрь 1924 года. – Ростов н/Д., 1924. С. 35).

лось как наиболее цивилизованный, культурный способ заполнения свободного времени (что, конечно, абсолютно справедливо). Данное обстоятельство превращает чтение литературы и периодики как средства отдохновения от будничных забот в приоритетный предмет нашего анализа.

Разумеется, книга как элемент сельского досуга не являлась изобретением советской власти. Однако, бесспорная заслуга большевиков состояла в борьбе с неграмотностью и целенаправленным насаждением культуры чтения и в городе, и в деревне.

В рамках предпринятого нами исследования представляется излишним подробный анализ мероприятий советской власти по ликвидации неграмотности (ликбез), тем более что данному вопросу посвящена обширная литература. Остановимся лишь на рассмотрении результативности процесса формирования системы народного образования и эффективности мер по преодолению неграмотности в доколхозных селах и станицах Дон, Кубани, Ставрополья. Ведь, от этого напрямую зависела успешность превращения чтения книг и периодических изданий в одну из распространенных форм сельского досуга на Юге России.

Масштабы предпринятых советской властью мер по преодолению неграмотности населения, о начале которых возвестил декрет Совета Народных комиссаров «О ликвидации безграмотности в РСФСР» от 26 декабря 1919 г., являлись поистине грандиозными и не имели аналогов в отечественной истории. По имеющимся данным, уже к 1927 г. в целом по РСФСР прошли обучение в системе ликбеза и получили азы образования около 6 млн человек.¹ Борьба с безграмотностью признавалась лидерами компартии одной из важнейших задач, к реализации которой они не уставали призывать рядовых коммунистов и всех сочувствующих советской власти. Весьма характерно в данном случае

¹ Пути созидания. Очерки о социально-экономическом развитии Дона и Северного Кавказа / Науч. ред. Ф.И. Поташев. – Ростов н/Д., 1975. С. 152.

датированное 20 января 1921 г. письмо В.И. Ленина к рабочим, служащим и коммунистам станции Пролетарская Владикавказской железной дороги, в котором вождь РКП(б), поблагодарив коллектив станции за присланное «трудящимся города Москвы» продовольствие («2002 пуда пшеницы, 1869 пудов 29 фунтов ячменя и 35 пудов муки»), рекомендовал «...обратить большее внимание на культурно-просветительное и школьное дело».¹

Широкое распространение мер по преодолению неграмотности населения и активность большевиков в ходе их осуществления во многом объяснялись тем, что такого рода меры преследовали далеко идущие социально-политические цели. Борьба с неграмотностью, проводившаяся партийно-советскими органами в рамках «культурной революции», должна была не просто повысить уровень образования советских граждан, но укрепить коммунистический режим путем соответствующего политического воспитания населения и подготовить идеологическую почву для развернутых социалистических преобразований. Ведь, теоретически, «социализм невозможен без подъема культуры населения, создания квалифицированных кадров для всего народного хозяйства и новой народной интеллигенции. Основная цель культурной революции – выработка социалистического сознания, воспитание человека новой эпохи».² В этой связи, вполне понятно, почему декрет СНК РСФСР о мероприятиях по обучению населения азам грамотности, был издан уже в годы Гражданской войны.

На Юге России реализация мер по преодолению неграмотности также началась уже в ходе противостояния между «белыми», «красными» и «зелеными», активизировавшись по окончании бо-

¹ Ленин В.И. Рабочим, мастеровым, служащим и комячейке станции Пролетарская Владикавказской железной дороги. 20 января 1921 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 52. – М., 1975. С. 50 – 51.

² История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Коммунистическая партия в борьбе за построение социализма в СССР. 1921 – 1937 гг. Кн. 1 (1921 – 1929 гг.). – М., 1970. С. 230.

ев. В частности, в Александровск-Грушевском уезде Донской области к июню 1920 г. (то есть, спустя полгода после установления на Дону советской власти) было открыто 16 школ по ликвидации неграмотности, в которых обучалось около 650 человек.¹ Поскольку срок обучения в школах ликбеза (или пунктах ликбеза – ликпунктах) составлял, в зависимости от обстановки, 4 – 7 месяцев, первые контингенты обученных донских крестьян и горожан покинули эти пункты в конце 1920 – начале 1921 гг.²

Помимо повсеместно создававшихся школ ликбеза, в борьбе за повышение уровня образованности населения СССР приняли участие члены Всероссийского добровольного общества «Долой неграмотность» (ОДН), созданного осенью 1923 г. Так, по сообщениям прессы, в Терском округе Северо-Кавказского края первая ячейка ОДН была создана в мае 1924 г. в Прикумском районе по инициативе местных политпросветработников. Уже к исходу 1925 г. на Тереке насчитывалось 303 ячейки ОДН, в которых состояли 14 928 членов, и зимой того же года ими было обучено свыше 13 тыс. человек.³

В 1928 году, по инициативе комсомольской организации СССР, в стране был развернут так называемый культпоход, пред-

¹ Докладная записка Александровск-Грушевского отдела народного образования о проведенных мерах по ликвидации неграмотности. 25 июня 1920 г. // Наш край. Из истории советского Дона. Документы. Октябрь 1917 – 1965. – Ростов н/Д., 1968. С. 128 – 129.

² Советские журналисты с заслуженной гордостью описывали первые выпуски из ликпунктов. Вот как пресса освещала выпускные экзамены в школе ликвидации неграмотности хутора Красный Яр станицы Старочеркасской Черкасского округа Донской области в марте 1921 г.: «читают все бегло, с полным пониманием всего прочитанного. Письмо правильное. Затем элементарно проходились естественные науки, география, космография и др., обыкновенный курс школ II ступени. Большое внимание было обращено на политическое воспитание. Школа переродила учеников. 4 – 5 месяцев назад они не умели ни читать, ни писать, были как бы слепы, не могли знакомиться с происходящими событиями и не отдавали себе в них отчета. Теперь же они сознательно отвечают на все вопросы как из области политики, так хозяйственной жизни, которыми всегда интересовались рабочие и крестьяне, но ввиду своей темноты не могли в них разбираться» (Сообщение газеты «Красный Дон» об успешных экзаменах в школе ликвидации неграмотности хутора Красный Яр. 14 апреля 1921 г. // Восстановительный период на Дону (1921 – 1925 гг.). Сб. документов. – Ростов н/Д., 1962. С. 77).

³ Л-й В. Много говорим, а мало делаем // Молот. 1926. 12 марта.

ставлявший собой проведенное силами советской общественности масштабное мероприятие по усилению борьбы с неграмотностью. Культпоход проводился «культурмейцами» (милитаризованная риторика было более чем характерна для Советского Союза в рассматриваемый период времени), основную массу которых составляли как учителя, так и просто более или менее образованные граждане, желавшие помочь своим соотечественникам преодолеть неграмотность. В целом, по СССР численность культурмейцев к лету 1930 г. достигла 1 млн. человек, а численность учащихся в школах грамоты доходила до 10 млн. Численный рост, как культурмейцев, так и контингента обучаемых был характерен и для южно-российских регионов. В 1928 г. к работе по ликвидации неграмотности в Северо-Кавказском крае было привлечено 25 тыс. культурмейцев, обучивших за год 240 тыс. неграмотных. В 1929 г. в крае насчитывалось уже 73 тыс. культурмейцев, которые обучили 730 тыс. местных жителей.¹

Вместе с тем, борьба с неграмотностью в СССР и, в том числе, на Юге России, проходила в 1920-х г. отнюдь не гладко. В качестве ведущей причины затрудненности преодоления неграмотности выступала крайняя ограниченность ресурсов советского государства, не позволявшая закончить процесс просвещения громадных масс населения СССР в короткие сроки. Наиболее сложное положение складывалось на селе, где неграмотных было больше всего, а численность образовательных учреждений увеличивалась весьма медленно, что вызывало возмущение крестьян: ««правительство не видит, что в деревнях мало школ».² Дефицит средств приводил и к тому, что состояние, как пунктов ликбеза,³ так и множества сельских общеобразовательных школ,

¹ Пути созидания. С. 154.

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 19, л. 224.

³ В частности, по воспоминаниям современников, в ликпункте села Крымгиреевское Ставропольского округа Северо-Кавказского края, расположенном в одном из крестьянских домов, обстановка была спартанская: «не было ни карт, ни наглядных посо-

зачастую не выдерживало никакой критики. Хуже всего учреждениям народного просвещения в деревне пришлось в начале 1920-х гг., когда в полной мере ощущались тяжелейшие последствия разрушительной Гражданской войны. Члены Сальского окружного исполкома Донской области в январе 1921 г. призывали местных жителей по мере сил помочь образовательным учреждениям, указывая на постигший их кризис: «обратите внимание на ужасное положение школ в хуторах и станицах. Школы остаются без дров, окна их без стекол, и создаются невозможные условия, каторжные условия учения».¹ Разумеется, в таких условиях сложно было наладить обучение даже подрастающего поколения, не говоря уже о преодолении неграмотности взрослых.

Кроме того, некоторые сельские жители не хотели учиться, находя в неграмотности известные только им достоинства либо просто не желая делать над собой усилие. В частности, в 1926 г. в прессе сообщалось, что в Терском округе Северо-Кавказского края «население во многих местностях до сих пор не старается скрывать свою неграмотность. Недоброжелательное отношение к ликвидации неграмотности особенно проявляется со стороны сектантов Ессентукского района, затем в Левокумском районе, который был постигнут недородом».² Исходя из этого сообщения, можно заключить, что для сектантов отказ от обучения был обусловлен идеологическими соображениями, в то время как жители

бий. Длинные скамьи, грубый обеденный стол, коптилка – вот все имущество. Ученики, среди которых были сорока – пятидесятилетние крестьяне, клали перед собой клочки бумаги или куски обоев – о тетрадях и не мечтали. Карандашами, сделанными из свинца, выводили буквы или цифры, а учитель – крестьянин Аникей Васильевич Жуков – писал куском древесного угля на плохо обтесанной доске. На всю школу ликбеза имелся один-единственный букварь, переходивший из рук в руки потрепанный до крайности. Крестьяне прилежно посещали занятия и не уходили домой, пока не зарубят в своей памяти то, что рассказывал сегодня учитель, пока не запомнят очередную букву» (Цит. по: Пути созидания. С. 155).

¹ Воззвание Сальского окружного исполкома ко всем гражданам округа о восстановлении школ, ликвидации неграмотности и борьбе за создание новой пролетарской культуры. 13 января 1921 г. // Восстановительный период на Дону (1921 – 1925 гг.). С. 44.

² Л-й В. Много говорим, а мало делаем // Молот. 1926. 12 марта.

пострадавших от недорода районов не имели ни желания, ни сил и средств для организации учебного процесса.

Вышеперечисленные факторы существенно тормозили процесс ликвидации неграмотности, не позволив завершить его на протяжении 1920-х гг. В преддверии десятилетнего юбилея прихода большевиков к власти партийно-советские работники и журналисты Северо-Кавказского края печально признавали: «приближается 10 годовщина Октябрьской революции, а число неграмотных, как в СССР, так и на Тереке, еще настолько велико, что ожидать полного выполнения завета Ильича едва ли можно»,¹ «безграмотность [к] 10-летию существования Октябрьской революции ликвидирована не будет»² (впрочем, подобное же положение наблюдалось по всему Советскому Союзу, в связи с чем на состоявшемся 10 июня 1929 г. заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович констатировал «потрясающую малограмотность масс»³). Даже в 1930 г. в Северо-Кавказском крае средний уровень неграмотности населения в возрасте 16 – 50 лет составлял 16 %. В этом смысле, наиболее неблагополучными являлись Мясниковский (54 % неграмотных), Греческий (42 %), Калмыцкий (34 %), Туркменский (25 %) национальные районы края. Среди русских районов Северо-Кавказского края сомнительная слава первенства в невежестве принадлежала Азовскому, Белореченскому, Горяче-Ключевскому, Кашарскому, Крымскому районам, где неграмотных в этом возрасте насчитывалось свыше 20 %.⁴

Несмотря на ряд срывов и упущений, развернутая советской властью борьба с неграмотностью сыграла чрезвычайно важную роль в ускорении социально-экономического и культурного развития нашей страны; позитивное значение такого рода мероприя-

¹ Л-й В. Много говорим, а мало делаем // Молот. 1926. 12 марта.

² ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 49, л. 8а.

³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 38, л. 60б.

⁴ Мурзин С. Основные вопросы культурного строительства районов // Северо-Кавказский край. 1930. № 12. С. 19.

тий не подлежит ни малейшему сомнению. В рамках избранной нами темы необходимо подчеркнуть, что именно борьба с неграмотностью стала необходимой предпосылкой для укрепления и сравнительно широкого распространения в доколхозной деревне такой формы досуга, как чтение периодики и литературы.

Помимо повышения уровня образования сельского населения Советской России (Советского Союза), другой важной предпосылкой такой практики отдохновения крестьян от будничных забот, как чтение, стало последовательное насыщение деревни периодическими изданиями и книгами. Большевики выполняли эту задачу с неослабевающей активностью, поскольку совершенно справедливо расценивали печать в качестве грозного оружия политико-идеологической борьбы и мощного средства укрепления своего режима: как периодические издания, так и литература должны были служить на пользу правящей партии.

Показательно, что руководство Юго-Восточного края в циркулярном письме от 30 мая 1921 г., посвященном борьбе с бандитизмом, требовало от всех областных и губернских комитетов компартии: «пустите в деревню максимум газет, листовок и плакатов»¹ с целью повышения эффективности пропагандистской работы. В относительно спокойные годы нэпа печать по-прежнему понималась большевиками, прежде всего как средство агитации и пропаганды, нацеленное на политическое воспитание населения, в том числе и крестьян (как говорили по этому поводу члены Терского окружкома ВКП(б) весной 1926 г., «крестьянин политически вырос, он читает газету...»²). С другой стороны, периодика и литература могли быть политически действенны только в социуме с достаточно высоким уровнем образования, ибо «неграмотный человек находится вне политики».³ В итоге, борь-

¹ РГАСПИ, ф. 65, оп. 1, д. 24, л. 57об.

² ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 8, л. 17.

³ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. С. 232.

ба с неграмотностью и снабжение деревни печатной продукцией превращались во взаимообусловленные процессы.

В годы Гражданской войны и в условиях перехода к нэпу советская печать испытывала вполне понятные трудности, что соответствующим образом сказывалось как на количестве, так и на качестве периодики и литературы. В 1921 г. даже центральные периодические издания, – газеты «Правда» и «Известия», – имели тираж не более 600 тыс. экземпляров.¹ В этих условиях тираж издававшейся в Ставрополе в 1920 г. газеты «Серп и молот», – от 300 до 1 тыс. экземпляров, – кажется довольно солидным.²

В период нэпа советская полиграфия получила возможности для развития, что привело к увеличению тиражей и наименований изданий. В 1925 г. в СССР насчитывалось 1 120 газет и 1 749 журналов, совокупный тираж которых в три раза превышал тираж периодических изданий в России в 1913 г.³

Возросли и поступления периодики в деревню. Правда, прижимистые крестьяне, даже будучи грамотными, зачастую не особенно торопились становиться подписчиками периодических изданий по причине склонности экономить «трудовую копейку». Случавшиеся иногда таинственные исчезновения денег, сданных при коллективной подписке какому-нибудь уполномоченному, также расхолаживали деревенских энтузиастов-библиофилов.⁴

¹ Там же. С. 93.

² Ставропольский край. Справочник / Под общ. ред. В.Г. Гниловского. – Ставрополь, 1961. С. 216.

³ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. С. 381.

⁴ Так, на проходившем 25 – 30 января 1926 г. совещании секретарей сельских ячеек ВКП(б) Донского округа Северо-Кавказского края один из присутствовавших рассказывал: «В 1924 г. была сделана подписка на газеты. Приехал представитель «Молота», заключили договор на доставку газет в хутора. Собрали с граждан денежки, а редакции не отослали». В итоге, газеты в хутора не поступили. Зато через некоторое время там снова появился представитель газеты «Молот» и, справедливо ссылаясь на заключенный договор, объявил крестьянам, что за ними числится задолженность сумме 95 рублей. Попытки вернуть таинственно пропавшую сумму ни к чему не привели, и вся эта история отбила у селян охоту выписывать периодику: «и когда я выступил и говорю «подписывайтесь граждане на газету». Ничего подобного, нет[,] дураков не найдешь» (ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 72, л. 123).

Численность сельских жителей, стабильно выписывавших газеты и журналы, была невелика. Так, на проходившем в первой половине февраля 1924 г. совещании секретарей сельских ячеек компартии Донецкого округа Юго-Восточного края представитель ячейки села Маньково Леоно-Калитвенского района по фамилии Плонида рассказывал, что в их сельсовете выписывается 300 экземпляров газет.¹ В среднем, в типичном сельском совете на Юге России проживало в данное время 2 – 3 тыс. человек,² так что озвученные Плонидой цифры представляются относительно небольшими, но точно отражающими повсеместно наблюдавшуюся ситуацию с подписной активностью крестьянства.

Ведущими подписчиками на периодику в 1920-х гг. выступали не сельские жители, а избы-читальни, клубы, народные дома. Как правило, перечень газет и журналов в указанных учреждениях не был кратким. Например, в конце 1924 г. члены Донского окружного комитета РКП(б) Северо-Кавказского края утверждали, что «почти каждая изба-читальня выписывает газеты: «Советский Юг», «Молот», «Советский Пахарь», «Комсомолец», «Правда», «Извести[я]», «Беднота», «Труд», «Крестьянская газета» и друг[ие]. Журналы: «Крестьянка», «Красная Нива», «Смена», «Крокодил», «Безбожник», «Искра» и друг[ие].»³

В ряде случаев, периодика для советских земледельцев выписывали шефские организации, которые, таким образом, выполняли задачу просвещения и политико-идеологического воспитания жителей села. В частности, в сентябре 1924 г. в газете «Молот» сообщалось, что клуб шерстомойки № 1 в станице Невинномысской (одноименный район Юго-Восточного края) в течение полугода выписывал для местных крестьян «большое количество газет и журналов».⁴

¹ ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 47, л. 2а.

² Лицо донской деревни. С. 23.

³ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 17, л. 48об.

⁴ Рабкор М. Кулаки «размычку» делают // Молот. 1924. 4 сентября.

В определенной мере, активность сельских подписчиков (в том числе, южно-российских) сдерживалась недостатками устройства и функционирования советской почты образца 1920-х гг. В данное время (особенно, в первой половине десятилетия) стационарные почтовые отделения действовали далеко не во всех сельских населенных пунктах с более или менее высокой численностью жителей, так как их организации препятствовал дефицит средств. По той же причине, штаты существующих почтовых отделений были минимальны: зачастую на почте работали лишь заведующий и почтальон (либо, и вовсе, только заведующий), которые не имели возможности вовремя доставлять периодику и корреспонденцию многочисленной клиентуре.

Выход из положения изыскивался путем сотрудничества почт и местной администрации. Как правило, председатели сельских и станичных советов направляли на почту дежурных по сельсовету или просто односельчан, чтобы те привезли в село печатную продукцию и корреспонденцию. Кроме того, в 1924 г. в СССР была организована так называемая кольцевая почта. Обязанности ее сотрудников заключались в систематическом объезде сельских населенных пунктов, не имевших стационарных почтовых отделений, чтобы снабжать таковые периодикой, привозить письма и на месте принимать корреспонденцию к отправлению. Дополнительные меры были предложены в октябре 1924 г. сотрудниками Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции (НК-РКИ), которые считали необходимым создать при редакциях крупнейших газет почтовые отделения для непосредственной сортировки и транспортировки газет к подписчикам, без завоза таковых на местные почты, «где они по техническим обстоятельствам часто залеживаются».¹

Все эти меры, однако, имели ограниченный эффект: позволяя наладить доставку почтовых отправлений к получателям, они не

¹ Улучшение доставки газет в деревню // Молот. 1924. 4 октября.

решали проблему запаздывания этих отправок. Сельская администрация не могла часто гонять крестьян на почтовые отделения (нередко, располагавшиеся во многих километрах от села), а малочисленность сотрудников кольцевой почты препятствовала им вовремя доставлять газеты и письма по назначению. В источниках часто встречаются жалобы и крестьян, и сельских коммунистов, и представителей власти на, так сказать, «несвежесть» прессы, доходившей до деревни значительно позже даты издания.¹ Снизить остроту этой проблемы (но, не полностью ее преодолеть) удалось только к исходу 1920-х гг., когда в сельской местности существенно расширилась сеть стационарных почтовых отделений и возросла численность почтальонов и письмоносцев (в южно-российском варианте, – почтарей, почтарок).² Это благотворно сказалось и на подписной активности крестьян.

Помимо периодики, в советскую доколхозную деревню хлынул и широкий поток литературы. Тиражи книг и разнообразие их наименований в Советском Союзе заметно превышали дореволюционные показатели. Если, например, в 1913 г. в России на-

¹ Современники утверждали, что газеты и корреспонденция нередко доходили в деревню с опозданием в неделю и более. Так, селькор ст. Аксайской Донского округа Северо-Кавказского края Щеколдин жаловался: «большое горе для нас – несвоевременная доставка газет. Мы живем недалеко от города, а все же были случаи, когда последний номер газеты приходил через месяц со дня выхода» (Работа и состояние рабселькорских организаций на местах // Молот. 1926. 4 марта). О том же писал корреспондент газеты «Молот» И. Васильев: «Большой помехой в работе является запаздывание газет. Все руководители [школ политграмоты] жалуются на это. Так, в хуторе Висловском [Семикаракорского района] газеты запаздывают на 15 дней» (Васильев И. Политучеба в донской деревне // Молот. 1926. 5 марта).

² Крестьяне постоянно говорили о необходимости увеличения численности сельских почтальонов-письмоносцев, видя в этом наилучшее средство ускорить доступ почтовых отправок в деревню: «надо бы кольцевой почте иметь еще сеть письмоносцев. И правильно, тогда ведь была бы более быстрая и аккуратная доставка – а это увеличило бы число подписчиков» (По советским деревням // Новая деревня. 1927. № 14. С. 38); «кольцевая почта не всюду хорошо обслуживала деревню, и теперь ей на смену идет сельский письмоносец. Сельским письмоносцем может быть каждый честный деревенский парень, хорошо грамотный. На его обязанности должна лежать доставка в каждую деревню, в каждый двор писем, газет, переводов на деньги и не тяжелых посылок» (Сакович Е. Почту в деревню надо хорошо наладить // Новая деревня. 1926. № 5. С. 51).

считывалось 26 343 наименования печатной продукции «(книг, брошюр, нот, справочников и др.)», то в 1924 г. – 29 131 наименование, в 1926 г. – уже 36 680 наименований.¹

Литература, предназначенная специально для крестьян, составляла весомую долю продукции советских типографий. В частности, в 1925 г. в РСФСР было выпущено около 1 400 наименований «разных крестьянских книг» совокупным тиражом 40 млн. экземпляров.² В 1926 г. в СССР было издано 24 772 наименования книг и брошюр. Поскольку Советский Союз отличался наличием разветвленного бюрократического аппарата, первое место среди всех этих книг и брошюр занимали различные ведомственные издания общей численностью 3 742 наименования; на втором месте находилась научная и специальная литература (3 078 наименований), на третьем – разнообразные пособия и материалы для «практических работников разных специальностей» (2 904 наименования). Четвертое место принадлежало «крестьянской массовой литературе» – 2 108 наименований.³ Как видим, предназначенная для сельских жителей РСФСР и СССР литература отличалась немалой численностью и позитивной динамикой ее издания на протяжении разных лет.

Наибольший интерес у крестьян вызывала сельскохозяйственная прикладная литература, что было естественно, учитывая присущий сельским труженикам прагматизм. В журнале «Новая деревня» нередко помещались отклики земледельцев на полюбовавшиеся им книги, и практически всегда они указывали в числе своих предпочтений только специальные издания по ведению полеводства, животноводства и т.п.: «Как пасти скот в лесу» П.А. Соколова, «Рыбацкая памятка» К. Александрова, «Головня и как от нее уберечься» Согрианского, «Борьба с пожарами в де-

¹ Календарь коммуниста на 1928 год. С. 234.

² Мамаев Б. Что важно знать крестьянину при выборе книги // Новая деревня. 1927. № 23. С. 57.

³ Календарь коммуниста на 1928 год. С. 234.

ревне» М. Роги, «Коневодство» Кулешова, «Борьба с вредителями в засушливом районе» Щербиновского и т.д.¹

Помимо сельхозлитературы, для деревенских читателей печаталось «также много книг – рассказов, романов, стихов, песенников – прежних и новых писателей».² При этом, издательства учитывали малограмотность большинства крестьян, соответствующим образом оформляя книги. Для тех сельских (да, собственно, и городских) жителей, которые читали с трудом, – а таких было отнюдь не мало в рассматриваемый период времени, – издавались небольшие книги, в пределах 16 страниц, напечатанные «крупными буквами, самыми простыми словами, на каждой странице – рисунок». Для людей с более высоким уровнем общей грамотности книги печатались «обыкновенными не очень крупными буквами, но простым, понятным языком».³ Добавим, что в ряде издательств («Новая деревня», «Государственное издательство») практиковались ознакомительные, для приглашенных крестьян, чтения предназначенных к печати книг. Это делалось для того, «чтобы посмотреть, что они (крестьяне – *авт.*) скажут и понятно ли книжка написана».⁴

Снабжение сел и станиц Юга России литературой велось в разных формах. Эпизодические поставки в деревню книг и периодики осуществляли все те же шефы, либо просто городские рабочие, считавшие делом чести крепить «смычку» и выполнять священный пролетарский долг по просвещению «темного» крестьянства. Например, когда в августе 1924 г. сотрудник пожарной части Нахичевани-на-Дону Жуков уезжал в отпуск в родные края, он обратился в существовавшую при части комиссию по культу-

¹ Отзывы крестьян о книгах // Новая деревня. 1926. № 17. С. 59; № 18. С. 51; 1927. № 17. С. 59.

² Мамаев Б. Что важно знать крестьянину при выборе книги // Новая деревня. 1927. № 23. С. 57.

³ Там же. С. 57.

⁴ Там же. С. 58.

ре с просьбой дать ему «старых газет, журналов и книжной литературы для распространения среди крестьян деревни Глафировка». Комиссия ответила на просьбу пожарного «выделением кой-какой литературы: по общественным, медицинским и политическим вопросам. Между книгами были также и биографические очерки о тов. Ленине».¹ Так полезная и, главное, идеологически правильная литература отправилась к крестьянам.

Основной же массив литературы направлялся в советскую доколхозную деревню (в том числе, в села и станицы Дон, Кубани, Ставрополя) централизованно, через систему органов политпросвета, и был предназначен для библиотек, изб-читален, клубов, других подобных учреждений. Так, члены Донского окружного РКП(б) Северо-Кавказского края в конце 1924 г. констатировали, что для городских и сельских библиотек окружными органами политпросвещения только с мая по октябрь текущего года было закуплено 63 200 книг, а также дополнительно получено от Главполитпросвета 17 650 экземпляров.²

Что касается продажи книг крестьянам, то применительно к рассматриваемому периоду времени данный метод насыщения деревни литературой никак нельзя было назвать ни ведущим, ни даже значимым. В деревне насчитывалось не так уж и много желающих покупать книги, как того можно было ожидать по итогам грандиозной по своим масштабам борьбы с неграмотностью. Знакомые с сельским бытом и крестьянской психологией современники бесхитростно свидетельствовали, что «крестьянство — привыкшее получать из библиотеки и избы-читальни книгу для чтения бесплатно, бывает недовольно, когда нужную книгу ему бесплатно выдать не могут, так как ее иногда в библиотеке и избы-читальне нет, а могут только продать».³

¹ Мосин И. Смычка с деревней // Молот. 1924. 18 сентября.

² ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 17, л. 48об — 49.

³ Сверчков И. Библиотекарь, избач и продажа книг в деревне // Коммунистическое просвещение. 1927. № 1. С. 167.

Отчасти, апатичное отношение множества земледельцев к покупке литературы объяснялось вышеупомянутой прижимистостью. Стремясь снять отмеченное препятствие распространению книг в деревне, представители партийно-советского руководства прикладывали усилия к удешевлению продукции советских издательств: ведь, теоретически, чем дешевле была книга, тем с большей готовностью крестьяне должны были ее купить.

С этой целью, в резолюции «О культурной работе в деревне», принятой на состоявшемся 23 – 31 мая 1924 г. XIII съезде РКП(б), указывалось: «необходимо снабжение изб-читален книгами и газетами по себестоимости; необходима их бесплатная пересылка».¹ Дабы выполнить это указание, Госиздат и Народный комиссариат почт и телеграфов СССР (НКПТ или Наркомпочтель) образовали акционерное общество «Книга – деревне». Смысл деятельности общества заключался в том, чтобы реализовывать литературу в деревне в обход посреднических торговых организаций и частных перекупщиков, через сеть почтовых отделений и по издательским ценам. Такой порядок реализации должен был удешевить литературу и сделать ее стоимость не столь отталкивающей для жителей села.

Как отмечалось в прессе, уже в первой половине 1925 г. общество «Книга – деревне» создало в сельской местности Советского Союза тысячи пунктов реализации литературы, а к осени того же года ожидалось создание около 20 тыс. таких пунктов. «По РСФСР, на Украине, в Белоруссии, в Крыму, на Кавказе», констатировали современники, «все стационарные почтовые конторы снабжены хорошим подбором дешевой, полезной крестьянской книги и по глухим деревенским местам почтовик-кольцевик развозит книжку и передает ее в руки крестьянина».²

¹ Резолюция XIII съезда РКП(б) «О культурной работе в деревне» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898 – 1953. Изд. 7-е. В 2-х ч. Ч. I. 1898 – 1925. – М., 1953. С. 863.

² Красная нива. 1925. № 40. С. 959.

Безусловно, деятельность общества «Книга – деревне», как и другие похожие мероприятия партийно-советских органов по удешевлению предназначенной для крестьян печатной продукции, оказала определенное воздействие на повышение книжных продаж в деревне. Однако, радикально изменить сложившуюся ситуацию такие меры не могли, потому что относительная дороговизна книг не являлась единственной причиной нежелания крестьян их покупать.

Необходимо принять во внимание тот факт, что в 1920-х гг. для весьма и весьма многих жителей села, а также и горожан, книга не стала необходимым элементом жизни и досуга. Такие индивиды (которых более чем достаточно в любом обществе и во все времена) не видели ни смысла, ни радости в чтении, и никакие снижения цен не вызывали у них интереса к книгам. Они заполняли досуг не чтением, а более ценными для них развлечениями, среди которых на первом месте было употребление алкоголя. И свободные средства они тратили не на книги, а на водку. Как подметил селькор из села Лосево Армавирского округа Северо-Кавказского края, «водка в кооперативе быстро расходуется, а книжки лежат месяцами на полках».¹ С сожалением приходится констатировать, что подобное отношение к чтению демонстрирует и сегодня множество наших соотечественников.

Все же, несмотря на вышеобозначенную негативную тенденцию, в советской деревне, по сравнению с дореволюционными временами, наблюдалась устойчивая тяга к чтению. Численность желающих провести свободное время за чтением литературы, а не с бутылкой в кабаке или где-нибудь под забором, увеличивалась. Это, конечно, не могло не радовать представителей советской власти и общественности. Проблема заключалась в том, что армия любителей чтения в деревне росла опережающими темпами по сравнению с пополнением фондов сельских читален.

¹ Зоркий глаз. Заброшенная культработа // Крестьянская газета. 1928. 30 ноября.

Источники 1920-х гг. пестрят печальными утверждениями о крайней ограниченности книжного фонда в деревне. Так, в июне 1920 г. работники отдела народного образования Александровск-Грушевского уезда Донской области признавали, что «книг не хватает для обслуживания нужд населения» и отмечали «недостаток (крайнюю нужду) в литературе: 1) политической, 2) детской, 3) беллетристической».¹ Конечно, в начале 1920-х гг. Советская Россия переживала далеко не лучшие времена, и на фоне всеобщего дефицита нехватка книг не выглядела экстраординарным явлением. Однако и на протяжении последующих лет представители власти делали столь же унылые признания.

В конце 1924 г. члены Донского окружкома РКП(б) Юго-Восточного края отмечали, что, хотя города, села и станицы округа получили в текущем году десятки тысяч книг (как уже отмечалось выше, 63 200 экземпляров), литературы все же «далеко недостаточно для того, чтобы удовлетворить, хотя бы основные потребности трудящегося населения».² Нередко фонды сельских библиотек были чрезвычайно малы. Так, к марту 1926 г. в двух из тринадцати районов Армавирского округа Северо-Кавказского края имелось 6 библиотек, совокупное количество книг в которых равнялось всего лишь 838 штук, или около 140 экземпляров на библиотеку.³ Мизерные размеры этих книжных фондов заметны невооруженным глазом; но, они кажутся попросту смехотворными при сравнении со средней численностью населения в районах Армавирского округа, которая в том же 1926 г. приближалась к 60 тыс. человек!⁴ В качественном отношении книжные

¹ Докладная записка Александровск-Грушевского отдела народного образования о проведенных мерах по ликвидации неграмотности. 25 июня 1920 г. // Наш край. Из истории советского Дона. С. 129.

² ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 17, л. 48об – 49.

³ Георгиади Я. Просвещенцы в станице (По материалам обследования) // Молот. 1926. 18 марта.

⁴ Рассчитано по: Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. С. 3.

фонды сельских читален также порождали пессимизм, поскольку ощущалась острая нехватка сельскохозяйственной литературы (наиболее востребованной крестьянством), а также «педагогической, популярной политической, а главным образом, детской».¹ Участники Первого Всероссийского съезда работников изб-читален в марте 1927 г., оценивая как достоинства, так и недостатки снабжения деревни литературой, подводили своеобразный итог: «мало книг, нет книг, нет детской книги, нет беллетристики – это общий плач».²

В этой ситуации, одним из действенных средств стало создание передвижных читален (библиотек-передвижек). Например, к весне 1926 г. политпросвет Ставропольского округа укомплектовал 200 библиотечек-передвижек, с количеством 200 книг в каждой, и направил их в самые отдаленные хутора и поселки округа.³ Подобные кочующие библиотеки, в каждой из которых насчитывалось, как минимум, несколько десятков экземпляров книг, брошюр, журналов, газет, позволяли маневрировать ограниченными фондами печатных изданий и охватывать довольно значительные контингенты читателей на селе.

Ограниченность книжного фонда в советской (в частности, южно-российской) деревне 1920-х гг., вкупе с невысокой грамотностью основной массы крестьянства, оказала самое существенное влияние на чтение как практику досуга. Мы имеем в виду тот факт, что в деревне эпохи нэпа чтение представляло собой, по большей мере, не индивидуальную, а публичную, общественную, форму проведения свободного времени.

Поскольку наиболее интересной крестьянам литературы и периодики в деревню поступало сравнительно немного, самые читабельные экземпляры превращались в общественное достоя-

¹ РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 576, л. 37; ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 17, л. 48об – 49.

² Ширямов А. Первый Всероссийский съезд заведующих избами-читальнями // Коммунистическое просвещение. 1927. № 2. С. 11.

³ Книгу - деревне // Молот. 1926. 27 марта.

ние и, что называется, оправлялись по рукам. По этому поводу заведующая Благодаринским уездным женотделом Ставропольской губернии в 1923 г. писала в редакцию журнала «Крестьянка» о том, что, когда свежий номер приходит в село, то «совсем не лежит в избе-читальне, а из хаты в хату переходит»¹ (популярность указанного литературного журнала, действительно, была высока в деревне²). А так как многие земледельцы, даже прошедшие курс ликбеза, читали с трудом, зачастую газеты или журналы оглашал для всех какой-нибудь местный грамотей. Как писала одна из селькоров, «во время передышек на поле, на сенокосе грамотные крестьяне могут читать неграмотным журнал «Крестьянка».³ Зачастую в роли чтеца выступали не сами крестьяне, а избачи или представители сельской интеллигенции, которые, одновременно с громким чтением, выполняли также функции популяризации литературы и просоветской агитации. Как видим, в рассматриваемое время чтение на селе представляло собой не частное досужее занятие, а общественный акт.⁴

Остается добавить, что борьба с неграмотностью и постепенное укоренение чтения в быту деревни способствовали развитию крестьянского творчества, которое стало еще одним способом

¹ За год работы // Крестьянка. 1923. № 10. С. 5.

² Подчеркивая популярность «Крестьянки» среди сельских жителей, волорганизатор (лицо, осуществлявшее общественную работу на селе) Воронцовской волости на Дону осенью 1923 г. писал в редакцию: «нужно отметить громадный успех журнала. И не только среди крестьянок, но и среди мужчин» (За год работы // Крестьянка. 1923. № 10. С. 4).

³ Галина. О летней работе среди крестьянок // Крестьянка. 1923. № 9. С. 20.

⁴ Сельским учителям вменялось в обязанности, совместно с избачом, вести общественную работу и, в том числе, проводить читки книг, газет, журналов в избах-читальнях; «там, где нет избы-читальни в хуторах – учитель вместе с уполномоченным хутора находит место, где собираются граждане в долгие осенние и зимние вечера, там должны быть: газета, книжка и громкое чтение» (Фр. Г. Учитель в деревне // Молот. 1924. 17 февраля). Громкое чтение должно было также вызвать у земледельцев интерес, как к читаемой книге, так и к литературе вообще, чем достигалась реализация поставленной перед работниками деревенских просветительных учреждений задачи «продвинуть книгу в деревенскую массу, приблизить ее к крестьянству» (Сверчков И. Библиотекарь, избач и продажа книг в деревне // Коммунистическое просвещение. 1927. № 1. С. 167).

проведения свободного времени. В редакции газет и журналов из деревни поступало огромное количество произведений самодеятельных авторов, надеявшихся на то, что «знающие люди» их оценят и опубликуют. Множество такого рода творений были откровенно слабы.¹ Но, зачастую встречались и довольно любопытные очерки, рассказы, стихи. Вот, например, несколько интересных строк: «Мы – пахари, мы – великаны, // Земли родной богатыри, // Труда любимого титаны, // Полей родных цари».²

Практически сразу, впрочем, творческая активность крестьян приобрела характер активности общественной, когда умение освещать сельскую действительность использовалось не для заполнения досуга, а для критики негативных сторон этой самой действительности в целях ее исправления и улучшения. На селе действовало множество добровольных крестьянских (сельских) корреспондентов, численность которых в 1925 г. составляла (вместе с рабочими корреспондентами) около 150 тыс. человек.³ Кресткоры (селькоры) направляли в редакции периодических изданий свои критические заметки об окружавшей действительности. В частности, к весне 1926 г. издававшаяся на Ставрополье крестьянская газета «Власть Советов» получала от селькоров до 200 корреспонденций в день.⁴ Кроме того, выражением творческой активности и равнодушной общественной позиции крестьян стали стенные газеты, которых только в Донском округе Северо-Кавказского края насчитывалось к началу 1927 г. 71 (в целом же, в округе выходило 486 стенгазет)⁵ и в которых также содержа-

¹ Например, редакция журнала «Новая деревня» следующим образом расценила розу крестьянина К. Быкову из села Шептуховка Донской области Юго-Восточного края: «получили ваш рассказ –[«]Воспоминания[»]. За время гражданской войны много было таких случаев. И потому, что рассказ очень – обыкновенный – он вышел скучным и печатать его не стоит» («Новая деревня» отвечает // Новая деревня. 1924. № 9. С. 48).

² Левин В. Стихотворение // Новая деревня. 1924. № 4. С. 23.

³ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. С. 381.

⁴ Отовсюду // Молот. 1926. 27 марта.

⁵ Материалы к отчету Донского окружного комитета В.К.П. (больш.) на XII окружной партконференции (ноябрь 1925 – январь 1927 г.). – Ростов н/Д., 1927. С. 101.

лась острая критика тех или иных негативных явлений сельской повседневности.¹

Еще одной формой досуга, которая, как и чтение, существовала в деревне и в досоветский период (причем, в гораздо более широких масштабах), но после 1917 г. была существенно преобразована, являлись театральные представления. Со времен средневековья деревню посещали скоморохи, «петрушечники» с их куклами, цыгане с дрессированными медведями, и т.п. Нередко и сами сельские жители устраивали самодеятельные театрализованные представления во время праздников.

Реалии советской эпохи наложили свой отпечаток, как на издавна существовавшие в деревне методы и средства организации театрализованных представлений, так и на их репертуар. Например, среди демонстрировавшихся кукольным театром социальных сатир с особенной силой зазвучала критика «кулаков». В журнале «Красная нива» за 1926 г. помещена фотография, на которой запечатлен финальный момент кукольного представления «Петрушка-селькор». На фото мы видим самого Петрушку со здоровенным писчим пером, а также милиционера, который арестовывает «кулака» и «кулачку», поднявших руки вверх.²

Дело не ограничилось лишь модернизацией досоветских образцов театрального мастерства: постреволюционная эпоха стимулировала широкое развитие в деревне художественной самодеятельности, особенно в форме драматических кружков.³ Со-

¹ Очевидец так описывал реакцию жителей станицы Бессергеновской (ныне Октябрьской район Ростовской области) на выход стенной газеты «Пробуждение» в сентябре 1924 г.: «очень заинтересовала газета хлеборобов слободы, днем и вечером стояли толпы народа над газетой и со вниманием читали ее. После чтения раздавались веселые улыбки: «Вот так безбожник, попа протянул, а правду он пишет, что стыдно святым лодырям раскрывать пасть на труды хлебороба», «а вот еще про кулака Таменцева»... Бессергеновская пробуждается от долгого сна. Стенгазета свое сделает» (Дядя Митяй. Организовали стенгазету // Новочеркасский молоток. 1924. 17 октября).

² Казанцев М. В Доме Крестьянина // Красная нива. 1926. № 7. С. 19.

³ По утверждениям работников сельских культурных учреждений, драматические кружки доминировали среди различных форм и видов художественной самодеятельности на селе. А вот с «музыкально-хоровой работой» дело обстояло «значительно хуже»,

временники констатировали, что «эти драматические кружки стихийно возникали в селах и станицах», руководили ими «либо старые профессиональные актеры, либо случайные лица».¹ Среди таких «случайных лиц» были сельские учителя, агрономы, комсомольцы и просто жители села, увлеченные искусством лицедейства. Так, В.В. Криводед вспоминал, что в селе Львовском драматический кружок был организован местными учителями.²

Со временем своеобразными центрами художественной самодеятельности стали некоторые коллективные хозяйства. В частности, на проходившем в июле 1925 г. Первом съезде колхозов Северного Кавказа представитель сельскохозяйственного товарищества «Культура» Дундуковского района Майкопского округа П.С. Усатый рассказывал: «проводим спектакли, собеседования, на которых присутствуют почти все крестьяне хуторов, окружающих нашу коммуну». Ему вторил представитель колхоза «Весеннее утро» Кропоткинского района Армавирского округа М.В. Средницкий: «клуб товарищества во время спектакля полон крестьян».³

Организация и работа кружков художественной самодеятельности в деревне проходили отнюдь не без проблем. Прежде всего, немало такого рода ячеек самодеятельности изначально были мертворожденными.⁴ Это случалось тогда, когда драмкружки создавались исключительно по инициативе сотрудников

так что желавшая петь молодежь иной раз создавала и пополняла церковные хоры (Сыркин В. Изба-читальня, как она есть (Статья вторая) // Коммунистическое просвещение. 1927. № 1. С. 81).

¹ Б-к И. Театр на помощь агрономии (Поездка донского «Театра Хлебороба») // Молот. 1926. 16 марта.

² Криводед В.В. История села Львовского на Кубани. С. 50.

³ Выступление на I съезде колхозов Северного Кавказа представителей товариществ «Культура» Майкопского округа и «Весеннее утро» Армавирского округа об организации и деятельности этих товариществ. 25 июля 1925 г. // Коллективизация сельского хозяйства на Кубани. С. 141, 142.

⁴ Очевидцы указывали, что «кружки числятся на бумаге, что все они организовываются, но фактически не работают» (Вигдоров А. Сдвиг в политпросветработе (Впечатление инспектора Наркомпроса) // Коммунистическое просвещение. 1927. № 2. С. 48).

сельских культурных учреждений (тех же изб-читален) или интеллигентов, но без достаточной поддержки крестьян и, особенно, деревенской молодежи, которая являлась ведущей силой в налаживании их работы. По той же причине немало созданных и, казалось бы, начавших функционировать драматических и других кружков постепенно умирали.¹ Сказывалось отсутствие необходимых для репетиций и представлений помещений, дефицит потребных для покупки грима и реквизита средств: «на одних спектаклях далеко не уедешь. В деревне лучший сбор дает 30 рублей. Это в какой-нибудь годовой праздник, а обычный сбор – 10 – 15 рублей. На эти деньги надо и грим купить, и сценку с декорациями оборудовать, и пьеску выписать. А разве мало приходится бесплатных спектаклей устраивать в различные кампании и революционные праздники».²

При негибком упорстве членов драмкружков, их активности и преданности любимому занятию, а также при поддержке общественности и властей, проблемы удавалось преодолеть. Так, помещение для кружка мог изыскать сельсовет: когда любители театрального дела села Львовского попросили о такого рода услуге главу местной администрации И.Е. Астахов, он выделил им амбар, «его приспособили, оборудовали сцену, поставили скамейки на 50 мест».³ Да, собственно, в летнее время представление можно было устроить и на открытом воздухе; более того, в рамках характерного для эпохи нэпа экспериментаторства в области драматургии такие опыты даже приветствовались.⁴

¹ Один из селькоров писал, что на хуторе Нижне-Сиротинском Сальского округа Северо-Кавказского края был «драмкружок, кружок друзей газеты, красный уголок. Замерли кружки. Выходила стенгазета «Деревенская Искра». Потухла «Искра». Никакой общественной работы нет на хуторе. Зато пьют зверски» (Батрак. Задуманный хутор // Крестьянская газета. 1928. 30 ноября).

² Волков В. Больше внимания избам-читальням // Коммунистическое просвещение. 1927. № 1. С. 166.

³ Криводед В.В. История села Львовского на Кубани. С. 50.

⁴ Вот как советские драматурги-экспериментаторы советовали проводить «массовое представление» на тему «Старая и новая деревни»: «Труппа, собравшаяся дать это

Одной из наиболее серьезных бед для сельских театралов-любителей являлась скудость постановочного материала. В источниках неоднократно отмечается, что «с пьесами для деревенских драмкружков дело обстоит очень туго»,¹ что они вынуждены пользоваться «старым затасканным драматическим репертуаром»,² который, естественно, не отвечал духу времени. Наиболее талантливые члены драмкружков пытались создавать собственные пьесы, но на этом пути было больше падений, чем взлетов. Как отмечали сотрудники редакции журнала «Новая деревня», «слабое знание крестьянским молодняком техники драматического творчества и театрального дела приводит к тому, что иногда очень содержательная по мысли, полная подлинного народного остроумия и живости пьеса не может быть принята к постановке на сцене, так как автор не сумел дать постепенное развитие действия, связать в единый план отдельные сцены и приспособить пьесу к возможностям небольшого деревенского театра».³

Постепенно, впрочем, репертуар сельских самодеятельных театров все больше расширялся и обогащался, что являлось прямым результатом целенаправленной деятельности, как советской творческой интеллигенции, так и органов агитпропа. Например, когда осенью 1925 г. актеры Ростовского-на-Дону «Театра хлебоборо́ба» гастролировали по сельским районам, они охотно консультировали членов местных драмкружков и передали им до 500

представление, может дать его или на деревенской площади или лучше на площади базарной, в базарный день. Участники устанавливаются по заранее намеченным местам, если можно возвышенным (на крыльце, на возу, на бугре и т. д.), в разных концах площади и ведут переключку... Представление можно дать и просто на улице между двумя подходящими избами (старой – разрушенной, курной и новой). В конце представления выступает агроном с речью по текущему вопросу местного крестьянского хозяйства» (Старая и новая деревни // Новая деревня. 1924. № 1. С. 13).

¹ Кузнецов В. Дайте хороших пьес для деревенского театра // Новая деревня. 1926. № 3. С. 35.

² Б-к И. Театр на помощь агрономии (Поездка донского «Театра Хлебоборо́ба») // Молот. 1926. 16 марта.

³ От редакции // Новая деревня. 1926. № 3. С. 35.

пьес из своего репертуара.¹ Впрочем, в качественном отношении постановочный материал для драмкружков полностью соответствовал требованиям, предъявляемым большевиками к искусству, и в основном сводился к театрализованным представлениям на злободневные социально-экономические или политические темы: «живым газетам», «агитсудам», различным инсценировкам, и т.п.

Успешно действовавшие драмкружки пользовались заслуженной любовью и признанием крестьянства, а также вниманием со стороны властных структур, видевших в них средство агитации и пропаганды. Здесь надо признать правоту советских журналистов, утверждавших, что «во многих деревнях драмкружок играет значение не меньше, чем кружок политграмоты».²

Следует добавить, что иногда крестьяне могли лицезреть выступления и настоящих театральных трупп, а также городских самодеятельных коллективов, по уровню мастерства приближавшихся к профессионалам. В последнем случае можно отметить вышеупомянутый «Театр хлебороба», созданный в конце 1924 г. членами драмкружков Ростова-на-Дону. Как писал один из журналистов газеты «Молот» в ноябре 1925 г., «в области крестьянского театра мы как будто даже обогнали Москву. Там только идут разговоры о создании крестьянского театра, наш же театр работает около года... В настоящее время крестьянский театр перешел в ведение Крайполитпросвета и преобразовывается в «Краевой передвижной театр хлебороба».³

Репертуар театра включал в себя невзыскательные и прямолинейные агитки, а также близкие к ним по содержанию и стилю исполнения пьесы на актуальные для крестьянства темы: «Смерть засухи», «Подавай землеустройство», «Увеличивай доход», «Красный петух» (эти пьесы напоминали «клубную живую

¹ Б-к И. Театр на помощь агрономии (Поездка донского «Театра Хлебороба») // Молот. 1926. 16 марта.

² Менцингер В. Улучшить работу драмкружков // Молодой ленинец. 1926. 3 марта.

³ Березарь И. Крестьянский театр // Молот. 1925. 21 ноября.

газету», но были выполнены «проще и понятны даже неграмотному крестьянину»). Кроме того, сотрудники «Театра хлебороба» стремились отражать и быт деревни, справедливо считая, что такая тематика вызовет интерес зрительской аудитории (любопытно, что в рамках достижения «смычки» было «признано необходимым показать [крестьянам] и рабочий быт»).¹

Оправдывая свое предназначение, «Театр хлебороба» без устали гастролировал по сельским районам и к осени 1925 г. «объехал чуть ли не все деревни и станицы Донского округа». Вполне в духе аскетичной постреволюционной эпохи актеры «Театра хлебороба» ставили «свои пьесы без декораций, с минимальным реквизитом (две-три табуретки, стол, сундук). Обычное место постановок – изба-читальня, но если нет подходящего помещения, пьеса ставится летом и на открытом воздухе».² Например, в селе Кулешовке Азовского района Северо-Кавказского края спектакль был проведен «на открытом воздухе, на котором из 2.800 жителей села присутствовало 1.500 чел.»³ Дабы усилить агитационно-пропагандистское воздействие на сельских жителей, а заодно узнать их мнение о постановках, актеры после выступления проводили собеседования с земледельцами.⁴

Несмотря на политизированность и агитационную прямолинейность пьес и спектаклей, театр стал одним из популярных способов проведения досуга в советской деревне эпохи нэпа и, в частности, – в селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополья. Первоначально, впрочем, посещение ранее невиданных театральных представлений давалось некоторым крестьянам и, особенно, крестьянкам, не без внутреннего напряжения. Как писала одна из селькорок, когда крестьянки идут на спектакль, то «озираются, по

¹ Березарь И. Крестьянский театр // Молот. 1925. 21 ноября.

² Там же.

³ Б-к И. Театр на помощь агрономии (Поездка донского «Театра Хлебороба») // Молот. 1926. 16 марта.

⁴ Березарь И. Крестьянский театр // Молот. 1925. 21 ноября.

привычке жмутся в кучу, как овцы».¹ Вскоре, однако, страхи были забыты, так что очевидцы с полным основанием говорили: сельское «население весьма любит ходить на спектакли и кино, хотя спектакли и кино редки».² В первых рядах, как повествуют источники, была молодежь, которая «никаких развлечений в деревне не имеет и обычно до отказа наполняет избу[-читальню] в дни спектакля».³

Совершенно новой формой сельского досуга 1920-х гг., которая по масштабам распространения была сравнима с чтением, а по привлекательности превосходила его, являлось кино. Так было по всему Советскому Союзу и, в том числе, на Юге России. Причем, в отличие от литературы, которая не обходила деревню стороной и в досоветские времена, продвижение кино в сельской местности являлось почти исключительно заслугой большевиков.

К началу 1920-х гг. кино представляло собой очень молодой, но быстро мужавший вид искусства, с поразительной скоростью распространившийся и в мире, и в России. Первый общедоступный сеанс «синематографа Люмьера» состоялся в Париже 28 декабря 1895 г. Прошло менее полугода, и с 16 мая 1896 г. кино начали показывать в Санкт-Петербурге. Определенное время российская публика довольствовалась новинками зарубежного кинопроката, но затем началось создание отечественных картин, численность которых неуклонно увеличивалась с каждым годом. Если в 1908 г. в России было выпущено всего лишь несколько довольно коротких фильмов, то в 1909 г. – 19, в 1910 г. – 32, в 1911 г. – 73, в 1912 г. – 102, в 1913 г. – 129 кинокартин.⁴

Дальнейшие события, – Первая мировая война, революционные потрясения, длившееся с 1917 г. до 1922 г. кровавое и разру-

¹ Лаврентьева П. Из Нового быта в деревне // Крестьянка. 1924. № 7. С. 24.

² РГАЭ, ф. 396, оп. 6, д. 42, л. 12.

³ Вигдоров А. Сдвиг в политпросветработе (Впечатление инспектора Наркомпроса) // Коммунистическое просвещение. 1927. № 2. С. 49.

⁴ Лебедев Н.А. Очерк истории кино в СССР. Т. I. – М., 1947. С. 19.

шительное гражданское противостояние, — оказали самое негативное влияние на отечественный кинематограф. Во время Гражданской войны кинопромышленность фактически прекратила существование вследствие отсутствия пленки и общей нестабильности обстановки, а недостаток топлива и электроэнергии привел к закрытию кинотеатров; 1921 г. стал «низшей точкой развития советского кино»,¹ если о развитии в таких условиях вообще можно говорить.

Однако, В.И. Ленин совершенно правильно оценил огромные возможности кинематографа в деле пропаганды и агитации большевистских идей, о чем свидетельствует его знаменитое высказывание, содержащееся в воспоминаниях А.В. Луначарского: «Вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино».² В.Д. Бонч-Бруевич вспоминал, как признанный вождь российских коммунистов с увлечением рассказывал ему о зарубежных фильмах научно-популярного содержания и заметил: «Все эти фильмы, сопровождаемые лекциями, были бы в высшей степени полезны и занимательны для малоподготовленного зрителя и для его развития».³

Придавая столь большое значение кино, В.И. Ленин 27 августа 1919 г. подписал декрет о национализации фотографической и кинематографической торговли и промышленности и о передаче ее в ведение Народного комиссариата просвещения РСФСР.⁴ В условиях нэпа, впрочем, большевикам пришлось смириться с частными кинотеатрами. Однако, их репертуар был поставлен под наблюдение все того же Наркомпроса, о чем недвусмысленно говорилось в продиктованных Лениным 17 января 1922 г. «Дирек-

¹ Там же. С. 83.

² Примечания к сочинениям В.И. Ленина // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. М., 1974. С. 579.

³ Бонч-Бруевич В. Ленин и кино. По личным воспоминаниям // Кино-фронт. 1927. № 13 – 14. С. 3 – 4.

⁴ Лебедев Н.А. Очерк истории кино в СССР. Т. I. С. 71.

тивах по киноделу»: «Добиться, чтобы кинотеатры, находящиеся в частных руках, давали бы достаточно дохода государству в виде аренды, предоставить право предпринимателям увеличивать число номеров и вводить новые, но с неременной цензурой Наркомпроса и при условии сохранения пропорции между увеселительными картинами и картинами пропагандистского характера под названием «Из жизни народов всех стран», с тем чтобы промышленники были заинтересованы в создании и производстве новых картин».¹

В рамках избранной нами темы важно подчеркнуть, что в тех же «Директивах» содержалось требование «специально обратить внимание на организацию кинотеатров в деревнях и на Востоке, где они являются новинками и где поэтому наша пропаганда будет особенно успешна».² После появления подобных распоряжений неудивительно, что именно в советское время деревня впервые познакомилась с кинематографом.

Партийно-советские органы на местах вполне серьезно отнеслись к распоряжениям своего вождя. Так было и на Юге России. В частности, члены Донского окружкома РКП(б) отмечали в конце 1924 г., что перед окружным отделом народного образования поставлена задача «по переброске кино в деревню и если общественные организации в дальнейшем будут оказывать необходимое содействие – эта задача будет выполнена».³

Существовали серьезнейшие препятствия охвату деревни кинопрокатом. Учитывая тяжелейшие последствия Гражданской войны для регионов Юга России, а также крайнюю ограниченность государственных и местных ресурсов, стационарные кинотеатры на селе в 1920-х гг. представляли собой редкое явление и существовали только в наиболее крупных сельских населенных

¹ Директивы по киноделу. 17 января 1922 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. С. 360.

² Там же. С. 361.

³ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 17, л. 49.

пунктах. Создание их в относительно небольших селах и станицах, не говоря уже о хуторах, представлялось совершенно невыполнимой задачей. Выходом из сложившейся ситуации могла стать только организация передвижных кинотеатров (кинопередвижек). По существу, вся кинопередвижка сводилась к одному механику, который возил по деревням кинопроектор с большим или меньшим набором целых (или не совсем) лент. Приехав на место, механик устраивал показ фильма. Если дело было в холодное время года, то находилось нужное по размерам помещение, а весной и летом кинопоказы проходили на улице; зрители стояли или сидели прямо на земле. Экраном служила либо простыня, изыскиваемая на месте, либо попросту хорошо выбеленная стена хаты какого-нибудь местного хлебороба.

Важность охвата деревни кинопередвижками актуализировала задачу налаживания их массового производства в Советской России. В частности, в 1925 г. Главполитпросвет заключил договор с одним из советских предприятий об изготовлении 600 киноаппаратов, приспособленных для деревни.¹ Использовались и проекторы иностранного производства.

Южно-российские органы политпросвета, на которые возлагалась задача трансляции кино в селах и станицах, приобретали необходимые аппараты и организовывали работу кинопередвижек. Так, в начале 1926 г. Армавирский окружной политпросвет купил две кинопередвижки системы «Гоз» и два фонаря системы «Избач», снабженных «самостоятельными ручными динамами».² Были свои передвижные кинотеатры и у Кубанского окружного политпросвета. Одна из таких передвижек с 10 по 25 января 1928 г. путешествовала по станицам Усть-Лабинского района Кубанского округа, побывав в 10 населенных пунктах, «совершенно лишенных кинематографа. Стансоветы оказывали передвижке

¹ Красная нива. 1925. № 14. С. 332.

² Кино в деревню // Молот. 1926. 9 марта.

необходимое содействие, предоставляя бесплатно средства передвижения».¹

Численность кинопередвижек, все же, не была достаточной высокой, да и эффективно организовать их работу удавалось далеко не всегда. Поэтому, в 1927 г. Донской окружком ВКП(б) констатировал «слабое продвижение в деревне кино и радио».² Тем не менее, итоги деятельности этих кочевых кинотеатров в деревне позволяли современникам уверенно утверждать, что «передвижка себя оправдала».³ У жителей даже самых отдаленных и глухих деревень появился вполне реальный шанс увидеть работу кинопроектора, о котором современники образно говорили: «как подслеповатая старуха, кино моргает».⁴

Кино пользовалось прямо-таки бешеным успехом на селе, о чем неоднократно говорится в источниках: «в глухих деревнях и хуторах, заслышав треск аппарата, сбегаются стар и млад»,⁵ «крестьяне, по общему отзыву, встречают кино восторженно, особенно молодежь».⁶ Южно-российские земледельцы были вполне солидарны с представителями своей социальной группы из других регионов страны в высокой оценке кинематографа. Так, в январе 1926 г. представитель партячейки станицы Кисляковской Донского округа Северо-Кавказского края Черкасов рассказывал соратникам по партии: «принесли кино-аппарат и население, которое раньше не ходило ни на какие постановки, ни на спектакли, идет смотреть эти кино-картины».⁷

Хотя большевикам удалось создать сельскую систему кинопроката, что само по себе являлось большим достижением, у них были весомые поводы для беспокойства. Отчасти, беспокойство

¹ Л.Ч. Кино-передвижка в станицах // Молот. 1928. 18 февраля.

² ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 141, л. 62.

³ Л.Ч. Кино-передвижка в станицах // Молот. 1928. 18 февраля.

⁴ Лукашин И. Скука // Красная нива. 1925. № 23. С. 522.

⁵ О.Л. Кино-фокусы // Молот. 1928. 1 февраля.

⁶ Красная нива. 1925. № 14. С. 332.

⁷ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 70, л. 12.

вызывалось тем, что в условиях нэпа киноиндустрия пережила процесс коммерциализации, а это препятствовало выполнению социально-политических замыслов правящей в СССР партии.

В ряде случаев, работники созданных политпросветами передвижных кинотеатров заботились лишь о прибыли, забывая о «классовом подходе» при демонстрации фильмов. Один из участников проходившего в январе 1926 г. совещания секретарей сельских ячеек ВКП(б) Донского округа Северо-Кавказского края с неудовольствием рассказывал своим товарищам, что приезжавшая в их район передвижка окружного политпросвета «не согласовала своей работы с местными работниками, собрала деньги, показала картину и уехала». А следовало, добавлял рассказчик, согласовать показ кино с местными работниками, «чтобы дать возможность и беднейшему населению и батрачеству, которое не может платить деньги, просмотреть эту картину».¹

Резко негативно расценивали большевики и то обстоятельство, что кинопрокат служил обогащению столь ненавистных им частных предпринимателей, беззастенчиво делавших деньги на огромном интересе сельских жителей к «синематографу». Обычная манера деятельности таких людей отображалась в одной из публикаций в газете «Молот», на примере кинотеатра в станице Кагальницкой (ныне центр одноименного района Ростовской области), который был арендован у стансовета «человечком по имени Горбач. Горбач превращает зал кино в бочку сельдей, плотно прессует зрителей, так плотно, что уж плотней не набьешь». Зачастую Горбач демонстрировал лишь половину фильмов (хотя оплату брал за полный сеанс), оправдываясь тем, что другая половина не была прислана в станицу по вине организаций кинопроката. Выпроводив зрителей из зала, предприимчивый делец вновь заполнял зал новыми посетителями, которых ожидал все тот же урезанный фильм: «Зачем в самом деле показывать

¹ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 72, л. 133.

зрителям полную картину, хватит с них и трех частей! А время, — его тоже прессовать надо. Вместо двух, можно четыре сеанса устроить».¹

Наибольшую же озабоченность представителей власти вызывал не столько порядок и уровень организации работы кинотеатров в деревне, сколько не совсем правильный их репертуар. Дело в том, что среди предназначенных к демонстрации фильмов основная доля (по некоторым данным, даже 90 %²) приходилась на продукцию заграничной, — прежде всего, американской, — киноиндустрии. Причем, продукция эта зачастую была представлена боевиками, мелодрамами, комедиями, отличавшимися крайне низкой художественной ценностью и весьма далекими от тех агитационно-пропагандистских и просветительных функций, выполнение которых большевики возлагали на кино.

Вот как один из советских журналистов описывал типичный сеанс в среднестатистическом городском кинотеатре: «в углу разбитое, фальшивое пианино и под звуки неизменного вальса «Над волнами» на белой простыне скверные американские ковбои взрывают поезда, прыгают с мостов в воду, пачками подстреливают своих соперников и, получив большой мешок долларов, добросовестно целуют поджарых невест».³ Нетрудно разглядеть в этих строках сарказм в отношении банальных вестернов (вполне, впрочем, ими заслуженный).

А вот как освещалась работа кинопередвижки в сельской местности Юга России. Здесь сарказм в отношении содержания демонстрируемых земледельцам фильмов переходил в жесткую критику: «вот, например, бродит по району кино-передвижка союза рабземлес».⁴ ... И кино, продвигающееся в массы, начинает

¹ О.Л. Кино-фокусы // Молот. 1928. 1 февраля.

² Донецкий Мих. Еще раз о кино // Молот. 1926. 16 марта.

³ Нестор. В Рабочем городке // Молот. 1928. 18 февраля.

⁴ Рабземлес (Всеработземлес) — Всесоюзный профессиональный союз работников земли и леса, в который входили сельскохозяйственные рабочие, батраки и пр.

демонстрировать «Похождения мисс Анны» из жизни американских ковбоев. Очевидно, считается, что это наиболее близкая землеробам тема. Две части мисс Анны проходят благополучно, а на третьей кино-механик объявляет: – А теперь поглядите, граждане, как жених мисс Анны пойдет ейную посуду бить. И на экране, действительно, появляется Глупышкин,¹ бьющий чью-то посуду. Дело в том, что это киномонтаж заведующего: у него имеется две части, обрывок ковбойской ленты [«Похождения мисс Анны»] и обрывок комедии с Глупышкиным: вот он и монтирует. Противоестественная помесь мисс Анны с Глупышкиным развлекает хлеборобов».²

Работники органов политпросвета выражали законное возмущение отчетливо выраженным доминированием развлекательных иностранных фильмов в репертуаре сельских стационарных и передвижных кинотеатров, в ущерб фильмам просветительным и пропагандистским. Безусловно, указывали они, у развлекательных картин есть своя аудитория в деревне, представленная в первую очередь сельской молодежью. Однако, наряду с молодежью, «бородачи, степенные пожилые крестьяне предпочитают сельскохозяйственные научно-популярные фильмы»,³ «картины, освещающие рост Советского государства, вопросы хлебозаготовок, картины агрономически-научного содержания и т.п.»⁴ Но, как раз такого кино на селе почти не видели.⁵

Самое же главное, что заставляло большевиков резко критиковать сложившуюся практику кинопроката, – это совершенно

¹ Глупышкин – французский комический актер Андре Дид, успешно эксплуатировавший амплуа незадачливого тугодума, непрерывно попадающего в разные нелепые и неприятные ситуации, но, при этом, удачно выходящего сухим из воды. Экранный образ стал причиной того, что Дид получил в России прозвание Глупышкин.

² О.Л. Кино-фокусы // Молот. 1928. 1 февраля.

³ Красная нива. 1925. № 14. С. 332.

⁴ Л.Ч. Кино-передвижка в станицах // Молот. 1928. 18 февраля.

⁵ Балдаев Я. День урожая в Сталинградском уезде // Коммунистическое просвещение. 1927. № 1. С. 85.

неприемлемое, с их точки зрения, идеологическое влияние, которое оказывали иностранные фильмы на советскую (в частности, крестьянскую) аудиторию. Лидерам компартии было более чем очевидно, что засилье иностранных фильмов в советских кинотеатрах не только решительным образом препятствует коммунистической пропаганде и агитации, но и создает наилучшие условия для восприятия зрительской массой идеологии капиталистического мира, априори враждебной марксизму.

Большевики тревожно констатировали, что доминировавшие в кинопрокате западные фильмы культивируют «в массе нашего зрителя нечто такое, что коренным образом противоречит задачам советской кинематографии. Мы очень много говорили о разлагающем влиянии, производимом многочисленными заграничными фильмами, особенно американскими, насыщенными исключительно буржуазным «бытом», фокстротом, порнографией и прочей гадостью, вызывающей восторги у обывательщины. Нечего говорить о том, какое губительное, разрушающее действие производят эти картины на психику молодежи, особенно учащихся, которые, под влиянием заграничных фильмов, начинают слишком рано познавать «прелести жизни». В этом – прямая угроза, и не видеть ее, значит – не сознавать ответственности за воспитание подрастающего поколения».¹

Конечно, советская киноиндустрия пыталась конкурировать с западноевропейской и североамериканской. Как отмечали современники, для советского кино «1923 год явился Рубиконом. Ощупью и неуверенно, но все же быстро развиваясь и расширяясь, крепло советское кино-производство».² Можно назвать целый ряд весьма удачных фильмов, снятых, как в РСФСР, так и в национальных республиках СССР. Например, в том же 1923 г. режиссер

¹ Донецкий Мих. Еще раз о кино // Молот. 1926. 16 марта.

² Болтянский Г. Достижения и перспективы советского кино-производства // Красная нива. 1925. № 14. С. 332.

Иван Перестиани выпустил получивший широкое признание публики фильм «Красные дьяволята», режиссер Александр Разумный снял картину «Комбриг Иванов», которая пользовалась популярностью даже в США (где ее именовали «Красотка и большевик»). В 1924 г. появилась новая работа Александра Разумного, – «Банда батьки Кныша», – также понравившаяся зрителям, в том числе южно-российским казакам и крестьянам.¹ В 1925 г. Сергей Эйзенштейн закончил работу над картиной «Броненосец Потемкин», которая не только стала шедевром советского киноискусства, но и получила международное признание.

Но, несмотря на все достижения и успехи, общий уровень советского кино заметно уступал западному. В сравнении с иностранными фильмами большинство советских картин «выглядели технически и формально маловыразительными».² Блистательные звезды зарубежного экрана оставляли мало шансов их российским конкурентам: «просмотрев несколько картин с Мэри Пикфорд, [Дугласом] Фербэнксом, Уильямом Хартом или Лилиан Гиш, зритель охотно шел на новые картины с этими актерами».³

Сильнейшим образом по продукции киноиндустрии СССР било именно то, за что ратовали большевики, – идеологизация и политизация содержания фильмов. Множество советских картин были выстроены по принципу примитивной политической агитки, в которой воспевались идеалы «классовой борьбы». Вот как, например, в прессе описывался снятый в 1925 г. режиссерами Е. Ивановым-Барковым и Ю. Таричем фильм «Морока»: «Вот первая настоящая деревенская картина. И не просто деревенская, а отражающая новый быт нашей деревни. Хорошая постановка,

¹ Представитель партийной ячейки станицы Кисляковской Донского округа Северо-Кавказского края Черкасов рассказывал в январе 1926 г.: «У нас в последнее время шла картина «Банда батьки Кныша» [о Гражданской войне] и население, особенно казаки, с охотой смотрят ее» (ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 70, л. 12).

² Лебедев Н.А. Очерк истории кино в СССР. Т. I. С. 88.

³ Там же. С. 86.

великолепные артисты, дающие настоящих типов деревни, интересный, хорошо построенный сценарий делает картину нужной не только деревне, но и городу. Содержание ленты знакомо каждому: две силы – старая и новая деревня, отживающий быт стариков и нарождающийся быт – наш, новый, комсомольский».¹ Надо сказать, что «Морока» представляла собой отнюдь не бес талантную картину, которая вполне заслужила процитированные выше восторженные оценки. Вместе с тем, упрощенный политико-идеологический посыл фильма изначально порождал настороженное отношение к нему значительной части крестьянства.

Таким же настороженно-отчужденным, а нередко и прямо враждебным, было отношение многих крестьян (в том числе, южно-российских) и к другим советским фильмам с ярко выраженной агитационно-пропагандистской направленностью, особенно если политизированность подобных агиток никак не компенсировалась талантливой игрой актеров или умелым построением сюжета. Показательно, что, когда в январе 1928 г. кинопередвижка Кубанского окружного политпросвета работала в сельской местности Усть-Лабинского района, содержащиеся в ее репертуаре агитационные фильмы «Братишка» и «Буревестник» «в станицах не понравились».²

Конечно, нельзя говорить о полном отрицании сельским населением политизированных советских фильмов, особенно таких шедевров, как «Броненосец Потемкин». Также следует признать, что упрощенный политико-идеологический дуализм этих картин был вполне понятен рядовым гражданам СССР и способствовал легкому усвоению ими большевистских лозунгов. В то же время, постоянное воспевание на экране «классовой борьбы» раздражало зрителей. Особенно, сказанное справедливо в отношении множества простых крестьян, которым хотелось видеть в кино (да, собственно,

¹ Новая деревня так, как она есть // Молодой ленинец. 1925. 16 сентября.

² Л.Ч. Кино-передвижка в станицах // Молот. 1928. 18 февраля.

и наяву) не социальные конфликты, а веселье, приключения, радость свободного труда. Поэтому, большинство земледельцев предпочитали либо научно-популярные и просветительные картины (которых, однако, было слишком уж мало), либо западные боевики, мелодрамы, комедии, оставлявшие в памяти зрителей только одно воспоминание: «как это здорово по простыне-то бежали!»¹

Наряду с кино как средством проведения досуга, популярностью в деревне пользовалось и радио. Правда, дело было не только в том, что прослушивание радиопередач (скажем, музыкальных записей) являлось приятным способом заполнить свободное время. Весьма важным было то обстоятельство, что радио позволяло любому гражданину СССР с особенной силой почувствовать себя частью огромного народа, ощутить сопричастность жизни великой страны. Подобные ощущения рождались в результате прослушивания новостей и выступлений тех или иных большевистских лидеров, регулярно транслировавшихся через радиоприемники: «мы, сидя в своем захолустье, слушаем тех, кого нам, быть может, без радио не слышать до конца своих дней!»², «эт, штука-то какая! «Говорит Москва», а в [селе] Селиванове Спиридон Свищов слушает!»³

В отличие от создания кинотеатра, установка и эксплуатация радиоприемника в деревне эпохи нэпа являлась не особенно дорогим предприятием, так что, теоретически, радиофикация могла быть проведена на обширных территориях и в короткие сроки. Один из советских журналистов, скрывавшийся за псевдонимом «И.Ч.», оптимистично писал в 1924 г.: «мощная приемная станция, слушающая даже Москву, может обойтись рублей в 200 и поэтому доступна даже станице или захудалому городишке. Установить громкоговоритель обойдется рублей в 15».⁴ Относительно недорогого

¹ Раков А. «Кино интересней божьей матери» // Молодой ленинец. 1925. 18 сентября.

² И.Ч. Радио – всем! // Новочеркасский молоток. 1924. 24 октября.

³ Камчадал М. Дела неважные // Новая деревня. 1927. № 12. С. 47.

⁴ И.Ч. Радио – всем! // Новочеркасский молоток. 1924. 24 октября.

обходилось и устройство индивидуальных радиоприемников. Тем самым, в отличие от кино, радио предоставляло сельским жителям возможности не только коллективного, но и приватного досуга.

Как правило, средства на устройство радио в деревне изыскивались за счет местного бюджета либо путем организации взносов от населения. Все тот же таинственный «И.Ч.» писал о великих возможностях коллективизма в деле радиофикации: «конечно, нас не сравнить с эксцентричной американкой, швыряющей доллары на шикарный радио-портсигар, в котором вместо папирос – радио-телефон. Мы и копеечкой дорожим. И однако, собравши по гривенничку, мы можем установить мощный радиоприемник».¹ Определенные надежды крестьяне возлагали и на шефские организации: «не могут ли товарищи шефы наладить в селе «говорильню радио»?»²

Поскольку теория, как известно, существенно отличается от практики, относительная дешевизна радиофикации отнюдь не всегда предопределяла успешность ее проведения в советской доколхозной деревне и, в том числе, – в селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополья. Сельским жителям и местной администрации не всегда удавалось изыскать средства в необходимых объемах, не всегда они рационально тратились. Бывали случаи, когда по причине дефицита средств и отсутствия специалистов не удавалось наладить работу уже установленных радиоприемников, как это случилось в станице Варениковской Майкопского округа Северо-Кавказского края в 1927 г.

В сатирической публикации в газете «Молот» повествовалось о том, как станичное управление Варениковской решило устроить радиоприемник с громкоговорителем: «Граждане, – говорилось в объявлении, – отныне станица Варениковская ничем не будет отличаться от самых крупных мировых центров, отныне

¹ Там же.

² Шишков В. Сочувствующий // Красная нива. 1927. № 34. С. 4.

станция Варениковская станет на одну доску с Москвой, Парижем и Лондоном... Желаете слушать Большой московский театр, граждане, не сходя с места? Пожалуйста, будьте любезны, что такое для нас Большой театр, тьфу, чепуха, мелочь, каждый вечер можете слушать! Желаете, может, узнать, сколько времени по часам Вестминстера в Лондоне, по самым точным часам в мире? Пожалуйста, никаких затруднений, часы Вестминстера будут отзванивать вам каждый день точное время, с большей аккуратностью, чем ваш собственный звонарь Федька косой, точное время которого зависит, как известно, не столько от вычислений, — сколько от количества выпитых бутылок сорокаградусной».¹

Впечатленные станичники понесли в стансовет «трудовые деньги», и собранной суммы оказалось достаточно для радиофикации: «гордые радиомачты вознеслись над станцией Варениковской, антенны протянули над ней свои сети, приобщая ее к миру, блестящая никкелированная труба громкоговорителя засверкала на солнце». Однако наладить работу приемника так и не удалось, и даже спустя восемь месяцев после установки громкоговоритель упорно молчал. Правда, один раз он все же заговорил. Все бросились к радио, «но оказалось, что известный всей станции своим проказливым нравом гражданин Сеня, двенадцати лет, залез на трубу и оттуда вещал загробным голосом крайне непочтительные вещи. Ему дали подзатыльник и разошлись мрачно и молча».²

В публикации не указывалось, по какой причине стансовет Варениковской не смог организовать функционирование радиоприемника. Это могло произойти, как из-за отсутствия специалиста, так и вследствие заводского брака: то есть, приемник и громкоговоритель могли прибыть в станцию уже в нерабочем состоянии. Это была распространенная проблема. В прессе отмечалось, что «радиоаппаратура, выброшенная на рынок в тысячах экземп-

¹ Радиомолчание // Молот. 1928. 1 февраля.

² Там же.

лярах, недоброкачественна. Крестьянин часто проклинает день покупки «радиохлама»... каково же огорчение избача и «вкладчиков», когда вместо громкоговорителя стоит «громкомолчатель» или, как теперь говорят избачи, «гробокопатель», опять-таки в виду недоброкачественности радиоаппаратуры и за неимением на месте опытных техников». ¹ Сказывался и низкий уровень электрификации в деревне 1920-х гг. При отсутствии электричества работу радиоприемника обеспечивали батареи («сухие элементы»). Но их хватало лишь на 10 – 15 дней, а затем вновь надо было ехать в город за сменными элементами; запастись впрок не удавалось, так как неработающие батареи тоже разряжались. ²

Несмотря на вышеперечисленные препятствия, радиофикация советской деревни в 1920-х гг. достигла относительно широких масштабов. В селах и станицах Юга России радио также «оттопырило уши», ³ став еще одной новой формой досуга. Так, в газете «Молот» в ноябре 1925 г. в рубрике «Новости дня» отмечалось, что в станице Канеловской Кубанского округа, в селе Федоровка и слободе Большой Крепкой Таганрогского округа Северо-Кавказского края установлены и действуют радиоприемники, так что хлеборобы могут слушать «доклады и концерты из Москвы». ⁴

Изложенные в настоящем очерке материалы позволяют с полным основанием говорить о том, что в 1920-х гг. в советской деревне и, в том числе, в селах и станицах Юга России, произошла модернизация досуга. За очень короткий промежуток времени,

¹ Борухович И. К вопросу о радиовещании // Коммунистическое просвещение. 1927. № 2. С. 167.

² Там же, С. 167. Кроме того, И. Борухович отмечал еще одно обстоятельство, препятствовавшее налаживанию радиосвязи в деревне. Сложность настройки приемника иной раз вела к тому, что обозленные крестьяне просто разбивали его: «были случаи, когда крестьянин, установив приемник, «настраивался» до тех пор, пока не бросал приемник об пол. Ибо, не все знают, что нельзя пальцами трогать кристалл и что раньше, чем слушать, нужно найти приемную точку в кристалле. Так вот поиски по «точке опоры» и раздражают крестьян» (Там же, С. 166).

³ Ленч Л. На открытии хлеборобского парламента // Молот. 1926. 17 марта.

⁴ Новости дня // Молот. 1925. 20 ноября; 25 ноября; 27 ноября.

буквально за несколько лет, в деревне появились и укрепились такие способы проведения свободного времени, как кино и радио, ранее совершенно неведомые сельским жителям. Функционировали драматические и иные кружки, чья родословная отчасти восходила к еще досоветским практикам театрализованных представлений в деревне. Развивался сельский театр. Наконец, партийно-советские органы сделали очень многое для популяризации среди крестьянства культуры чтения и превращения книг, газет, журналов и иной печатной продукции в важное средство сельского досуга.

Очерк пятый

Курорты и спорт как способы досуга южно-российского крестьянства

Перечень появившихся в 1920-х гг. в распоряжении российского (советского) крестьянства совершенно новых способов проведения свободного времени, ранее не существовавших в деревне, не ограничивался только кино и радио. В этот перечень с полным правом входили и другие возможности досуга, о которых в досоветскую эпоху сельские жители не только не могли мечтать, но, в массе своей, даже не имели представления. Речь идет о занятиях спортом, а также о курортном отдыхе.

Вместе с тем, физкультура и курорт, представлявшие собой несомненные новации в сфере сельского досуга, заметно отличались от подобных им новшеств, каковыми выступали кино и радио. Если кинематограф и радиовещание (равно как и литература, и театр) получили в советской доколхозной деревне повсеместное распространение и широкое признание крестьянства, то ни о систематических занятиях спортом, ни о налаженном санаторно-курортном отдыхе и лечении недужных аграриев, того же сказать нельзя. Как спорт, так и курортный отдых, на всем протяжении 1920-х гг. были изначально и перманентно ограничены в распространении в сельской местности и в признании крестьян, хотя и по разным причинам. Данное обстоятельство диктует нам необходимость рассматривать оба этих способа крестьянского досуга вкуче и в рамках специального очерка.

Развитие спорта в Советском Союзе в 1920-х гг. — это отдельная и весьма обширная тема, освещать которую в рамках нашей работы представляется совершенно невозможным и нецелесообразным. Отметим лишь, что в СССР в эпоху нэпа существовали самые разные виды спорта, начало развития которых свя-

зано с окончанием Гражданской войны и сопровождавшей ее политики «военного коммунизма». Достаточно беглого взгляда на советскую периодику, чтобы убедиться в наличии в стране хоккея, футбола, конного и велоспорта, и т.д. Сражались между собой хоккейные команды, в том числе женские, состоявшие из работниц тех или иных промышленных предприятий.¹ Так, зимой 1926 г. прошел матч между сборными Москвы и Ленинграда, закончившийся со счетом 3 – 4 в пользу ленинградцев.² Немало поклонников имел бокс (или, как доступно разъясняли своим читателям советские журналисты, «мордобой»³). Устраивались гонки на мотоциклах, казалось бы, совершенно невозможные в разоренной революциями и войнами стране.⁴ При этом, несмотря на определенную автаркию СССР в связи с его статусом «осажденной крепости», советские сборные команды не оставались в стороне от мирового спортивного движения и выезжали за рубеж для состязаний (а также принимали у себя иностранных спортсменов). В частности, в феврале 1926 г. в прессе сообщалось о возвращении в родные края советских футболистов после игр во Франции и Германии.⁵

Подчеркнем, что в СССР в 1920-х гг. (да и, на протяжении всех последующих десятилетий) спорт понимался не как элитарное, но как массовое, воистину всенародное дело: когорта спортсменов олицетворяла здоровый дух и мощь советского народа, а сам народ выступал в роли неисчерпаемых резервов будущих олимпийских чемпионов. При таком весьма разумном и заслуживающем всяческого одобрения подходе, ведущая цель занятий спортом заключалась не столько в установлении собственно

¹ Зимний спорт // Красная нива. 1926. № 4. С. 19; Женский хоккей // Молодой ленинец. 1926. 18 марта.

² За неделю // Красная нива. 1926. № 7. С. 18.

³ Радин Е. Чем нужно заниматься по физкультуре и чем не нужно // Красная нива. 1925. № 31. С. 732.

⁴ Физкультура // Молодой ленинец. 1926. 10 марта.

⁵ За неделю // Красная нива. 1926. № 7. С. 11.

спортивных рекордов (хотя, конечно, и это не отрицалось, поскольку подобные рекорды укрепляли престиж страны), сколько в оздоровлении широких слоев населения и подготовке его к «труду и обороне». Отсюда, необходимым признавалось как можно более широкое распространение в массах занятий спортом, физкультурными упражнениями, которые должны были стать необходимой частью повседневной жизни и досуга как естественного компонента повседневности.

Физкультура в Советском Союзе понималась именно как «одно из условий создания здоровой, бодрой, трудовой молодежи – надежной опоры республики»,¹ как средство, служащее «для подготовки к труду, к обороне страны».² Один из советских журналистов с предельной ясностью разъяснял гражданам: «не только политически воспитанный и подготовленный товарищ нужен нам, но и физически развитый. Это должно быть понятно каждому. Наша обязанность воспитать революционера-борца, в любую минуту готового на все лишения за дело рабочего класса. А лишения перенести с успехом сможет только физически здоровый товарищ».³

Всякие иные подходы к пониманию физкультуры, попытки ее индивидуализации и превращения только лишь в средство подготовки спортивных резервов решительно осуждались. Как отмечалось в прессе в 1924 г., «имеющиеся сейчас кружки спорта сплошь и рядом не отвечают задачам физобразования. Частенько в кружках спорта создают специалистов-спортсменов, развивающихся односторонне. Бывают случаи, когда подобное «физобразование» поощряют, устраивая индивидуальное соревнование с призами, жетонами и т.д. Самую решительную борьбу комсомол должен вести с такими извращениями физкультуры. Наша линия

¹ За физкультуру // Молодой ленинец. 1926. 23 апреля.

² Радин Е. Чем нужно заниматься по физкультуре и чем не нужно // Красная нива. 1925. № 31. С. 730.

³ Панин Мих. Надо внедрить физкультуру в наш быт // Молот. 1924. 20 сентября.

должна быть — всестороннее развитие товарищей, массовое их образование, а не подготовка специалистов спорта».¹ Да и вообще, советские граждане должны были помнить о социалистическом коллективизме всегда, в том числе и при занятиях физкультурой: «надо быть подальше от единоличного отличия, ради тешения своего самолюбьишка. Нам не нужны призовые люди, а нужно массовое всестороннее развитие здоровья».²

Содержание процитированных высказываний с предельной ясностью свидетельствует о том, что в качестве первоочередных адептов физкультурного движения в СССР совершенно справедливо рассматривались представители подрастающих поколений. Вовлечение в это движение взрослых отнюдь не исключалось и, более того, даже поощрялось: например, заявлялось о необходимости развивать «те виды физкультуры, которые способны привлечь взрослую массу (стрелковый спорт, охота, игры, шашки, шахматы, городки, катанье и т.д.)».³ Но, молодежи отдавалось предпочтение. Физкультура должна была помочь молодым, растущим и мужавшим гражданам СССР победить недуги и вырасти здоровыми, полными сил борцами за дело коммунизма. Применительно к сфере досуга это означало, что физкультура как способ проведения свободного времени была ориентирована, в первую очередь, на молодежь. Тем самым, занятия спортом как способ досуга изначально предназначались для ограниченной (или, выражаясь современным нам языком, «целевой») аудитории, — как в городе, так и в деревне.

Учитывая весьма важную роль физической культуры в деле подготовки полноценных кадров для экономики и армии, для будущей «мировой революции», ей уделялось пристальное внимание. В целях координации мероприятий по развитию спорта сре-

¹ Панин Мих. Надо внедрить физкультуру в наш быт // Молот. 1924. 20 сентября.

² Радин Е. Чем нужно заниматься по физкультуре и чем не нужно // Красная нива. 1925. № 31. С. 732.

³ Жабо В. Физкультуре принадлежит большое будущее // Молот. 1925. 11 ноября.

ди населения в Москве был создан Центральный институт физкультуры. При районных и губернских исполкомах создавались советы физической культуры (совфизкульты).¹ Поскольку в качестве целевой группы развития физкультуры выступала молодежь, выдвигались даже предложения установить для каждого комсомольца «минимум физического образования», который ему надлежало выполнить «в порядке комсомольской обязанности».²

В целях популяризации физической культуры в широких слоях населения Советского Союза проводились массовые мероприятия соответствующей направленности, имевшие статус как региональных, так и Всесоюзных. Например, в сентябре 1924 г. в Донском округе Юго-Восточного края проходила «неделя физкультуры», направленная на то, чтобы «показать необходимость физической культуры для рабоче-крестьянской молодежи».³

Неоднократно устраивавшиеся в Москве летние и зимние Всесоюзные праздники физкультуры представляли собой грандиозное и красочное зрелище. Так, 3 мая 1925 г., в день «открытия летнего сезона физкультуры», на Красной площади в Москве состоялся парад физкультурников московских профсоюзов. Парад открылся «маршем двух тысяч велосипедистов, за ними следовали мотоциклисты и автомобили, за которыми началось шествие физкультурников. Стройными рядами прошли вузовцы, за ними колонны текстильщиков, транспортников, — союз за союзом... После парадов на всех районных спортивных площадках состоялись выступления по физкультуре».⁴

В рамках Всесоюзных зимних праздников физкультуры проводились состязания лыжников, конькобежцев, хоккеистов, по прыжкам с трамплина, и т.п. В ряде случаев, в таких состязаниях принимали участие и финские спортсмены. Победителями в зим-

¹ Панин Мих. Надо внедрить физкультуру в наш быт // Молот. 1924. 20 сентября.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Праздник физкультуры // Красная нива. 1925. № 21. С. 488.

них играх становились, как правило, либо те же финны, либо команды из Ленинграда, Москвы, Новгорода, Твери,¹ с которыми их южно-российские соперники не могли тягаться в силу региональных климатических особенностей, оказывавших самое существенное влияние на уровень подготовки.²

В деревне, которая существенно отставала от города в деле распространения физкультуры, партийно-советские работники предпринимали меры по активизации этих процессов. Зачастую, в полном соответствии со стилем работы советского бюрократического аппарата, такого рода меры сводились к разного рода директивам и циркулярам, эффективность которых была практически нулевой. Проводились также совещания «деревенских работников по физкультуре», участники которых делились опытом и пытались выработать наиболее эффективные стратегии действий (одно из них прошло в Новочеркасске в конце марта 1926 г.³). В ряде случаев, на помощь сельским физкультурникам высылались их коллеги из городов. Так, во второй половине 1924 г. 18 инструкторов Донского окружного союза физкультурников Юго-Восточного края (всего в союзе числилось 70 инструкторов) были направлены в деревню.⁴

В то же время, справедливо полагая, что успешность физкультурного движения в деревне во многом зависит от инициативы снизу, представители власти рекомендовали создавать при избах-читальнях кружки физической культуры, активисты которых

¹ Всесоюзный зимний праздник физкультуры // Молодой ленинец. 1926. 2 марта; А.В. Товарищ, – приготовиться! // Молодой ленинец. 1926. 5 марта.

² Так, на проходившем в феврале 1928 г. Всесоюзном зимнем празднике физкультуры «северо-кавказская команда конькобежцев выявила ничтожную подготовленность и плохую тренировку». В прессе сообщалось, что «о ее серьезном соперничестве с москвичами, ленинградцами и туляками, идущими пока в первых местах на всех состязаниях, теперь не может быть и речи» (А. Северо-кавказцы на Всесоюзном зимнем празднике // Молот. 1928. 7 февраля).

³ Усиление работы по физкультуре // Молот. 1926. 20 марта.

⁴ Отчет Донского окружного комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков). С мая по октябрь 1924 года. – Ростов н/Д., 1924. С. 91.

должны были «втянуть молодежь к занятию различными видами физупражнений», «содействовать поднятию общекультурного уровня крестьянского населения путем внедрения в быт физкультурных знаний и привычек», «способствовать повышению уровня физического состояния крестьян, посредством применения физических упражнений, игр, санитарно-гигиенических навыков, улучшения жилищных условий и техники крестьянской работы», «воспитывать среди своих членов общественное начало: волю, настойчивость, выносливость, решительность».¹ Выполнять все эти задачи сельские активисты-физкультурники должны были не в одиночку, а в сотрудничестве и при непосредственном руководстве работников районных и уездных советов физкультуры.

Не остались в стороне и шефские организации, члены которых неоднократно выезжали в села, станицы и хутора для популяризации физической культуры среди крестьян. В частности, во время упоминавшегося в предшествующих очерках вояжа комсомольцев-физкультурников из Ростова-на-Дону в подшефное село Ильинка в сентябре 1924 г., городская молодежь не только организовала среди деревенских подростков и юношей футбольный матч, но продемонстрировала свои достижения в физкультуре. «И надо было видеть», ликующе писал наблюдавший за этим журналист газеты «Молот», «с каким восторгом и удовлетворением воспринимались крестьянами все без исключения состязания участников нашего кружка, начиная с футбольной игры, финального бега и кончая легкой и тяжелой атлетикой».²

Несмотря на вышеотмеченные мероприятия, в 1920-х гг. были достигнуты относительно скромные результаты в деле распространения физической культуры, как в городе, так и в деревне. Объяснялось это едва ли не полным отсутствием соответствующих традиций, слабостью необходимой материально-техничес-

¹ Внедрение физкультуры в деревне // Молодой ленинец. 1926. 11 апреля.

² Первомайский В. Крепят союз рабочих и крестьян // Молот. 1924. 26 сентября.

кой базы, скудостью государственных средств, и пр. На первых порах, и по всей стране, и на Юге России, физкультурное движение отличалось довольно скромными масштабами.

По содержащимся в источниках сведениям, к началу 1925 г. в Северо-Кавказском крае было учтено всего лишь 4 780 членов физкультурных объединений и кружков, составлявших совершенно ничтожную величину при сравнении с сотнями тысяч молодых жителей края – как селян, так и горожан. Правда, физкультурное движение росло и ширилось, так что уже к осени того же года всего лишь в 5 соответствующих кружках, из десятков существовавших, числилось 8 680 человек.¹ Все же, и эти показатели выглядели более чем скромно, так что партийно-советским работникам приходилось с неудовольствием констатировать: «далеко не вся рабоче-крестьянская молодежь знает, что за птица «физкультура», почему она нужна рабочим и крестьянам, что она дает и как ее применить в рабоче-крестьянском быту».²

Замедленность распространения физкультуры в массах в первые годы существования советской власти выглядела особенно удручающе с учетом гендерных и социально-территориальных диспропорций. В первом случае имеется в виду тот факт, что физкультурниками становились в основном юноши, а не девушки, так как последние были в большей мере скованы нормами традиционной морали, да и предлагавшиеся комплексы упражнений были рассчитаны в основном на представителей сильного пола. Как отмечалось в газете «Молот» в марте 1926 г., «если за все время кропотливой работы удалось много сделать в части организации занятий физическими упражнениями мужской молодежи, то женский молодняк, не говоря уже о взрослых женщинах... пока что лишен соответствующего руководства».³

¹ Жабо В. Физкультуре принадлежит большое будущее // Молот. 1925. 11 ноября.

² Панин Мих. Надо внедрить физкультуру в наш быт // Молот. 1924. 20 сентября.

³ Александрович. Женщина и физкультура // Молот. 1926. 16 марта.

В социально-территориальном плане физкультурное движение было представлено, в подавляющем большинстве, горожанами, но не жителями села. Вряд ли в качестве ведущей причины можно называть крестьянский консерватизм; скорее, сказывалось практически полное отсутствие в деревне условий для занятий спортом. Физкультурные кружки, создававшиеся в городах, при учреждениях и предприятиях, имели возможность обзавестись необходимым спортивным инвентарем и оборудованием для соответствующих помещений. Так, в конце 1920-х гг. в клубе рабочих металлургической промышленности в Ростове-на-Дону физкультурников насчитывалось до 250 человек, и у них имелись условия для занятий боксом, борьбой, баскетболом, волейболом, пинг-понгом, легкой и тяжелой атлетикой, и пр.¹

При этом, несмотря на все условия и возможности, современники отмечали, что даже в городах «физкультурная работа все еще не «вошла» в массы».² Что уж было говорить о доколхозной деревне и, в том числе, о селах и станицах Юга России, где ни о каком спортивном инвентаре не приходилось и мечтать, где ощущалась острейшая нехватка специалистов. Неудивительно, что физкультура не нашла широкого распространения в деревне. Зачастую даже в школе сельские дети занимались не столько физическими упражнениями, сколько обычными играми, такими, например, как чехарда.³ В итоге, представителям власти приходилось признавать, что «нигде так остро не ощущается необходимость правильного понимания физкультуры, как в деревне».⁴

В целом, можно сказать, что, вопреки всем стараниям партийных функционеров, сотрудников советской администрации, сельских активистов, результаты распространения физкультуры в доколхозной деревне были весьма скромными, в том числе и на

¹ В-ич. Физкультура в рабочем клубе // Молот. 1928. 9 февраля.

² Склярский В. Физкультуру – массам // Молот. 1928. 1 февраля.

³ Красная нива. 1925. № 24. С. 556.

⁴ Борьба с физкультурной неграмотностью // Молодой ленинец. 1925. 25 сентября.

Юге России. Соответственно, занятия спортом и физическая подготовка представляли собой очень небольшой сегмент в структуре досуга советского (в частности, донского, кубанского, ставропольского) крестьянства.

Судя по частоте упоминаний в источниках, в 1920-х гг. из всех физических упражнений и спортивных игр сельской молодежи полюбился только футбол. В этом не было ничего удивительного, поскольку в рассматриваемый период времени футбольные баталии лидировали среди других видов спорта по степени интереса со стороны населения и привлечения зрительских симпатий.¹ Современники утверждали, что «в области физической культуры в деревнях прививаются, главным образом, спортивные игры, прежде всего футбол», а вот «массовых гуляний и спортивных праздников мало и в большинстве случаев они превращаются в футбольные соревнования».²

Нередко в прессе даже содержалась критика чрезмерной тяги молодых селян к футболу; неоднократно отмечалось, что они слишком уж увлеклись этой игрой, «забыв совершенно о других видах спорта».³ По той же причине специалисты наставляли работников изб-читален и сельских активистов: «кружок физкультуры, это не кружок футболистов; в кружках необходимо заниматься различными видами упражнений, главным образом – легкой атлетикой».⁴

Для степенных и рассудительных крестьян старшего возраста молодежное увлечение футбольными матчами служило поводом для более жесткой критики. В отличие от партийно-советских работников, взрослых земледельцев абсолютно не волновало неже-

¹ Бутов С.В. Развитие советского футбола в 1921 – 1941 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2007. С. 22.

² Сыркин В. Изба-читальня, как она есть (Статья вторая) // Коммунистическое просвещение. 1927. № 1. С. 81.

³ Панин Мих. Надо внедрить физкультуру в наш быт // Молот. 1924. 20 сентября.

⁴ Жабо В. Физкультуре принадлежит большое будущее // Молот. 1925. 11 ноября.

ление завзятых футболистов заниматься другими видами спорта. Но, им очень сильно не нравилось то, что молодежь за игрой в футбол забывала о хозяйственных заботах и общественных обязанностях: «молодых людей выдвигают [в руководство комитетами общественной взаимопомощи], а им про общественные дела мало дела, мало заботы, и они в хозяйстве не понимают, они гоняют ногами мячи... а хлеб комитетский на поле неубранный стоит».¹ Такой же критике подвергались и комсомольцы, и молодые коммунисты; как писал селькор из станицы Боковской Донского округа Северо-Кавказского края в «Крестьянскую газету» в 1926 г., члены станичных ячеек РКП(б) и РЛКСМ ничего не делают, а «всю прошлую осень играли ежедневно в футбол».²

С критическими замечаниями в адрес деревенских футболистов можно было соглашаться или спорить, но бесспорным является факт превращения футбола в одно из популярных средств досуга сельской молодежи в 1920-х гг., – как по всему СССР, так и на Дону, Кубани, Ставрополье. В то же время, наряду с футболом, немалый интерес у жителей села (в первую очередь, опять-таки у молодежи) вызывали и военно-спортивные мероприятия.

В Советском Союзе, который объявлялся большевистскими агитаторами и пропагандистами (и, воспринимался значительной частью населения) как окруженная враждебными силами капитализма социалистическая крепость, степень милитаризации повседневной жизни изначально была высока. Советские граждане должны были не только улучшать свою физическую подготовку, но и овладевать военным делом, дабы в случае весьма вероятной войны защитить свою Отчизну от агрессоров. Задача военного обучения допризывного контингента была тем более актуальна,

¹ Цит. по: Окуда Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания (1920-е – начало 1930-х гг.) // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы Междунар. науч. конф., г. Москва, 5 – 7 декабря 2008 г. – М., 2011. С. 514.

² РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 580, л. 61.

что в рассматриваемый период времени вооруженные силы Советского Союза строились по территориально-милиционной системе, когда лишь небольшая часть армии была кадровой, а основная масса военнослужащих на протяжении ряда лет проходила краткосрочные (два – три месяца) лагерные сборы.¹ При этом военная подготовка являлась не только непременным компонентом учебного процесса в тех или иных образовательных учреждениях, не только целью деятельности различных общественных объединений (Добролет, Доброхим, Авиахим, Осоавиахим), но и одним из существенных способов проведения свободного времени как в городе, так и в деревне.

Здесь уместно подчеркнуть, что значительная часть мер по осуществлению военно-образовательных мероприятий в советской доколхозной деревне 1920-х гг. возлагалась на уже охарактеризованные нами центры сельского досуга, каковыми являлись избы-читальни. Вышестоящее руководство постоянно напоминало работникам данных учреждений о необходимости проведения оборонной работы: так, на проходившем в марте 1927 г. Первом Всероссийском съезде избачей весьма важным признавалось «содействие обороне страны».² Выполнять поставленную задачу работники изб-читален могли, как подбором соответствующей литературы, так и путем организации военно-спортивных кружков, что достигалось в сотрудничестве с представителями командования воинских частей, демобилизованными красноармейцами,³ а

¹ См.: Берхин И.Б. Военная реформа в СССР 1924 – 1925 гг. – М., 1958. С. 13; Тархова Н.С. Красная Армия и коллективизация советской деревни. 1928 – 1933 гг. Дис. ... докт. ист. наук. – Саратов, 2006. С. 108; Геллер И. Выгоды службы в территориальной Красной армии // Советский пахарь. 1925. 23 февраля.

² Ширямов А. Первый Всероссийский съезд заведующих избами-читальнями // Коммунистическое просвещение. 1927. № 2. С. 17.

³ Члены Донецкого окружкома ВКП(б) Северо-Кавказского края указывали в 1926 г., что в качестве руководителей стрелковых кружков и кружков военных знаний следует привлекать «начальствующий состав запаса и демобилизованных красноармейцев» (ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 68, л. 4). В одной из газетных публикаций содержалось следующее напоминание уходящим в отпуск и демобилизованным военнослужащим: «Организация военных уголков при избах-читальнях и активное руководство ими

также инструкторами и членами вышеуказанных общественных оборонных организаций, – Военно-научного общества (создано в 1920 г., в 1926 г. переименовано в Общество содействия обороне СССР – ОСО), Российского общества добровольного воздушного флота (Добролет, создано в 1923 г.), Общества друзей химической обороны и промышленности (Доброхим, создано в 1924 г.), Авиахима (создан путем слияния Добролета и Доброхима в 1925 г.) и, наконец, Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим, возникшее в 1927 г. путем объединения Авиахима и Общества содействия обороне). Отнюдь не все военно-спортивные кружки в 1920-х гг. создавались и действовали при избах-читальнях, но даже в этом случае многие из них тяготели к отмеченным сельским учреждениям культуры и досуга.

На досуге, просматривая в избе-читальне газеты и журналы, крестьяне узнавали о международном положении, одновременно усваивая политинформацию о врожденной агрессивности капиталистических держав и, напротив, о неизменном миролюбии советского государства. Дабы научить членов военно-спортивных кружков основам умения читать карты и развить у них зачатки стратегического мышления, в 1927 г. специалисты рекомендовали им повесить в своем кружке «карту текущих военных действий. Ведь сейчас в Китае идут военные действия, в империалистических колониях также идет война. Следите за газетами, отмечайте на карте флажками ход военных действий».¹ В журналах печатались и узкоспециальные военные материалы об устройстве оружия и защитного снаряжения. Так, в номерах журнала «Новая деревня» содержались снабженные иллюстрациями и схемами, весьма подробные описания устройства и действия винтовки Мо-

– твоя работа, отпускник!» (Иванов. Отпускник, не забудь военную пропаганду! // Молодой ленинец. 1925. 27 сентября).

¹ Б.П. В поле! // Новая деревня. 1927. № 12. С. 51.

сина (знаменитой «трехлинейки»)¹ и противогаза.² Тем самым, наблюдалась взаимосвязь военного обучения и чтения периодики как одной из практик сельского досуга.

Что касается военно-спортивных кружков и различных военных уголков при избах-читальнях, клубах, народных домах, то, как уже отмечалось выше, обычно они действовали под эгидой тех или иных вышеперечисленных военно-патриотических общественных организаций. С 1927 г. монополистом в данной сфере стал Осоавиахим, инструкторы и активисты которого создавали военно-спортивные ячейки, как в городе, так и на селе.

В ряде случаев, сельские кружки различных общественных военно-патриотических объединений (впоследствии – Осоавиахима) могли достигать довольно заметной численности. Так, к началу 1928 г. на базе комсомольской ячейки станицы Уманской Павловского района Кубанского округа Северо-Кавказского края был создан отряд осоавиахимовцев численностью 180 человек, члены которого поставили «себе задачу: изучить военное дело, уметь владеть винтовкой».³

В целом, однако, удельный вес членов различных военно-спортивных кружков в массе сельского населения был невысок. Например, в марте 1926 г. в газете «Молот» были помещены восторженные отзывы о том, что в Белореченском районе Майкопского округа Северо-Кавказского края «интерес к обществу Авиахим среди крестьянства настолько большой, что записываются в члены целыми хуторами». Однако, результаты этих «записей целыми хуторами» не очень-то впечатляли. По материалам газеты, на 50 тыс. жителей района приходилось 2 200 членов Авиахима.⁴ То есть, доля последних в населении района составляла лишь 4,4 % (следует добавить, что, согласно Всесоюзной

¹ Простосинский Б. Винтовка образца 1891 года // Новая деревня. 1927. № 20. С. 55.

² Простосинский Б. Современный противогаз // Новая деревня. 1927. № 24. С. 40.

³ М. В гуще населения // Молот. 1928. 18 февраля.

⁴ Отовсюду // Молот. 1926. 27 марта.

переписи населения, в Белореченском районе проживало не 50 тыс., а около 61,6 тыс. человек¹ и, значит, удельный вес членов Авиахима был еще ниже). По имеющимся данным, в 1927 г. по всему Северо-Кавказскому краю ячейками Осоавиахима было охвачено лишь 2,4 % населения.² Соответственно, военно-спортивные занятия, – как по всему Советскому Союзу, так и на Юге России, – представляли собой форму досуга для очень небольшой части сельского населения. Прежде всего, их адептами были молодые люди.

Как и в случае со спортивными занятиями, среди которых бесспорным фаворитом выступал футбол, в процессе военного обучения выделялся собственный лидер, каковым стала стрельба из винтовки, – основного оружия пехоты в рассматриваемый период времени. Специалисты даже возмущались тем, что «в большинстве случаев военизация ограничивается лишь обучением стрельбе, да и это обучение сплошь и рядом ведется бессистемно и беспорядочно». На самом же деле, указывали они, «вопросы военизации не исчерпываются распространением только стрелкового спорта среди занимающихся в физкультуркружках. Нужно во всю практику кружковой работы внедрить упражнения военно-прикладного характера».³

Однако, представители воинских частей, инструкторы военно-патриотических обществ, руководители и активисты военно-спортивных кружков уделяли основное внимание именно стрелковому спорту. Во-первых, подобные мероприятия было легче всего организовать (хотя, нередко, винтовок не хватало⁴) и, во-

¹ Казачество Северо-Кавказского края. С. 5.

² Конкурс на лучшего стрелка // Молот. 1928. 12 февраля.

³ Склярский В. Физкультуру – массам // Молот. 1928. 1 февраля.

⁴ В прессе содержатся утверждения, что «большинство кружков не имеет приличного оружия. Встречаются кружки с одной, максимум, двумя, винтовками на 40 – 50 человек. В результате от непрерывного, а подчас и небрежного употребления, оружие приводится в негодность» (Участник. Стрелковое дело не на высоте // Молот. 1928. 18 февраля).

вторых, стрельба гораздо больше нравилась молодежи, чем, скажем, утомительные тренировки с противогазами. Учитывая предпочтения молодых жителей села, энтузиасты военизации и предпочитали развивать в деревне стрелковый спорт.

Так, весной 1926 г. Донецкий окружком ВКП(б) Северо-Кавказского края разослал всем райкомам компартии циркулярное письмо, в котором уведомлял, что в районах расположения территориального полка создаются межведомственные комиссии для руководства работой среди красноармейцев переменного состава (то есть, призывников и военнослужащих территориальных частей). В числе их задач была указана и такая, как «способствование развитию спорта, особенно тех его видов, которые позволяют вырабатывать отдельные качества бойца (стрелковый спорт и др.)». Члены Донецкого окружкома специально подчеркивали, что «в летнее время крестьянство занято полевыми работами» и, дабы «привлечь в военные уголки красноармейцев и допризывников, потребуется применить такие формы и методы работы, которые смогли бы их заинтересовать. В этом случае нужно в первую очередь добиться организации стрелковых кружков и снабжению их ружьями и стрелковыми приборами».¹ Интерес к стрельбе подпитывался тем, что на Юге России (как, впрочем, и по всей стране) неоднократно устраивались соревнования разных уровней на самого искусного снайпера. В частности, в Северо-Кавказском крае в честь десятилетнего юбилея Рабоче-крестьянской Красной армии проходил конкурс на лучшего стрелка и лучшую стрелковую ячейку.²

Если по каким-либо причинам организовать военный кружок в конкретном сельском населенном пункте не удавалось, это не означало, что его жители были навсегда лишены возможности пострелять на досуге. Выход из ситуации заключался в создании

¹ ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 68, л. 4.

² Конкурс на лучшего стрелка // Молот. 1928. 12 февраля.

передвижных тиров. Например, в 1928 г., в преддверии праздника 23 февраля, в Северо-Кавказском крае была устроена «неделя обороны», в рамках которой наблюдалась активизация деятельности соответствующих учреждений. Члены Тихорецкой организации Осоавиахима отличились тем, что «ездили с передвижным тиром и противогазами даже по окрестным станицам».¹

Иной раз в прессе встречаются рекомендации по максимально возможному превращению военного обучения в средство городского и сельского досуга. Чрезвычайно показательна следующая рекомендация, помещенная неким «Б.П.» в журнале «Новая деревня» в 1927 г.: «взять, например, простую прогулку в поле, в лес, на реку. Разве нельзя сделать такую прогулку военной? Конечно, можно! Рассчитайте расстояние до конечной цели прогулки, будь это опушка леса, река, место богатое ягодами или грибами. Идите к этому месту походным порядком. Постройте членов прогулки по-военному. Вышлите дозор, а когда местность будет интересная - проведите показательное наступление на предполагаемого противника. По дороге можно выбирать позиции и занимать их, как в настоящем бою. Используйте каждую прогулку для того, чтобы упражнять глазомер в определении расстояний до тех или иных местных предметов. Очень интересно и занимательно проводить двусторонние занятия... Для этого надо разбить ячейку [Осоавиахима] на две группы. Первая группа уйдет немного раньше и займет определенную позицию. Вторая группа, конечно, не должна знать о поджидающей ее опасности. Вторая группа движется со всеми мерами разведки и охранения. Обнаружит или не обнаружит она «врага»?»²

Как видим, физкультура и военно-спортивные мероприятия стали частью сельского досуга в 1920-х гг. в советской (в том числе, южно-российской) деревне, хотя об их широком распро-

¹ М. В гуще населения // Молот. 1928. 18 февраля.

² Б.П. В поле! // Новая деревня. 1927. № 12. С. 50.

странении говорить не приходится. Еще одним средством праздного времяпрепровождения крестьянства, также не отличавшимся сколь-нибудь заметными масштабами в рассматриваемое время, стал отдых в санатории или на курорте.

Необходимо отметить, что мероприятия по предоставлению крестьянам права и возможности санаторно-курортного отдыха и лечения имели для партийно-советского руководства СССР отчетливо выраженный социально-политический смысл. Дело в том, что, хотя большевики одержали в Гражданской войне убедительную победу, по ее окончании задача формирования и укрепления социальной базы созданного ими политического режима никоим образом не утратила актуальности. Ведь, на закате «военного коммунизма», да и в период нэпа, градус пробольшевистских настроений советского общества был не столь уж и высок: значительная часть крестьянства и даже пролетариата высказывала недовольство тем, что повседневная действительность в «первом в мире государстве трудящихся» имеет мало общего с благостными заявлениями коммунистических лидеров. Крестьяне жаловались на высокие налоги, низкие закупочные цены на производимые ими сельхозпродукты и дороговизну промышленных товаров, рабочие возмущались неудовлетворительными материально-бытовыми условиями. Особенную же ярость и пролетариев, и земледельцев вызывали явные нарушения провозглашенных большевиками принципов равенства и социальной справедливости: обогащение предпринимателей-«нэпманов» в городе и «кулаков» в деревне, неумолимая бюрократизация партаппарата, складывание новых привилегированных слоев из числа партийных функционеров и советских чиновников.

Разумеется, в сложных социально-экономических и политических условиях 1920-х гг. лидеры компартии не могли одним махом разрубить завязавшийся в Советской России тугой узел проблем. С тем большей активностью большевики вели агитацию

и пропаганду собственных достижений (и, одновременно – порицание досоветских порядков), а также осуществляли разного рода меры, призванные доказать, что жизнь «простого человека» в созданном ими государстве все-таки улучшилась. Одной из таких мер стало курортное строительство и обеспечение санаторно-курортным лечением как можно более широких кругов пролетариата и крестьянства в РСФСР и СССР.

По словам народного комиссара здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко, «курорты, пожалуй, лучше, чем что-либо другое, символизируют рабочему и крестьянину реализацию нашего лозунга: «кто был ничем» в царстве эксплуатации, «тот стал всем» в царстве труда».¹ Ведь, как говорил заместитель заведующего Донского окружного здравотдела Любимый в ноябре 1925 г., «при царе курорты были доступны лишь крупной буржуазии и помещикам. Советская власть открыла доступ на курорты широким массам трудящихся, рабочим, крестьянам и казакам».²

Советские деятели были совершенно правы, и здесь ничего прибавить, ни убавить нельзя. Как бы напыщенно это ни звучало, но, действительно: только в результате установления советской власти представители широких трудящихся слоев российского общества получили право побывать на курорте, о котором они и мечтать не могли до 1917 г. Большевики старались подкрепить делом заявления о том, что «крестьянин из деревни и рабочий с фабрики или завода раньше и мечтать не могли о курортном лечении, теперь же главная цель наших курортов – обслужить возможно полнее и в первую очередь именно эти группы трудящихся».³ Уже в декабре 1920 г. был издан декрет за подписью В.И. Ленина «Об использовании Крыма для лечения трудящихся», в котором заявлялось, что «дворцы бывших царей и великих

¹ Семашко А.Н. Курорты и борьба за новую культуру // Красная нива. 1929. № 20. С. 2.

² 1-й профилактический съезд // Молот. 1925. 15 ноября.

³ Егоров Н. Что надо знать едущим на курорты? // Красная нива. 1929. № 20. С. 19.

князей должны быть использованы под санатории и здравницы рабочих и крестьян».

Тем самым, сельские жители отныне могли проводить свой досуг не только в родных деревнях, селах, станицах, но и на курортах. Казалось бы, наиболее широкие перспективы открывались перед земледельцами Юга России как региона, в котором концентрация курортов и санаториев была одной из наиболее высоких по Советскому Союзу. Не случайно в 1927 г. секретарь Терского окружкома ВКП(б) Северо-Кавказского края Крайнев называл подчиненный ему округ «курортным».¹

Правда, предоставленное народу революцией право отдыхать и лечиться на курортах и в санаториях вовсе не сразу стало возможностью, которой можно было воспользоваться. После ожесточенных междоусобных боев 1917 – 1922 гг. здравницы и лечебницы лежали в руинах. Тот же Семашко констатировал, что во время Гражданской войны, «как на зло, все курортные местности» оказались «в районах ожесточенных боев – на юге, в Поволжье (кумысы), на Кавказе». Поэтому «в лучших водолечебницах на Кавказе стояли лошади белых армий. Красивейшая во всей Европе Ессентукская грязелечебница, новенькое, только перед войной законченное здание, представляло собой храмину с продырявленной крышей, развороченными стенами: снег падал прямо на новенький, красивыми плитками устланный пол; целые болота воды стояли во всей грязелечебнице; вся техническая аппаратура была разграблена по гайкам и по винтикам; дорогие стекла все выломаны». Масштабы разрушений были громадны, так что крайне сложной представлялась «задача залечить эти не раны, а развороченные места живого мяса».²

Поскольку разрушенные курорты практически не могли функционировать, первоочередной задачей после Гражданской

¹ ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 24, л. 8.

² Семашко А.Н. Курорты и борьба за новую культуру // Красная нива. 1929. № 20. С. 2.

войны являлось не налаживание их работы, а элементарное восстановление. При этом большевики преследовали не только задачи реанимации курортной базы, но и переориентации ее деятельности в соответствии с проводимой ими социальной политикой. «Строить советские курорты», строго замечал Семашко, «вовсе не значит обезьянничать с буржуазных»,¹ потому что здравницы социалистического государства предназначались отнюдь не для узкого круга избранных нуворишей или власть предержащих, а для широких слоев трудящихся.

Все же, хотя по мере восстановления курортов они и в самом деле стали целенаправленно заполняться представителями трудового населения, это относилось в первую очередь к рабочим и служащим, но не крестьянам. Вместимость курортов была ограниченной и, с учетом ведущего вектора социальной политики большевиков (ориентированной на поддержку городского пролетариата), заполнялись они горожанами, но не селянами.

Социальные диспропорции при подборе курортников вызывали вполне понятную негативную реакцию земледельцев и, хотя вопросы лечения не являлись для них сколь-нибудь заметными, они накладывались на массу других раздражителей (таких, например, как налогово-заготовительная политика большевиков) и усиливали недовольство советских хлеборобов. Все это не могло не беспокоить лидеров компартии, предпринявших определенные шаги по сглаживанию явных диспропорций в представительстве крестьян и рабочих на курортах и в санаториях Советской России в 1920-х гг. Осуществлялись меры по увеличению процента крестьян в здравницах и, более того, было решено создать специальные крестьянские курорты.

Для того чтобы на курорте или в санатории оказалось больше крестьян, мало было просто выделить им соответствующее количество мест и разослать приглашения. Дефицит материальных

¹ Там же. С. 2.

средств не позволял аграриям воспользоваться возможностью отдохнуть и подлечиться, даже если она была им предоставлена. Если лечение рабочих на курорте оплачивали профсоюзы, то крестьяне были лишены подобной же организации (а всякие попытки создать нечто подобное натывались на жесткое противодействие коммунистов, не без основания опасавшихся, что «крестьянские союзы» могут превратиться в самостоятельных игроков на политическом поле). Да, собственно, и для рабочих бесплатные места были ограничены.¹

В этих условиях, государство великодушно взяло на себя все расходы. Как отмечалось в одной из журнальных публикаций, «крестьяне для получения бесплатного места на курорте должны обращаться через участкового врача в уездный отдел здравоохранения. За счет государства на курорты направляются исключительно больные крестьяне от сохи, отнюдь не сельские служащие, причем предпочтение отдается тем из них, которые были под длительным врачебным наблюдением. Крестьяне получают не только бесплатную койку, содержание и лечение на курорте и бесплатный проезд туда и обратно, но снабжаются также и суточными на дорогу. Все бесплатные крестьянские койки Наркомздрав распределяет по губздравам, которые в свою очередь распределяют их по уздавам, а уздравы совместно с крестьянскими комитетами взаимопомощи устанавливают — кого из крестьян, в зависимости от социального положения и состояния здоровья, следует послать на курорт в первую очередь».² Впрочем, даже если сельский житель желал отправиться на курорт за свой счет, ему все равно следовало «пройти через отборочно-курортную

¹ Так, в преддверии летнего курортного сезона 1926 г. управление Кавказских Минеральных Вод предполагало, что бесплатное лечение будет предоставляться рабочим, служащим и крестьянам в рамках ограниченного времени: в самом начале сезона, с 15 по 30 мая, и в конце, начиная с 1 сентября (Бесплатное лечение на курортах // Молот. 1926. 30 марта).

² Егоров Н. Что надо знать едущим на курорты? // Красная нива. 1929. № 20. С. 19.

комиссию и, получив от нее курортную карту», обратиться в Главное курортное управление по адресу: Москва, Малый Черкасский пер., д. 2. Купить «койку на курорте» такой сельский олигарх мог лишь в том случае, если получал «добро» от сотрудников указанного управления.¹

Вышеописанный порядок направления земледельцев в места отдыха и лечения выглядит четким, продуманным и логичным. Однако, количество вакансий для крестьян на курортах и в санаториях было невелико, так что, по существу, очередь нуждающихся в лечении практически стояла на месте. Работники здравоотделов на Юге России пытались оптимизировать ситуацию путем эксплуатации региональных домов отдыха,² но и эти меры имели весьма ограниченный эффект.

В дополнение к существующему порядку курортного лечения хлеборобов, советское правительство приняло решение об организации специального крестьянского курорта, обслуживавшего только обозначенную социальную группу. Отмеченная инициатива вряд ли была способна кардинально изменить ситуацию в сфере санаторно-курортного лечения земледельцев (ведь, наполняемость даже специальных здравниц была не столь уж и высокой, как будет показано далее), зато ее пропагандистское значение нельзя недооценивать. Эта, как ныне принято выражаться, пиар-акция призвана была продемонстрировать крестьянам внимание и заботу со стороны большевиков и, следовательно, укрепить ответные добрые чувства аграриев.

¹ Как крестьянину попасть на курорт // Новая деревня. 1927. № 18. С. 58.

² Уже поименованный замзав Донздравотдела Любимый предлагал в ноябре 1925 г. «использовать по преимуществу курортные места Донского округа. Для отдельных, исключительных больных, соответственно медиц.[инским] показаниям, следует забронировать койки на дальних курортах. Некоторое число мест должно быть предоставлено в Новочеркасском туб.[еркулезном] санатории для крестьян, больных туберкулезом. Курортный сезон надо выбирать с таким расчетом, чтобы это не было связано со страдной порой, когда каждый день кормит земледельца год» (1-й профилактический съезд // Молот. 1925. 15 ноября).

Крестьянский курорт планировалось открыть в Крыму, в Ливадии, в бывшей царской резиденции, что, конечно, нельзя было не признать глубоко символичным: дворец передан народу, как о том заявляла советская власть (по всей видимости, указанный символизм в некоей мере предопределил именно выбор Ливадии). Постановлением Совнаркома РСФСР от 12 декабря 1924 г. предусматривалась передача Ливадии в ведение Наркомата здравоохранения с последующей организацией здесь бесплатного крестьянского курорта на 300 койко-мест. 20 февраля 1925 г. Совнарком РСФСР постановил увеличить емкость Ливадийского санатория до 500 коек, выделив для ремонта зданий и переоборудования их под здравницу 50 тыс. руб.

На этом забота властей об устройстве крестьянского курорта не закончилась. На апрельском (1925 г.) пленуме ЦК РКП(б) председательствующий Л.Б. Каменев предложил «принять постановление об ассигновании миллиона или пары миллионов (это будет зависеть от съезда) на крестьянские курорты... Во всяком случае, я считаю, что какую[-]нибудь ассигновку для крестьян в области курортов сделать необходимо». На поступившее от Каменева предложение присутствовавший на пленуме член ЦК компартии Украины В.Я. Чубарь возразил, что «лучше снизить налог», это будет с большей благосклонностью воспринято практичными по натуре крестьянами. Каменев, однако, твердо отстаивал свою точку зрения («нет, я не согласен[,] совсем не лучше снижать налог»), справедливо заметив, что «сколько бы не снижали налог, все равно крестьяне будут указывать пальцем, что рабочие ездят лечиться на курорты, а крестьяне не ездят. Тут вопрос политический, и необходимо пойти на встречу крестьянам».¹ В итоге, представители партийной верхушки пришли к выводу о необходимости увеличения дотаций на курортное лечение крестьян. Разумеется, состоявшийся в мае того же года XII

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 172, л. 5 – 6.

Всероссийский съезд Советов продублировал решения партийного форума и принял постановление о «расширить курортную помощь крестьянам».

Ливадийский крестьянский курорт, первым директором которого стал С.И. Кащенко (однофамилец известного российского психиатра), был подготовлен к приему больных в кратчайшие сроки: уже весной 1925 г. открылись корпуса для проживания больных, водолечебница, лаборатории, и пр. Поступления больных на курорт ждали также весной. Контингент следовало формировать в соответствии с циркулярными указаниями Наркомздрава «О способе отбора больных крестьян для лечения на курортах», разосланных на места. Здесь подчеркивалось, что в Ливадию следует направлять «исключительно крестьян от сохи». В самом конце апреля 1925 г. в Ливадию приехали первые 10 больных крестьян, а к 20 мая здесь было уже 262 недужных хлебороба из 30 областей и 7 союзных и автономных республик СССР.

Торжественное же открытие санатория состоялось 28 июня 1925 г. и проходило в соответствии с отработанным к тому времени коммунистическим ритуалом. Бывший дворец, превращенный в санаторий, украсили красными флагами и цветами, был устроен митинг, на котором присутствовали как лечившиеся в Ливадии крестьяне, так и все окрестные отдыхающие, и местные жители. В президиуме, заседавшем на одной из террас дворца, находился лично Н.А. Семашко, поэт Демьян Бедный, представители ВЦИК и Совнаркома, и т.д. Как само торжество, так и возможность подлечиться в бывшем царском дворце сильнейшим образом подействовали на сознание крестьян. Семашко позже вспоминал: «мы сидели за столом президиума на террасе Ливадийского дворца», видя перед собой сотни больных, пришедших на торжество. «И вдруг раздается сигнал автомобиля. В середине торжества привезли новую партию больных крестьян. Они сошли с автомобиля бледные, измученные, с растрепанными головами и

нечесаными бородами... Толпа наших гостей стала горячо аплодировать приехавшим, а близ стоявшие стали вынимать прибывших и высоко качать. Надо было видеть лица у взлетающих вверх бородачей. Один из них крестился; другие цеплялись за руки, а некоторые тоже принялись хлопать в ладоши. Я посмотрел на выражение их лиц и поспешил сбежать с трибуны, чтобы прекратить этот восторженный прием: я боялся, что приехавшие сойдут с ума от своих впечатлений. И, по-видимому, я поступил предусмотрительно: несколько человек, ставши на землю, как-то странно заливались смехом, хлопали руками, хотя все перестали уже аплодировать».¹

В основном, поступавшие в Ливадию крестьяне были больны туберкулезом: целебный воздух Крыма должен был им помочь в борьбе с болезнью. Персонал санатория подвергал вновь прибывших обязательной санобработке: их вели «стричься, бриться, мыться и переодеваться».² Как свидетельствуют сохранившиеся фотографии, на курорте бывшие бородачи ходили гладко выбритыми, а нередко и стриженными налысо.³ Больные бесплатно получали чистую постель, белье, питание, не говоря уже о собственном лечении. Обычно период пребывания на курорте составлял шесть недель, но нередко его продлевали с целью закрепления достигнутых результатов.

Помимо лечения, в санатории проводилась культурная, образовательная, пропагандистская работа: устраивались лекции, чтения газет, работали читальни и кружки по ликвидации неграмотности. Можно было поиграть в шахматы, домино и другие игры. Как отмечалось в прессе, в библиотеке Ливадии насчитывалось 4 тыс. книг, в которых «лучшие литературные силы освещают хозяйственные, политические и бытовые вопросы... В прекрасно

¹ Семашко А.Н. Курорты и борьба за новую культуру // Красная нива. 1929. № 20. С. 3.

² Там же, С. 3.

³ Красная нива. 1925. № 29. С. 670.

оборудованном сельскохозяйственном музее объяснения агронома кажутся особенно убедительными... С крестьянками – своя работа. Опытные руководительницы учат их кройке, шитью, рукоделию. Женщина-врач объясняет, как ухаживать за ребенком, предохранить его от заразных болезней, как сохранить и укрепить свое здоровье... Два месяца лечения проходят, как сон».¹

Хлеборобам предоставлялась возможность заниматься физическим трудом, без чего они, привыкшие к вечным заботам по хозяйству, чувствовали себя не в своей тарелке (налицо была угнетенность психики, что не лучшим образом сказывалось на общем самочувствии). Например, на фото запечатлены моменты, когда лечившиеся в Ливадии крестьянки работают в цветнике.²

Добавим, что курорты оказывали благотворное влияние не только на лечившихся в них крестьян, но и на окрестное сельское население. В последнем случае имеется в виду тот факт, что хлеборобы, жившие возле курорта, получали неплохие доходы от продажи отдыхающим и администрации санаториев овощей и фруктов, от занятий извозом, и т.п. Как писал один из советских журналистов о грязелечебном курорте Солониха на Северной Двине, местные крестьяне «разбогатели от курортников, позастроились. Теперь у крестьян под рукой и доктор, и аптека, и курортник – потребитель меда, молока, ягод и свежей рыбы. Некоторые местные крестьяне стали жить извозом, доставляя на курорт с пристани больных и едущих к ним знакомых».³

В социально-политическом плане лечение крестьян на курортах и в санаториях, как и рассчитывали большевики, в определенной мере содействовало укреплению прокоммунистических симпатий в доколхозной деревне. Курорт оказывал на сознание и настроения простых хлеборобов сильнейшее воздействие: «кре-

¹ Забелин Д.М. Здравница пахаря // Крестьянская газета. 1928. 20 июля.

² Красная нива. 1925. № 29. С. 670.

³ Зингер М. Курорт Солониха // Красная нива. 1929. № 20. С. 14.

стьянин, который часто и своего губернского города во всю жизнь не видал, мчится в поезде за тысячи верст, смотрит на новую, невиданную им жизнь, слезает в Крыму, с его морем, горами, с новой фауной и флорой, и живет не в курной избушке вместе с овцами, телятами, поросятами, а в царском дворце, спит не на грязном «зипуне», а на чистом белье мягких кроватей, питается так, как об этом и не мечтал».¹

Один из побывавших на курорте крестьян написал восторженное письмо в «Крестьянскую газету», обширную выдержку из которого мы считаем необходимым процитировать: «когда я был в восхищении представлен к воротам этого рая (курорта – *авт.*), грязный, оборванный, грешный, от сохи крестьянин, то мне представилась следующая картина: ко мне откуда-то явился Ангел в чистой белой одежде и повел меня по мытарствам, которые мне неминуемо было пройти, как грешнику бедноты. И вот первое мытарство: с моей головы остригли начисто волосы и потом обобрывали мне бороду, и я во всем подчинялся. После этого другой Ангел повел меня в теплое и светлое помещение, где мне дано было мыло и какое-то мягкое вещество, и мне было сказано чисто умыться под фонтаном чистой теплой воды, и я подчинялся, после чего мне показалось очень хорошо и приятно. Пройдя это мытарство, передо мной явилась чистая, белая и красивая Ангельша, которая повелела мне следовать за ней, и я подчинялся. Она привела меня в чистое и светлое помещение, где мне было уготовано место покоя... О чудо, как я крепко и сладко спал в такой мягкой постели!». ² Далее в письме в таком же восторженном тоне повествовалось о процессе лечения.

В прессе справедливо указывалось, что курорты оказывают на жизнь крестьян многообразное и, самое главное, позитивное,

¹ Семашко А.Н. Курорты и борьба за новую культуру // Красная нива. 1929. № 20. С. 2.

² Цит. по: Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история (г. Москва). Ежегодник. 1997. – М., 1998. С. 304.

влияние: «путешествие на курорты для крестьянина, да и для рабочего – наглядный урок политграмоты; пребывание на курорты – школа гигиены [и] санитарной культуры; те навыки культурной жизни, которые крестьянин и рабочий получают на курортах, не скоро забудутся ими и по возможности (конечно, далеко не полностью) будут применяться ими в их быту».¹ Разумеется, самым важным для партийно-советского руководства представлялось именно политическое значение курортов.

Как отмечал Семашко в 1925 г., «из описаний, статей и речей нельзя составить себе точного представления о политическом значении этого дела. Лучшее средство для этого – поговорить с самими крестьянами. Вот когда видишь самих крестьян в этой новой обстановке, когда слышишь их бесхитростные речи – как в их собственном сознании преломляется это событие – тогда только начинаешь понимать и оценивать его. Крестьянские курорты за одно лето разошлют тысячи агитаторов по самым отдаленным уголкам Союза, которые будут в письмах, в беседах на завалинке у избы, на сходах, в трактирах, всюду и везде, рассказывать о солнечной, красивой, чистой жизни и славословить советскую власть».² В другой своей статье нарком здравоохранения утверждал: «в первые годы существования крестьянского курорта (теперь поездки крестьян на курорты стали уже «бытовым явлением»), каждый возвратившийся с курорта являлся каким-то былинным сказителем для окрестного населения: чтобы послушать «курортника», крестьяне собирались издалека, и на скамеечке у сельсовета шли рассказы и расспросы, что такое курорты и как крестьяне живут в царском дворце. Кто далеко стоит от курортного дела, тот и не знает, что вокруг курортов и в особенности вокруг Ливадийского дворца стали складываться у крестьян целые легенды».³

¹ Семашко А.Н. Курорты и борьба за новую культуру // Красная нива. 1929. № 20. С. 2.

² Семашко Н.А. Итоги курортного сезона // Красная нива. 1925. № 36. С. 854.

³ Семашко А.Н. Курорты и борьба за новую культуру // Красная нива. 1929. № 20. С. 2.

Вряд ли возможно оспаривать такого рода утверждения: действительно, курорты служили для земледельцев Советской России наглядным подтверждением усиленно навязываемого им тезиса о неустанной заботе «партии и правительства» о трудящихся. Вместе с тем, нельзя и преувеличивать социально-политический эффект курортов и санаториев в жизни деревни. Несмотря на все усилия большевиков, в 1920-х гг. попасть на курорты могли весьма немногие жители села, так что основная масса воспринимала рассказы об этих здравницах именно как легенды, а не быль. Исправить положение могло бы строительство новых крестьянских курортов и увеличение приема хлеборобов в иные здравницы. Но этого, в силу дефицита ресурсов, советское правительство сделать не могло.

Безусловно, определенные позитивные сдвиги в курортном строительстве в Советском Союзе на протяжении 1920-х гг. были налицо. Во второй половине рассматриваемого десятилетия советские журналисты бодро утверждали: «курорты СССР с каждым годом делаются все более доступными для трудящихся. Из года в год растет число коек в курортных санаториях и общежитиях, увеличивается жилплощадь в гостиницах, на курортных дачах. Трудящиеся получают различные льготы в виде постепенного снижения стоимости курортных коек, в виде рассрочки при оплате курортных мест, а в некоторых случаях и в виде кредита».¹ В частности, 1 февраля 1928 г. сообщалось, что курорты Северного Кавказа готовятся к новому сезону, сеть их расширяется и совершенствуется. Вместо прошлогодних пяти санаториев в 1928 г. в Мацесте будет их шесть: здесь строится новый «отель-санаторий», на постройку которого отпущено 600 тыс. руб., и она должна завершиться к 1 мая текущего года. Пропускная способность мацестинских ванн увеличивается: сейчас там строится 10 новых ванн, в 1929 г. будет построено еще 10. Кроме того, «ве-

¹ Егоров Н. Что надо знать едущим на курорты? // Красная нива. 1929. № 20. С. 19.

дуются работы по сооружению стадиона. Впервые в Сочи организуется лечебный пляж».¹

Однако, масштабы позитивных изменений в области курортного строительства и санаторно-курортного лечения были слишком скромны, чтобы удовлетворить нужды всего населения Советского Союза и, в частности, крестьянства Дона, Кубани, Ставрополья. Даже в конце 1920-х гг. в прессе содержались печальные признания в том, что «в наше время колоссальнейших затрат правительства на поднятие сельского хозяйства, на индустриализацию, на исключительные по объему культурные потребности населения не представляется пока возможным отправлять на курорты всех нуждающихся в курортном лечении и отдыхе. И не только утомленные и надорванные работой рабочий от станка, крестьянин от сохи и служащий от конторки не могут в настоящее время устроиться на курорт за счет государства, но далеко еще не всякий больной, безоговорочно нуждающийся в курортном лечении, сможет получить государственную курортную койку».²

К исходу 1920-х гг., как и в начале указанного десятилетия, крестьяне по-прежнему отправлялись на курорты лишь в последнюю очередь, после обеспечения путевками рабочих, служащих, представителей партийной номенклатуры и советской администрации. Даже на Юге России и Северном Кавказе, где располагались многие известные в СССР курорты, местные хлеборобы почти не пользовались их услугами. В частности, в конце 1920-х гг. руководство Терского округа Северо-Кавказского края сухо указывало, что «в санаториях лечится чуждый элемент, а крестьян [там] нет»,³ «в отношении курортов мало дают мест в санаторий, и дают только за дорогую цену».⁴

¹ Сочи – Мацеста // Молот (г. Ростов-на-Дону). 1928. 1 февраля.

² Егоров Н. Что надо знать едущим на курорты? // Красная нива. 1929. № 20. С. 19.

³ ГАНИ СК, ф. 5938, оп. 1, д. 31, л. 106.

⁴ Там же, л. 106.

Так же было и по всей России, да и по всему СССР. Семашко признавал в 1929 г.: «мы сейчас в состоянии отпускать лишь 1 млн. [руб.] в год на курорты для крестьян. Это, конечно, очень скромно для 100-миллионного крестьянского населения».¹ Процент проходивших лечение земледельцев, по признанию наркома здравоохранения РСФСР, был ничтожен из-за малой вместимости курортов и санаториев: «как можно тысячью крестьянских коек удовлетворить нужды стомиллионного крестьянского населения?»² Вопрос этот, конечно, был риторическим.

В целом, представляется возможным констатировать, что на протяжении 1920-х гг. такие новые средства крестьянского досуга, как спорт и курортный отдых, получили некоторое, хотя и отнюдь не широкое, распространение в южно-российской деревне. Наиболее популярным среди спортивных игр являлся футбол, за которым сельская молодежь нередко буквально забывала обо всем на свете. В то же время, с точки зрения представителей власти, наибольшей важностью обладало военное обучение, являвшееся одновременно и одной из практик досуга. Что касается санаториев и курортов, то их функционирование преследовало не только узко-практические задачи обеспечения досуга (и, конечно, исцеления больных граждан СССР), но еще и цель укрепления социальной базы большевистского режима. В соответствии с классовой доктриной большевиков, курорты и санатории были закрыты для представителей эксплуататорских классов и «социально-чуждых» элементов, но радушно распахивали двери для рабочих, служащих, крестьян. Лидеры компартии старались увеличить численность крестьян на курортах и в санаториях путем расширения вместимости таковых и путем создания специальных крестьянских здравниц. Результатом подобных мер должно было стать не только улучшение здоровья сельского населения, но и

¹ Семашко А.Н. Курорты и борьба за новую культуру // Красная нива. 1929. № 20. С. 2.

² Там же, С. 2.

усиление его симпатий к советской власти и коммунистам как политической силе, претендующей на монопольное обладание властью в СССР. Однако дефицит средств не позволял большевикам охватить санаторно-курортным лечением сколь-нибудь заметные по численности группы российских земледельцев, в связи с чем советские здравницы не стали полноценным средством досуга крестьянства (в том числе, южно-российского), а их социально-политическое значение было весьма скромным.

Очерк шестой

Социальные девиации

в сфере досуга донских, кубанских, ставропольских крестьян в эпоху нэпа

Бурные времена революционных потрясений и Гражданской войны 1917 – 1922 гг. в России имели своим результатом не только радикальные изменения социально-экономического и общественно-политического устройства, но и чудовищную разруху, громадные людские жертвы, сильнейшую деформацию морали и нравственности, а также широкое распространение разного рода социальных девиаций, – от преступности до алкоголизма и наркомании. Представляя собой негативные, но неотъемлемые черты советской повседневности 1920-х гг., эти девиации неизбежно присутствовали и в сфере как сельского, так и городского досуга. Поэтому, в рамках настоящего очерка мы предприняли попытку осветить такие, наиболее заметные и отталкивающие, ненормальные явления в области деревенского досуга на Дону, Кубани и Ставрополье в эпоху нэпа, как безудержное пьянство и хулиганство.

Нет совершенно никакого секрета в том, что алкоголь был и остается важным элементом праздного времяпрепровождения у самых разных народов, всевозможных социальных и профессиональных групп, от высшей аристократии до откровенных маргиналов, от представителей творческой интеллигенции до обычных батраков. Безусловно, столь широкое распространение употребления алкогольных напитков объясняется как сходными условиями представителей одних и тех же социально-профессиональных групп в разных странах, так и известным значением этих напитков как социальных антидепрессантов. Как говорил член Президиума ЦКК А.А. Сольц на собрании юнкоры газеты «Молодой ленинец» 24 апреля 1926 г., «стремление пить у людей появляется от скучной жизни. Алкоголь делает жизнь легче. Отсюда стремление – вы-

пить и забыться».¹ Или, скажем, пьянство рабочих, – английских, германских, российских и т.д., – в значительной мере было обусловлено именно тем, что «их организм, ослабленный продолжительной работой, скудным питанием и спертым воздухом на фабрике, чувствовал потребность в каком-то возбуждающем средстве. Водка не только возбуждала, но и была источником веселья – ведь других развлечений у них не было. Кроме того, водка заглушала сознание горькой нужды, давала забвение тяжелой жизни и подавляла страх за завтрашний день, когда по капризу хозяина их могли выбросить на улицу».²

Крестьяне, вне зависимости от конкретной исторической эпохи и от того, в каких государствах они жили и к каким народам принадлежали, также рассматривали алкоголь в качестве одного из самых эффективных средств, позволяющих отдохнуть от повседневных забот. В данном случае, наилучшее из известных нам описаний отношения земледельцев к горячительным напиткам, принадлежит Р.Я. Райт-Ковалевой: «закончив дела, народ собирался в таверне, неподалеку от церкви, выпить кружку эля, поговорить – словом, провести время, как испокон веков проводят его во всех концах земли в харчевнях, салунах, трактирах и тратториях степенные сельские хозяева, люди солидные, неразговорчивые, неторопливые... Медленно раскуриваются трубки, медленно, смотря по погоде, разматываются теплые шарфы или расстегиваются тесные воротники рубаш, не спеша тянут тяжелые крупные губы пиво, эль или другую не слишком хмельную влагу, не спеша вынимаются из кошельков пенсы, пятаки или песеты. Человек поработал, человеку надо отдохнуть».³

Русские земледельцы были вполне солидарны с представителями аналогичных социальных групп зарубежья в том, что алко-

¹ Доклад А.А. Сольца на собрании юнкоров газеты «Молодой ленинец» 24 апреля 1926 г. // Молодой ленинец. 1926. 28 апреля.

² Андреева Е.В. Жестокий путь. Изд. 2-е. – Л., 1974. С. 144.

³ Райт-Ковалева Р.Я. Роберт Бернс. – М., 1965. С. 32.

голь представляет собой весьма неплохое дополнение к празднику и досугу: «какой хороший хозяин в погоду поле оставит? Какой добрый человек в праздник от чарки откажется?»¹ В досоветский период жители российской деревни пили регулярно и не ограничивали себя в средствах на алкоголь, раз уж последний рассматривался как неперемное условие праздника. По подсчетам специалистов, крестьяне всего лишь 12 из 90 губерний Российской империи в течение двух неурожайных (!) лет, – в 1905 и 1906 годах, – истратили на водку «сумму, превышающую стоимость почти всех кораблей Балтийского и Тихоокеанского флотов империи вместе взятых, а также вооружений, уничтоженных и захваченных японцами в Порт-Артуре, при Цусиме, Ляояне, Мукдене и в местах других сражений».²

Вместе с тем, в досоветской российской деревне господствовало отношение к алкоголю именно как весьма распространенному средству досуга, которому не было места в обычном меню крестьянина и его семьи в будние дни. Сохранилось немало авторитетных свидетельств о том, что вне праздника крестьяне обычно не злоупотребляли спиртным. Так, в 1913 г. Д.Н. Воронов утверждал: «Что деревенское потребление определяется главным образом обрядовыми мотивами, установившимися общественными обычаями, а не развитою личною склонностью к алкоголю, как это имеет место в городах – доказывается ничтожным числом среди крестьянского населения как регулярных потребителей, для которых вино является обычным спутником пиши, так и алкоголиков, привычных и запойных».³ О том же с уверенностью писал признанный бытописатель дореволюционной деревни А.Н. Энгельгардт: «между мужиками отпетые пьяницы весьма редки. Я вот уже год живу в деревне и настоящих пьяниц, с

¹ Запорожский Т. Максим // Красная нива. 1925. № 8. С. 173.

² Миронов Б. Причины русских революций // Родина. 2009. № 11. С. 19.

³ Цит. по: Литвак К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 75.

отеками лицами, помраченным умом, трясущимися руками между мужиками не видел».¹

Специальная комиссия при Обществе охраны народного здоровья в Российской империи, занимавшаяся изучением проблемы алкоголизма, констатировала в начале XX в., что основными потребителями водки выступали горожане, а не сельские жители. По данным комиссии, если в деревне ежегодно на взрослого мужчину приходилось $1\frac{1}{5}$ ведра хлебного вина (то есть, водки), то в обычном городе – 4 ведра, а в столицах – и вовсе 7 ведер.²

Как бы там ни было, сопровождавшее крестьянский досуг пьянство не украшало жителей российской деревни. Большевики рассматривали алкоголь как одно из наследий ненавидимого ими досоветского уклада и потому, придя к власти, поставили перед собой благородную задачу избавления российского общества и крестьянства как преобладающей его части, от пагубной алкогольной зависимости. В проектируемом партийно-советским руководством социалистическом обществе «не должно было остаться места таким пережиткам «проклятого прошлого», как пьянство и тем более алкоголизм».³ «Новые люди», которых компартия надеялась воспитать и которые составили бы основу нового, социалистического, социума, должны были испытывать стойкое отвращение к тому, что на жаргоне любителей горячительных напитков называлось «опрокидон»,⁴ то есть к выпивке.

Казалось бы, условия благоприятствовали замыслам лидеров компартии. Ведь, еще в годы Первой мировой войны в России был введен «сухой закон»; тем самым, царское правительство заложило мощный фундамент под антиалкогольные инициативы

¹ Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872 – 1887. СПб., 1999. С. 32.

² Литвак К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 74.

³ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008. С. 151.

⁴ Лукашин И. Скука // Красная нива. 1925. № 23. С. 522.

советской власти. На деле, однако, запреты на употребление горячительных напитков не действовали ни в досоветской, ни в советской России, так как население в кратчайшие сроки изыскало обходные пути. Уровень алкоголизма в 1920-х гг., – как в городах, так и в деревнях Советской России и Советского Союза, – был не ниже дореволюционных показателей и, по некоторым данным, даже превысил их, что стало одним из проявлений характерных для «эпохи перемен» деструктивных тенденций.

Коль скоро мы говорим об алкоголе как общем явлении для разных народов и государств, то и в реакции граждан тех или иных стран на «сухой закон» можно отыскать немало параллелей. Объективный анализ ситуации в разных государствах позволяет с полной уверенностью говорить о том, что наиважнейшее сходство заключается в упорном нежелании множества обывателей поддерживать антиалкогольные меры и соблюдать «сухой закон», для обхода которого изыскивались различные пути.

Как известно, в 1920-х – начале 1930-х гг. в США запрет спиртного породил нелегальную торговлю горячительными напитками (бутлегерство), которая, в немалой степени, способствовала укреплению и расширению мафиозных структур. Население Советской России, – и крестьянство как доминировавший по численности социальный слой, – в массе своей также не пожелало становиться трезвенниками, оно избрало иную тактику противодействия «сухому закону». В таких случаях, россияне полагаются не на каких-то там доброжелателей в образе нелегальных торговцев спиртным, а исключительно на собственные силы: поэтому, в 1920-х гг. в РСФСР и СССР пышным цветом расцвело не бутлегерство, а самогонование.

Хотя, как отмечает К.Б. Литвак, «примерно до 1915 года русская деревня вообще не знала самогона»,¹ это упущение было ис-

¹ Литвак К.Б. Самогонование и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 76.

правлено сельским населением в кратчайшие сроки (как тут не вспомнить известное выражение о том, что «русские долго запрягают, но быстро ездят»). В 1920-х гг. самогонование буквально захлестнуло Советскую Республику. Причем, такое «чертово изобретение»,¹ как самогон, в рассматриваемый период получило наибольшее распространение именно в деревне, так как здесь для него наличествовали самые благоприятные условия: относительно слабый административный контроль и наличие постоянно обновляемых запасов зерна.

Самогонные аппараты, необходимые для изготовления вожделенного зелья, крестьяне мастерили сами либо заказывали таковые деревенским умельцам (у которых, таким образом, появился дополнительный заработок). В одном из литературных произведений 1920-х гг. нехитрое приспособление для изготовления горячительного зелья описывалось следующим образом: «аппарат, сделанный знакомым «паялой» из листового железа, похожий на самовар, поставлен был дном на кирпичи, сложенные в виде маленькой печурки, в которой был жар, нагревавший аппарат, а сама самогонка капала из вставленной в трубку соломинки прямо в бутылку».²

Такого рода специально изготовленных аппаратов в советской доколхозной деревне, в том числе и южно-российской, было более чем достаточно. В многочисленных источниках с печальным постоянством сообщается, что в различных селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополя «самогонщиков немногим менее, нежели жителей»,³ что «почти все граждане занимаются варкой» этого зелья, вследствие чего, проезжая через такие заповедники самогонования, «чувствуешь, что и на улице стоит сильный запах от самогона».⁴

¹ РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 576, л. 39.

² Подъячев С. Стихийное бедствие // Красная нива. 1925. № 6. С. 122.

³ Явич А. Выборы в сельсовет // Красная нива. 1925. № 12. С. 277.

⁴ РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 795, л. 495.

Разумеется, расцвет самогонварения в доколхозной деревне объяснялся не только слабым контролем властей (о чем еще пойдет речь далее) и наличием сырья, но и спросом со стороны сельского населения: не будь спроса, не было бы и самогонной индустрии. В деревне эпохи нэпа, пережившей тяжелейшие военнореволюционные испытания, наблюдавшей крушение существовавшего веками уклада жизни и нервно реагировавшей на социальную и налоговую политику большевиков, создались идеальные условия для девиаций, в том числе и алкоголизма. В той или иной мере, пило подавляющее большинство сельского населения, вне зависимости от возраста, профессии, имущественных и социальных различий. Источники полны категоричных свидетельств о том, что «самогон и водка окутывают деревню смрадным туманом»,¹ что здесь «замечается увеличение пьянства»,² что старики и молодежь «пьют зверски».³

Кстати, нельзя не согласиться с И.Б. Орловым в том, что «специфической чертой деревенского пьянства эпохи нэпа явилось раннее приобщение к алкоголю молодежи как следствие бурного развития самогонварения в деревне».⁴ Действительно, современники констатировали «наличие пьянства»⁵ среди молодых крестьян, указывая: «молодежь в деревне темная. По воскресным дням больше пьяная бывает».⁶ Следует лишь добавить, что причиной ширившегося алкоголизма среди молодых жителей села (то есть, тех, кто должен был составить основу проектируемого большевистским идеологами нового общества) стала не только доступность самодельных горячительных напитков, но и

¹ Советская деревня должна быть культурной, здоровой и чистой! // Крестьянская газета. 1928. 13 октября.

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 95, без нумерации.

³ Батрак. Задушенный хутор // Крестьянская газета. 1928. 30 ноября.

⁴ Орлов И.Б. Советская повседневность... С. 171.

⁵ Работу в деревне надо увязать с задачами социалистического строительства // Молодой ленинец. 1926. 3 марта.

⁶ Миша О. Никому нет дела до культурной работы // Молодой ленинец. 1925. 26 сентября.

аномия общественного сознания вследствие грандиозных социальных потрясений и радикальных преобразований традиционного крестьянского жизненного уклада.

Свидетельством психологических травм являлось пьянство не только пожилых и взрослых крестьян, не только молодежи, но и многих сельских учителей, которые по роду деятельности должны были подавать крестьянству совершенно иной пример. В частности, в ноябре 1927 г. работники Вешенского райкома ВКП(б) Северо-Кавказского края возмущались тем, что в станице Боковской имел место «факт пьянства учительства в Октябрьские дни 10 годовщины, чем и сорвали школьный спектакль, тем самым вызвали общественное недовольство».¹

Как уже отмечалось, в деревне без пьянства не обходился ни один старый и новый праздник (что лишний раз подтверждает вышеприведенное сообщение о чрезмерно обильных возлияниях учителей ст. Боковской в честь десятой годовщины Октября), ни одно торжественное мероприятие, в том числе, – открытие школ. Так, в марте 1926 г. в газете «Молот» была помещена сатирическая заметка селькора из хутора им. Ленина Батайского района Северо-Кавказского края о том, как хуторяне «обмыли» открытие новой школы. Сначала, ехидничал селькор, был устроен митинг, на котором выступали как представители местной власти, так и делегаты от будущих школьников: «сейчас же, конечно, пацана, – школьника подговоренного, – выпустили строителей благодарить. Ловко его назубрили: «Вы, говорит, наши благодетели! Без вас ничего! Вашими трудами!» Затем началось, с нетерпением ожидавшееся всем хутором, торжественное застолье: «тут же в новой школе на всех столы покрытые стоят. Ящик водки, да ящик вина; конечно, пироги и другое. Вполне организованно. Водка – первый сорт. Сами члены [школьной] комиссии доставали. [Уполномоченный хутора, коммунист] Василь Ефимыч по хатам

¹ ЦДНИ РО, ф. 36, оп. 1, д. 7, л. 14.

с возом взносы пшеницей собирал. Два воза пшеницы в Батайск свезли, обратно водки да вина рублей на 100». Конечно, уничтожая столь значительное количество алкоголя, население перепилось, не исключая и местного большевика: «на что Василь Ефимыч, и тот веселился, хотя он в ту пору по причине годовщины [смерти] Ленина грустил. Утром еще в ту пору приказал одному пацану балалайку бросить. Сейчас, говорит, годовщина смерти [вождя], а ты музыканишь».¹

Пьянство сопровождало и сугубо культурные мероприятия в деревне (в частности, театральные представления), которые, казалось бы, должны были противостоять этой пагубной страсти. Например, в источниках встречаются сообщения о том, что исполнители ролей в самодеятельных сельских постановках принимали известное количество спиртного «для храбрости».² Как-то раз «расхрабрившиеся» комсомольцы устроили драку прямо на сцене из-за сущего недоразумения. По сюжету, исполнитель роли помещика должен был ударить исполнителя роли крестьянина, но последнему спьяну показалось, что «барин» перестарался, и он дал сдачи. Когда же между «помещиком» и «крепостным» началась нешуточная, отнюдь не постановочная, потасовка, «высочившие разнимать из-за кулис [их товарищи], сами того не заметили, как ввязались в драку».³

Такая культурная форма досуга, как чтение, тоже зачастую пасовала перед пьянством. Как мы уже отмечали, большинство крестьян предпочитали тратить деньги на выпивку, а не на книги. Наибольшее же возмущение современников вызывали совершенно нетерпимые случаи выдворения изб-читален из занимаемых

¹ Глеб Иванович. Как мы школу «обмывали» // Молот. 1926. 14 марта.

² В одном из рассказов приведен следующий монолог комсомольца, обращенный к самогонщику: «приноси, говорит. Нам, говорит, понадобится, перед спиктаклей, говорит, для пушей храбрости по баночки пропустить, а то, говорит, с языком не совладаешь, никак не шевелится» (Подъячев С. Стихийное бедствие // Красная нива. 1925. № 6. С. 122).

³ Том А. Тяжелый случай // Молодой ленинец. 1926. 23 марта.

помещений и передача последних в аренду винным магазинам. Когда в 1925 г. избу-читальню села Предтеченского на Ставрополье выселили из помещения, передав его винной лавке, местные селькоры горько иронизировали: «рази книга устоит против сорокаградусной: кишка тонка!». ¹

Взросшие размеры пьянства в постреволюционной деревне сопровождались, разумеется, и увеличением расходов на самогон и водку, также появившуюся в продаже. Еще в досоветские времена представители российской общественности справедливо утверждали, что, «если бы деньги, которые крестьяне расходовали в праздники на алкоголь, они употребили бы на улучшение своего хозяйства, они привели бы российское сельское хозяйство в цветущий вид». ² Такого же рода мнения отражены и в советской прессе. В частности, в январе 1929 г. корреспондент газеты «Молот» З. Лерт писала, что казаки расположенной под Новочеркасском станицы Грушевской в течение предыдущего года потратили на выпивку 34 956 руб. и еще 21 тыс. руб. потратили на оплату услуг священников. В то же время, по самообложению ³ казаки сдали всего лишь 8 284 руб. 24 коп. (эти цифры были получены Лерт от местных школьников, проводших соответствующее исследование). Лерт констатировала, что на пропитые и отнесенные попам деньги жители Грушевской могли бы купить как минимум 10 тракторов, плюс две молотилки, прокатный пункт, да еще одежду для бедняцких детей и т.д. Увы, все эти выгодные приобретения исчезли в пьяном угаре. Напротив, на значительно меньшую сумму, собранную по самообложению, была построена школа в хуторе Камышеваха, достроена еще одна школа в другом населенном пункте, создана и оборудована ветеринарная амбулатория, по-

¹ РГАЭ, ф. 396, оп. 3, д. 795, л. 449.

² Миронов Б. Время – деньги или праздник? Трудовая этика российских крестьян // Родина. 2001. № 10. С. 64.

³ Самообложение – один из налогов в 1920-х – 1930-х гг., часть средств от сбора которого должна была направляться на решение местных задач.

строено и починено несколько мостов, куплено семенного зерна на 1 500 рублей.¹

Дабы у читателей не создавалось неверного мнения о том, что прибежищем пьяниц в 1920-х гг. была только доколхозная деревня, подчеркнем, – алкоголизм процветал и в городах Советской России (Советского Союза). Здесь также пили все: рабочие, служащие, нэпманы, студенты, комсомольцы, коммунисты, и т.д. Как отмечалось в прессе в 1926 г., «вместо борьбы [с пьянством] участились случаи, когда отдельные учреждения изыскивают торжественные случаи: новый год, октябрьскую годовщину, пуск нового завода, приезд и отъезд сослуживца или работника, чтобы по поводу этого случая устроить торжественное заседание, товарищеский вечер, проводы и т.д. Постоянными спутниками этих вечеров являются сорокаградусная и вино, были даже также случаи, когда после таких товарищеских вечеров, проводов [их] участники[,] напившись[,] поднимали стрельбу, дебош и заканчивали «товарищеской» дракой!»²

В полном соответствии с духом времени, некоторые алкоголики (очевидно, наиболее теоретически подкованные), пытались даже создавать собственные организации. Если верить советским журналистам, то в середине 1920-х гг. возникло общество «Оса», название которого расшифровывалось как «Общество советских алкоголиков». Как отмечалось в газете «Молодой ленинец» в 1926 г., «в незаметном городишке Северо-Западной области [РСФСР]... было организовано первое в Союзе общество советских алкоголиков... Большинством против одного голоса [на учредительном собрании] было принято предложение о введении членских взносов. Единственный спорный вопрос вызвал второй пункт устава, в котором ясно говорилось о преимуществе коньяка перед смородиновой. Впрочем, защищавшая смородиновую оп-

¹ Лерт З. В голубых домах // Молот. 1929. 6 января.

² Аболин Я. Некоторые меры борьбы с пьянством // Молот. 1926. 3 марта.

позиция была немедленно опровергнута ударом пивной бутылки по голове».¹ Так что, горожане заметно опередили крестьян в деле объединения и сплочения алкоголиков, следуя заветам марксизма-ленинизма о гегемонии города над деревней.

Самогоноварение и пьянство, распространявшиеся в селах и городах СССР подобно лесному пожару, серьезно беспокоили представителей власти и советской общественности, заставляя их принимать соответствующие меры. В данном случае, следует различать собственно антиалкогольные мероприятия и действия по борьбе с самогоноварением, так как в 1920-х гг. здесь наблюдалась довольно двусмысленная ситуация.

Наиболее последовательно и бескомпромиссно проводилась «борьба с самогонщиной»,² поскольку варка самогона сокращала запасы хлеба в деревне и, следовательно, затрудняла реализацию государственной налогово-заготовительной политики. Против самогонщиков применялись, как административные и уголовные меры, так и методы общественного воздействия.

Согласно статье 140 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., за самогоноварение и хранение алкоголя без цели сбыта предусматривался крупный штраф (от которого милиции полагались премиальные отчисления, что должно было стимулировать активность правоохранителей в борьбе с самогонщиками). За те же деяния, но еще и повлекшие за собой продажу спиртосодержащей продукции, законом было установлено наказание в виде лишения свободы на срок не менее 1 года с конфискацией части имущества, а для рецидивистов – на срок не менее 3 лет с конфискацией всего имущества. При конфискации, в первую очередь, изымался самогонный аппарат.

Все перечисленные меры борьбы с самогоноварением и установленные законом наказания применялись в селах и станицах

¹ Дрилль В. Тень дьякона Северовостокова // Молодой ленинец. 1926. 3 марта.

² ЦДНИ РО, ф. 97, оп. 1, д. 25, л. 1.

Юга России неоднократно. Так, 4 октября 1922 г. Черкасский окружной исполком разослал всем станичным и волостным исполкомам циркуляр, в котором приказывал «строго следить за самогонщиками», наказывая их в первый раз штрафом в размере от 1 тыс. до 25 тыс. руб., во второй раз, привлекая к суду.¹ Нередко над самогонщиками устраивались открытые судебные процессы, дабы продемонстрировать всем мощь советского правосудия и неотвратимость наказания для действующих и потенциальных изготовителей спиртного. В частности, в марте 1926 г. на 1-м госруднике города Шахты прошло «громкое дело (показательный процесс) 13 самогонщиков, систематически спаивавших рабочих и ближайшее к руднику население самогоном».² Поскольку самогонщики, торговавшие своей продукцией, приравнивались к спекулянтам, еще одной мерой воздействия на них являлось лишение избирательных прав. Например, в списке «лишенцев» по станции Ольгинской за 1921 г. значились два самогонщика.³

Теоретически, конечно же, существовала возможность того, что представители местной администрации, не обращавшие на самогонщиков должного внимания или, более того, специально и/или небескорыстно покрывавшие их, рисковали сами оказаться на скамье подсудимых.⁴ Напротив, активно боровшиеся с этим социальным злом представители власти и работники правоохранительных органов получали поощрения. В частности, на проходившем 30 января 1923 г. заседании Верхне-Донского окружкома ВКП(б) было решено занести «на красную доску» (то есть, доску почета) сотрудников милиции и административного состава «за энергичную борьбу с варением самогона».⁵

¹ ГА РО, ф. р-2716, оп. 1, д. 1, л. 46.

² 13 самогонщиков перед судом // Молот. 1926. 27 марта.

³ ГА РО, ф. р-1198, оп. 1, д. 2, л. 22, 22об.

⁴ Так, в ноябре 1922 г. Старочеркасский станичный исполком издал приказ о том, что председатели хуторских советов, допускающие на вверенной им территории варку самогона, «будут сняты с поста и преданы суду Ревтрибунала» (ГА РО, ф. р-2716, оп. 1, д. 1, л. 50).

⁵ ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 38, л. 14.

В целях активизации борьбы с самогоноварением на Юге России, как и в других регионах страны, проводились специальные кампании. Такая кампания стартовала в Северо-Кавказском крае в начале 1928 г. и, уже к февралю того же года, дала следующие результаты: было оштрафовано 1 589 самогонщиков на общую сумму 20 663 руб. (суммы штрафов получались не такие уж и большие – всего примерно по 13 руб. на брата), отправлено на принудительные работы 164 чел., привлечено к уголовной ответственности 166 злостных самогонщиков, конфисковано 653 самогонных аппарата и 17 896 литров самогона. Кроме того, в рамках кампании был объявлен «трехдневник добровольной сдачи самогона», в ходе которого в крае было сдано 213 аппаратов и 54 литра самогона: как видим, население не очень охотно поддержало инициативу властей.¹

Сельская общественность также принимала участие в борьбе с самогоноварением, что должно было повысить эффективность такого рода мероприятий. Дабы усилить общественную поддержку антисамогонным инициативам властей, среди селян велась агитация за трезвый образ жизни, доказывалась очевидная истина, что самогон «не в помощь крестьянину, а в разоренье».² В частности, в ноябре 1922 г. исполком станицы Старочеркасской обращался к населению со следующими проникновенными словами: «надо помнить[,] что самогонка и пьянство [–] это бич рода человеческого[,] который приносит самый гнусный вред для человека. В пьянстве есть разврат[,] карточная игра[,] убийство и тому подобные эксцессы. Варка самогона уничтожает большую часть съестных припасов».³

Наиболее благодарной аудиторией для антиалкогольной агитации в 1920-х гг. были, конечно, женщины, которым выпала

¹ Первые итоги борьбы с самогоноварением // Молот. 1928. 8 февраля.

² Константин Ш. Надо бы вперед, да самогон не пускает // Новая деревня. 1926. № 3. С. 38.

³ ГА РО, ф. р-2716, оп. 1, д. 1, л. 50.

тяжкая доля делить жизнь и судьбу с мужем-пропойцей. Перечисляя крестьянкам и без того им знакомые негативные последствия пьянства, указывая на нередкие случаи отравления мужчин некачественным алкоголем, советские агитаторы призывали женскую часть деревни: «Чтоб не слепли и не глохли // В наших селах мужики, – // Самогон бери в штыки!»¹

Меры по привлечению сельской общественности к борьбе с самогоноварением давали определенный эффект. Вдохновленные крестьяне нередко принимали решения о нещадном искоренении самогоноварения в границах своих населенных пунктов. Так, в протоколе № 2 общего собрания граждан станицы Ольгинской от 9 января 1924 г. говорилось: «мы граждане сл[ободы]. Ольгинской даем слово Аксайскому Волостному Исполнительному комитету в лице члена ВИКа т. Шевякова что со всеми лицами которые варят и продают самогон поведем самую твердую борьбу для уничтожения в корне [этого] зла... а лиц уличенных в варке и продаже самогона будем предавать в руки правосудия».² Чуть ранее, – 6 января 1924 г., – жители приписанного к станице Старочеркасской хутора Верхне-Подпольнинского решили создать «ударную тройку» по борьбе с самогоном и пьянством.³ Особенно активно против самогонщиков боролись сельские женщины, устраивавшие целые «бабьи походы» за искоренение алкоголизма и как можно более суровое наказание виновных в нем изготовителей спиртных напитков.⁴

Однако, эффективность вышеперечисленных методов противодействия распространению самогоноварения в советской (в частности, южно-российской) деревне 1920-х гг. не была высокой. Прежде всего, местная администрация и милиция зачастую не

¹ Архип. Самогон бери в штыки // Крестьянка. 1923. № 18. С. 34.

² ГА РО, ф. р-1198, оп. 1, д. 21, л. 4об.

³ ГА РО, ф. р-2716, оп. 1, д. 3, л. 44.

⁴ См.: Панкова-Козочкина Т.В. Бабьи походы против пьянства // Родина. 2009. № 5. С. 102 – 104.

уделяли борьбе с самогонщиками пристального внимания.¹ Не столь уж редко сельские милиционеры, сами будучи любителями выпить, просто не желали наказывать знакомых самогонщиков, особенно если те изготавливали неплохое зелье. По этому поводу участница проходившей 24 – 28 февраля 1925 г. второй Донской окружной конференции крестьянок Волченко из станицы Кущевской рассказывала, что у них «кто плохо варит самогон, того штрафуют, а за хороший все молчат».²

Штрафы не особенно пугали самогонщиков в силу их относительно небольших размеров.³ Более серьезным наказанием был арест и тюремное заключение. Отдельные самогонщики реагировали на такие кары очень остро.⁴ Но, аресту подвергалась относительно небольшая часть изготовителей и распространителей алкоголя, что минимизировало морально-психологическое воздействие данной меры на остальных самогонщиков. Пересажать же всех торговцев спиртным не представлялось возможным.

В итоге, в первой половине 1920-х гг. современники в один голос жаловались, что самогонование «продолжает процве-

¹ В источниках часто встречаются сообщения о том, что крестьяне жалуются на самогонование и на «слабую борьбу с ним местных властей» (Советский К. Рабочие Рост[овского]. узла С[еверо].-К[авказской]. ж[елезной]. д[ороги]. в подшефной деревне // Молот. 1924. 18 ноября), что «в связи с пьянством растут и невыходы на работу. Милиция с этим борется слабо» (Пьянство и хулиганство на рудниках // Молот. 1926. 20 марта).

² ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 35, л. 64.

³ Члены Вешенского райкома ВКП(б) Северо-Кавказского края указывали на это обстоятельство в апреле 1926 г.: «во всю ширь отмечается восхищение со стороны самогонщиков, что налагаемые штрафы настолько малы, что дают возможность вполне свободно производить самогонование» (ЦДНИ РО, ф. 36, оп. 1, д. 9, л. 24).

⁴ В частности, в газете «Молот» за август 1924 г. содержится сообщение о самоубийстве арестованной самогонщицы П.Н. Херник, 24 лет, из станицы Верхне-Гниловской под Ростовом-на-Дону, которая уже была судима и на момент ареста находилась на поруках. Во время допроса она вела себя довольно агрессивно и даже «пыталась уничтожить материал дознания, но ей это не удалось. После этого Херник вышла в коридор и в 5 часов вечера незаметно для окружающих приняла какой-то яд и потеряла сознание. В бессознательном состоянии она была скорой помощью отправлена в первую советскую больницу, где в 1 час ночи, не приходя в сознание, скончалась» (Пронисшествия // Молот. 1924. 21 августа).

тать».¹ Если в 1922 г. в РСФСР было выявлено 94 тыс. очагов самогонварения, то в 1923 г. – 191 тыс., в 1924 г. – 275 тыс.²

Как ни парадоксально, наиболее эффективным средством борьбы с самогонварением стала отмена «сухого закона» и введение государственной монополии на торговлю спиртным. С декабря 1924 г. в СССР началась продажа 30-градусной водки, с октября следующего года была введена казенная винная монополия.

Подобные меры вызвали негативную реакция крестьян, особенно женщин, возмущенно вопрошавших партийно-советских работников: «ежели вы ведете борьбу с пьянкой, то зачем-же сами торгуете вином»,³ «когда раньше нам говорили, что Николай одурманивает наших мужей казанкой (так в тексте; очевидно, «казёнкой» – авт.), а теперь выходит тоже самое – наших мужей одурманивают русской горькой... Разве Ильич говорил нам, что мы должны торговать водкой, разве говорится об этом хотя [бы] в одном из его заветов».⁴ Однако, представители власти расценивали винную монополию как удар по самогонварению⁵ и, надо сказать, у них были для этого основания.

Поступление в продажу изготовленной на госпредприятиях водки не привело к полному исчезновению самогонварения. Прежде всего, цена казенной алкогольной продукции не всегда была ниже, чем стоимость самогона; к тому же, как справедливо заметил К.Б. Литвак, «наличие в хозяйстве самогонного аппарата делало бессмысленной покупку водки» (впрочем, по его же словам, «возможность такая появлялась только при известном дос-

¹ ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 47, л. 2а.

² Николаев А.В. Антиалкогольные кампании XX века в России // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 73.

³ РГАЭ, ф. 396, оп. 6, д. 27, л. 8об.

⁴ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 35, л. 63, 65.

⁵ В частности, первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.И. Микоян говорил на XI Донской окружной партконференции, что «водка применяется как средство борьбы с самогоном и самогонщиками» (Одиннадцатая Донская окружная партийная конференция // Молот. 1925. 25 ноября).

татке сырья – хлеба. Если же его не хватало, то алкоголь приобретал заметное место в деревенском товарообороте»¹). Иной раз, водка вообще не поступала в деревню, где ее не очень охотно брали, а распродалась в городах.²

Отсюда, разноречивость содержащихся в источниках оценок государственной винной монополии как средства борьбы с самогонноварением. Одни очевидцы утверждали, что после появления водки в свободной продаже «самогон пошел на убыль»,³ другие же, напротив, били тревогу по поводу «все более прогрессирующего и все более углубляющегося развития самогонноварения».⁴ Бесспорно, однако, что во второй половине 1920-х гг. масштабы изготовления и потребления самогона в советской деревне (в том числе, в селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополья) были меньше, чем в начальные годы того же десятилетия.

Вместе с тем, заметно снизив масштабы самогонноварения путем целенаправленного введения государственной винной монополии, большевики не ослабили, а, наоборот, усилили остроту проблемы алкоголизации сельского (да и, городского) населения. Неважно, что пили жители деревни, – самогон собственного изготовления или купленную в кооперативной лавке водку; главное, что они продолжали употреблять алкоголь. Следовательно, замыслы идеологов компартии о полном искоренении пьянства не были воплощены в жизнь, причем не по вине каких-либо «врагов» (о чем так любили частенько трезвонить большевистские пропагандисты), а вследствие внутренней экономической политики самих лидеров ВКП(б).

¹ Литвак К.Б. Самогонноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 82.

² Как отмечали советские журналисты, «все количество водочных изделий Госспирта, получаемое местными кооперативными организациями на весь район, расходовалось исключительно в городе», так что для продвижения водки в деревню потребовалось вмешательство властей (На борьбу с самогоном // Молот. 1925. 17 ноября).

³ ЦДНИ РО, ф. 5, оп. 1, д. 70, л. 62.

⁴ ЦДНИ РО, ф. 36, оп. 1, д. 9, л. 24.

Нельзя сказать, что советское правительство и общественность концентрировали свои усилия только на противодействии самогоноварению и никак не боролись с алкоголизмом (хотя, такая борьба походила на битие по собственным рукам). Как правило, в данном случае использовались методы пропаганды и агитации. Устраивались разного рода лекции и выступления (скажем, в рамках вышеупомянутых «бабьих походов» против пьянства), в ходе которых сельским жителям доказывалась очевидная истина вреда алкоголизма и полезности культурных методов проведения досуга. Предпринимались многочисленные попытки «усилить культработу»¹ в деревне, развивать физкультуру как способ отвлечения крестьян «от вредных уклонов и привычек (пьянство, излишество и проч.)».²

Но, такого рода меры были неэффективны, так как соседствовали с увеличением выпуска продукции государственных винных заводов: в 1940 г. производство спирта в СССР вдвое превышало показатели 1913 г.³ В итоге, алкоголь и обусловленные им социальные девиации занимали прочные позиции в сфере досуга советского (донского, кубанского, ставропольского) крестьянства в 1920-х гг.

Добавим, что, помимо увеличения масштабов пьянства в крестьянской среде, еще одной социальной бедой в советской деревне 1920-х гг. стал существенный рост детского и молодежного курения. В частности, в августе 1925 г. в прессе отмечалось, что в станицах, слободах и хуторах Новочеркасского района Северо-Кавказского края «наблюдается массовое курение среди детей в возрасте от 7 – 8 лет».⁴

¹ Культурники, ау! // Молот. 1925. 13 ноября.

² Жабо В. Физкультуре принадлежит большое будущее // Молот. 1925. 11 ноября.

³ Литвак К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 86.

⁴ Лирети Мих. На борьбу с курением среди детей // Новочеркасский молоток. 1925. 30 августа.

Надо сказать, что подобного рода сообщения встречаются в источниках не часто. Но, как нам представляется, данное обстоятельство свидетельствует не о скромных масштабах курения, а о том, что общество не видело в увлечении молодежи табаком серьезной проблемы. Соответственно, меры борьбы с курением в южно-российской деревне 1920-х гг. не отличались активностью и широким распространением. Тем не менее, сельский социум все же реагировал на этот вызов времени.

Так, 29 октября 1925 г. Ольгинский станичный совет просил Батайский райисполком одобрить следующую меру: «за курение в общественных местах налагать штраф в сумме одного рубля или арест на одни сутки», возложив контроль за исполнением на милиционера.¹ Но, видимо, столь суровые методы являлись местной самодеятельностью и не были повсеместно распространены.

Кроме того, в прессе встречаются своего рода антитабачные публикации. Одна из них, принадлежавшая перу сельского жителя, была помещена в журнале «Крестьянка» в 1923 г. Здесь описывалось, как курением постепенно увлекся «Васька Сморчок – небольшой восьмилетний подпасок деревни Осинники. Маленький, худенький – кнутовище валит... Свертит из мха цыгарку и начнет головешкой от костра разогревать ее. И запылывает цыгарка. А Васька ерепенится. Насупится, через нос старается пускать дым... С мшистой закрутки Васька скоро перешел на самоделку. У соседа целый огород под погань эту отведено. Режет, как капусту, сушит, курит. И Васька давай употреблять. Тихо, незаметно от отца. Увидал бы тот, подзатыльников надавал бы... Привык Васька к куреву. Придет домой, а самого и тянет за угол, кабы батя не приметил, курнуть».²

В конце концов, курение довело Ваську до беды: «курит так Сморчок однажды под загуменьем, а отец и идет. Васька цыгарку

¹ ГА РО, ф. р-1198, оп. 1, д. 50, л. 2 – 2об.

² Федоров Е. Несчастное курево (Подлинная история) // Крестьянка. 1923. № 9. С. 11.

в рукав: она светится. Дело под вечер. Куда девать? Возьми со страху да в солому и воткни. Батяка зазвал, послал куда-то. А Васька про цыгарку и забыл... Через пяток минут и запылало. Ой, как запылало. В час полсела, как не было... А Васька стоит бледный, трясется, а сам думает: – Уж не от цыгарки ли зачалось? И вспомнил тут, как однажды дед его говорил: – Табачище – это первое зло. Особо ежели ребята молодые сосут чертов хвост. Перво-наперво пожар может случиться. За окурком не уследишь. А второе, самое что ни на есть главное, это легкие, чем человек дышит, прокопятся от этого дыма, провоняют, и человек тот захиреет. И грош ему после этого цена. Разумный человек никогда не будет сосать эту чертову пакость, которую давно надо уничтожить. Теперь только Васька понял, как глубоки и справедливы были слова седого дедушки, да тут же дал себе торжественное слово никогда больше не сосать вонючей цыгарки».¹

Процитированный рассказ обладает определенными художественными достоинствами, но вряд ли он и подобные ему произведения были способны оказать серьезное влияние на деревенских курильщиков. Курильщик, как и алкоголик, мало задумывается о пагубном влиянии наркотика на свой организм, а для начинающего поклонника табачных изделий их вред и вовсе не очевиден. Вот разгоревшийся из-за самодельной папиросы пожар мог бы произвести впечатление на «сосущую чертов хвост» молодежь. Однако, осознание и этой беды (которая могла и не случиться) вряд ли могло заставить курильщиков остановиться.

Повсеместное пьянство как часть сельской повседневности и как негативный элемент крестьянского досуга 1920-х гг., вполне естественно влекло за собой неупорядоченные половые связи. Здесь мы затрагиваем близкую проблематике нашей работы, но, вместе с тем, самостоятельную тему, – тему интимной жизни русских крестьян, которая, как справедливо заметил В.Б. Безгин,

¹ Там же. С. 11 – 12.

«в современной исторической науке остается малоизученной и не часто становится объектом научных исследований».¹

Данная тема требует углубленного изучения, что невозможно выполнить в рамках настоящего очерка. Поэтому, согласимся с В.Б. Безгиным в том, что «профессиональной проституции в деревне не существовало», но вдовы и солдатки выполняли сходные функции.² Тем же нередко занимались и деревенские самогонщицы, как об этом, например, повествовал М.Н. Алексеев в автобиографическом романе «Драчуны».³ Причем, в конкретно-исторических условиях эпохи нэпа, когда в деревне усиливались процессы болезненного изменения традиционного уклада, а в городах множились сторонники теории «стакана воды», идеалов «свободной любви» и даже общества «Долой стыд»,⁴ неупорядо-

¹ Безгин В.Б. Девиантность в интимной жизни русских крестьян (вторая половина XIX – начало XX века) // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2011. № 1. С. 32.

² Там же, С. 38.

³ В романе фигурирует некая Селяниха, «которая была первой на селе самогонщицей, и по этой причине мужики вились возле ее избы, как мухи» (Алексеев М.Н. Драчуны. – М., 1984. С. 145).

⁴ Активисты общества «Долой стыд» заявили о себе и в Ростове-на-Дону в сентябре 1924 г., прогулявшись и прокатившись в трамваях нагишом. Это вызвало безумный ажиотаж среди зевак и взрыв возмущения городской общественности. Буквально на следующий день после вызывающей акции городских nudистов, в газете «Молот» появилась публикация Д. Гессена, в которой отмечалось: «Как скверная отрыжка столы, и до нас докатилось гораздо быстрее, чем доходит положительный почин, пресловутое появление на улицах голых мужчин и женщин, какого-то, не то реального, не то полумифического, общества «Долой стыд». Это совершенно нетерпимо, писал Гессен, поскольку «в тот момент, в который мы живем, когда еще не изжиты капиталистические уродства, как проституция, хулиганство, обнажение содействует не нравственности, а безнравственности. Это еще в большей степени влияет на впечатлительность детей. Стоило поглядеть вчера на улицы Ростова, на тысячные толпы взрослых и детей, заполнявших панели и даже трамвайные пути, свист, улюлюканье, преследование трамваев, где может быть и были голые люди, и даже тех, где их не было, чтобы понять, насколько все это было безобразно. Хулиганы-подростки десятками и сотнями, дружной бандой мчались по улицам, похабно ругались. Я видел красные галстуки пионеров среди этой публики, лихорадочное возбуждение детишек, и для меня стало ясно, что вся эта история должна быть немедленно прекращена. Общество «Долой стыд», это – ставка на хулиганство, на «да здравствует безстыдство», и в нашем пролетарском городе подобным начинаниям надо дать немедленный отпор». Автор решительно заявлял: «Мы должны с этим безобразием покончить немедленно же, уже хотя бы в силу того, что это общество «Долой стыд» не имеет здорового начала, не оправдывает своего названия, является результатом хулиганства и стремления к эксцентричности, оче-

ченные половые отношения в крестьянской среде имели все шансы на распространение. Безусловно, наиболее активными сторонниками таких отношений выступали молодые люди (как правило, парни, а не девушки, поскольку последние предпочитали тихую семейную гавань безрассудному разгулу); но, немало взрослых крестьян также было не прочь в этом поучаствовать.

В рамках затронутой нами в данном очерке проблематики социальных девиаций в деревне эпохи нэпа, нельзя не указать, что соседствовавшие с пьянством неупорядоченные половые связи влекли за собой, в силу полного отсутствия на селе правил, навыков и средств предохранения, широкое распространение венерических заболеваний. Медики справедливо отмечали, что, «чем больше население пьет водки, тем больше оно болеет всякими болезнями, в том числе и сифилисом. Пьяницы труднее излечиваются от сифилиса; в пьяном виде больные сифилисом и здоровые забывают осторожность и легче заражаются и заражают других».¹

Вышеупомянутый сифилис, – «французская скорбь»,² – лидировал среди венерических заболеваний в советской деревне 1920-х гг., поскольку способен распространяться, как известно, не только половым, но и неполовым, бытовым путем. Современники констатировали: «у нас в России есть целые деревни, волости, даже уезды, сплошь пораженные сифилисом. Деревня страдает от сифилиса, благодаря незнанию и своим деревенским привычкам и обычаям».³

Дон, Кубань, Ставрополье и даже национальные регионы Северного Кавказа также страдали от сифилиса. В частности, в сентябре 1921 г. члены Донецкого окружкома РКП(б) с беспокойством

видно вербуя своих последователей из буржуазной молодежи и тех, кто обслуживал раньше в качестве натуры порнографические фотографии» (Гессен Д. Это безобразие надо прекратить // Молот. 1924. 21 сентября).

¹ Бараш М. Сифилис в русской деревне // Крестьянка. 1923. № 14. С. 36.

² Лаврентьева П. Из Нового быта в деревне // Крестьянка. 1924. № 7. С. 24.

³ Бараш М. Сифилис в русской деревне // Крестьянка. 1923. № 14. С. 35.

фикси́ровали на подведомственной территории широкое распространение венерических заболеваний, принявшее «угрожающие размеры».¹ Крестьянин Кириченко, один из участников проходившей 5 – 8 мая 1924 г. второй Юго-Восточной краевой партконференции, рассказывал, что «в настоящее время в деревнях развилось очень много всевозможных болезней, как венерических, так [и] туберкулеза, трахомы».² В феврале 1924 г. на совместном заседании Юго-Восточного бюро ЦК ПКР(б) и Чеченского ревкома были озвучены печальные данные о том, что в Чечне 75 – 80 % жителей больны сифилисом.³

Ситуацию дополнительно усугубляло то обстоятельство, что в начале 1920-х гг. в деревню стали возвращаться демобилизованные красноармейцы, многие из которых заразились венерическими болезнями на службе, в условиях Гражданской (а то и, Первой мировой) войны. Так, 7 сентября 1921 г. начальник политуправления Северо-Кавказского военного округа констатировал, что «среди широких слоев красноармейской массы наблюдается большой процент заболеваемости разными венерическими болезнями».⁴ Военное руководство и медики предпринимали необходимые меры противодействия венерическим заболеваниям,⁵ но не особенно в этом преуспели: и в 1923 г. в прессе содержались признания в том, что, хотя «теперь в Красной армии дело обстоит лучше, но печальные случаи заражения сифилисом красноармейцев бывают».⁶ В итоге, «после войны очень многие вер-

¹ ЦДНИ РО, ф. 75, оп. 1, д. 20, л. 4г.

² РГАСПИ, ф. 65, оп. 1, д. 2, л. 8.

³ РГАСПИ, ф. 65, оп. 1, д. 4, л. 4об.

⁴ ЦДНИ РО, ф. 4, оп. 1, д. 99, л. 103.

⁵ Так, санчастью СКВО в конце августа 1921 г. предполагалось провести с 1 сентября «неделю борьбы с венерическими болезнями» (ЦДНИ РО, ф. 4, оп. 1, д. 99, л. 74). Политуправление СКВО с 12 сентября до 1 октября того же года намечало проведение еще одной такой же недели во всех частях округа, наставляя политработников: «всем красноармейцам без исключения [в] эти дни нужно ясно усвоить картины ужаса, являющегося следствием заболевания триппером и сифилисом» (Там же, л. 103).

⁶ Бараш М. Сифилис в русской деревне // Крестьянка. 1923. № 14. С. 36.

нулись с фронта, больные сифилисом, и, вернувшись в деревню, они разнесли сифилис по всей стране».¹

Эпидемия венерических заболеваний в РСФСР и СССР (в частности, в городах и сельской местности Юга России) заставила представителей власти озаботиться мерами борьбы с нею. Лечение уже заразившихся сельских жителей осуществлялось силами не только местных медиков, но и их городских коллег, командированных в деревню. Так, в конце 1925 – начале 1926 гг. в прессе сообщалось, что в целом ряде районов Северо-Кавказского края действовали выехавшие из городов медицинские «венерические отряды». В ноябре 1925 г. один из таких отрядов выехал в Новочеркасский район, в марте 1926 г. другой отряд занимался обследованием и лечением сельского населения в районах Таганрогского округа Северо-Кавказского края.²

Важная роль в борьбе с этим социальным злом и вредоносной опасностью для здоровья крестьян отводилась профилактике венерических заболеваний. Так, участники состоявшегося 12 ноября 1925 г. заседания Первого Северо-Кавказского профилактического съезда пришли к выводу, что «сама жизнь выдвинула профилактический (предупредительный) уклон в деятельности врача. Крестьянское население вполне осознало роль профилактики. Однако, во всей этой важной работе не должно быть никакой механизации, трафарета. Врачу необходимо уделять главное свое внимание, сообразно местным условиям и особенностям. Так, например, в районах, где имеется много венериков, следует усилить профилактическую работу в этом направлении, т.-е. по борьбе с венерическим заболеванием».³ В целях профилактики сифилиса и других подобных заболеваний, медики занимались просветительной деятельностью на селе, выступали с лекциями,

¹ Там же, С. 36.

² По телефону // Молот. 1925. 21 ноября; На борьбу с венерическими заболеваниями // Молот. 1926. 3 марта; Борьба с венерическими болезнями // Молот. 1926. 20 марта.

³ 1-й профилактический съезд // Молот. 1925. 15 ноября.

публиковали статьи о симптомах, последствиях и мерах предупреждения «болезней Венеры».¹

Как видим, распространенное в советской деревне эпохи нэпа пьянство оказывало негативное влияние на сельский досуг не только прямо, но и косвенно, выступая одним из факторов распространения неупорядоченных половых связей как средства праздного времяпрепровождения и закономерно вызываемых этими связями венерических заболеваний. В то же время, алкоголизм был теснейшим образом связан и с такой социальной девиацией, весьма характерной для деревенского и городского досуга в Советской России 1920-х гг., как хулиганство.

Очевидцы неоднократно подмечали связь между употреблением спиртного и хулиганскими выходками, говоря, что отдельные индивидуумы на селе «с перепоя хулиганят»² и что «пьянство и хулиганство стали обычными явлениями»³ деревенской действительности. В самом деле, в постреволюционной России хулиганство расцвело пышным цветом на такой питательной почве, как мощная дестабилизация социально-экономической структуры, слом привычного уклада жизни, серьезная аномия общественного сознания, правовой нигилизм, как населения, так и правившего в стране большевистского режима.

Руководящие работники Константиновского района Шахтинско-Донецкого округа Северо-Кавказского края, пытаясь дать определение хулиганству, указывали в начале 1926 г., что оно «выражается в озорстве, в нарушении порядка в общественных местах, матерщине, и прочее».⁴ Это, конечно, было далеко не полное определение, поскольку хулиганствующие элементы в РСФСР и СССР (в том числе, – в селах и станицах Юга России) зарекомендовали себя многочисленными изнасилованиями, избиениями,

¹ А.Г. Триппер // Крестьянка. 1924. № 6. С. 28.

² Батрак. Задушенный хутор // Крестьянская газета. 1928. 30 ноября.

³ Пьянство и хулиганство на рудниках // Молот. 1926. 20 марта.

⁴ ЦДНИ РО, ф. 118, оп. 1, д. 75, л. 57.

убийствами и попытками убийств, покушениями на чужое имущество, и т.п.

Если говорить только о сфере досуга, то хулиганы дестабилизировали ее своей склонностью к пьянству, дебоширству, мордобойю, похабным выходкам. Более того, хулиганство препятствовало распространению и укреплению в деревне культурных форм досуга – чтения, кино, театра. Дело в том, что вызывающее поведение хулиганья вполне было способно напрочь испортить впечатление от киносеанса или театрального представления либо и вовсе сорвать таковые. Что касается изб-читален как центров культурного времяпрепровождения на селе, то, судя по многочисленным упоминаниям в источниках, хулиганствующие молодчики прямо-таки считали делом чести воспрепятствовать их нормальному функционированию.

Например, в ноябре 1925 г. в газете «Молот» была помещена заметка селькора «Очевидец» из расположенной недалеко от Ростова-на-Дону станицы Александровской, в которой указывалось, что здесь «читальня почти всегда закрыта, в клубе развивается хулиганство». Редакция откликнулась на это сообщение сатирическими стихами: «Хорошо живут в станице, // Не житье, а небылицы... // Нет газет, но как ни странно, // В клубе много хулиганов. // В клубе драка, в клубе мат, // Сельсовет и шефы спят...»¹

Еще более колоритное свидетельство сельского корреспондента о хамском (точнее, – скотском) поведении деревенского хулиганья в избе-читальне содержится в номере «Молота» за 24 марта 1926 г. Здесь отмечалось, что в хуторе Обуховском Азовского района Северо-Кавказского края «хулиган Гапонов вместе со своим приятелем Мельниковым спокойно заходит в избу-читальню вечером, когда она полна народу, садится за стол, и, отодвигая в сторону руками газеты, а локтями читателей, – вынимает из карманов бутылку водки и стакан. Непринужденно бе-

¹ Н. Смотрины // Молот. 1925. 15 ноября.

седуя с приятелем, уснащая матюками свою речь, Гапонов распирает бутылку и спокойно выходит из избы».¹

При дальнейшем прочтении цитируемой публикации становилось ясно, что Гапонов – это еще «хороший» хулиган, потому что в селе Ново-Маргаритовке того же района местная знаменитость Игнатенко «поступает иначе. Не входит, а вбегает и уже вдрызг напившись, бьет стекла, разбрасывает газеты. Игнатенко сам не уходит. Его с трудом удаляют». В селе Василье-Петровке того же Азовского района «пьяных хулиганов опасно избачу останавливать. Будет хуже. То просто поскандалят и уйдут; если же останавливать – начнется драка. Из некоторых сел избачи сообщают: стали появляться у хулиганов ножи».²

Далее автор статьи совершенно справедливо констатировал: «Положение серьезное. Форпостам просвещения на селе угрожает опасность. Чрезвычайно важное дело деревенской грамотности находится в зависимости от пьяной выдумки зарвавшегося хулигана. Там, в десятках и сотнях верст от городов, по колено в густой весенней грязи, вечерний хулиганский путь прост и постоянен. От самогонного притона к притону проституции, с обязательным заходом в освещенную ярче других хат избу-читальню, для надругательства над культурной работой, для насмешек над комсомолом, для оскорбления девушек. Просто для уничтожения газет и книг. Наконец, для выслеживания и избиения селькора. Хулиганство чудовищно быстро прогрессирует. Культурно-просветительная работа на селе в опасности».³

Да, собственно, и в городских рабочих клубах хулиганье вело себя сходным образом. Например, клубу Рабочего городка (Ростов-на-Дону) тоже приходилось нелегко: «из балки по субботам приходят пьяные ватаги и лезут в единственный «очаг культу-

¹ Шрам Зах. Хулиганье // Молот. 1926. 24 марта.

² Там же.

³ Шрам Зах. Хулиганье // Молот. 1926. 24 марта.

ры». «Очаг» трещит, летят на землю ставни, звенят стекла. Хулиганье орет, хватает камни и лезет в драку».¹

Как сельские, так и городские жители настоятельно просили органы власти пресечь распространение хулиганства. Как отмечали составители сводок крестьянских писем для ЦК ВКП(б) в конце 1927 – начале 1928 гг., «бросается в глаза масса заметок о хулиганстве и в каждой заметке просьба с мест принять меры против хулиганов».²

Нельзя сказать, что советская правоохранительная система не пыталась оградить население от хулиганствующих элементов. Однако советская юстиция была нацелена на первоочередную защиту интересов государства, а не общества. Хулиганы же представляли непосредственную угрозу не государству, а обществу и частным лицам, в связи с чем законодатель не рассматривал их как объект суровых репрессий и предусматривал довольно либеральные меры: как правило, штрафы и принудительные работы. Реже применялось тюремное заключение,³ изредка, – смертная казнь за тяжкие или слишком уж вызывающие преступления (как в случае с печально знаменитой «чубаровщиной»,⁴ – групповым изнасилованием, шесть участников которого были расстреляны).

Сельские жители выражали полное одобрение относительно суровым приговорам хулиганам, но возмущались излишней, по их

¹ Нестор. В Рабочем городке // Молот. 1928. 18 февраля.

² РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 95, л. 5об.

³ Так, в марте 1928 г. Терской сессией Северо-Кавказского крайсуда были приговорены к 6 месяцам тюрьмы 19-летние хулиганы Базаров, Сычев и Волгаев, устраивавшие дебоши и скандалы в избе-читальне и комсомольском клубе Ново-Пятигорска (Отовсюду // Молот. 1926. 28 марта).

⁴ «Чубаровщина» – распространенная в 1920-е гг. практика группового изнасилования. Нарцательный термин появился по названию Чубаровского переуллка на Лиговке в Ленинграде, где в 1926 г. приехавшую работать на завод 20-летнюю крестьянку Любу Белякову насильовала целая банда молодых, так называемых, представителей рабочего класса, – около 40 (!) комсомольцев, кандидатов в члены ВКП(б) и коммунистов. Садистское отношение к женщине тогда пропагандировалось «Комсомольской правдой»: «Женщина – не человек, а всего лишь самка. Каждая женщина – девка, с которой можно обходиться, как вздумается. Ее жизнь стоит не больше, чем она получает за половое сношение» (Комсомольская правда. 1926. 18 декабря).

мнению, мягкостью советской Фемиды. В письмах, направляемых в органы власти, крестьяне требовательно заявляли: «за хулиганство судят не так, как нужно, почему хулиганство не прекращается, да потому, что судьи в большинстве выносят условные приговоры. Нужен более строгий суд в борьбе с хулиганством».¹ Автор уже цитированной выше публикации о проделках хулиганья в селах Азовского района справедливо писал: «на штрафах, взыскиваемых через полгода, далеко не уедешь. Принудительные работы – *авт.*) хулиганов не протрезвит. Исправдом и высылка, срочный и показательный разбор дел – вот необходимые меры против распоясавшихся хулиганов».²

В ряде случаев, жители и администрация сельских населенных пунктов ходатайствовали перед вышестоящим начальством о примерном наказании для хулиганов, а среди наиболее действенных мер называли высылку таковых куда-нибудь подальше. Так, в мае 1925 г. граждане станицы Ольгинской на собрании постановили просить Батайский райисполком о выселении в Нарымский край «бандита-хулигана» В.М. Зубова, «который приносит большой ущерб для станицы путем ограблений и хулиганства и т.д. [и] неоднократно был по[д] судом СССР за грабеж». В отношении еще четырех подобных экземпляров было решено «вынести строгий выговор с предупреждением, что в случае повторения подобного рода явлений» их тоже выселят.³

Документы молчат о том, удовлетворил ли Батайский райисполком это ходатайство. Однако с большой долей уверенности можно говорить о том, что положительное решение вынесено не было. Такой вывод напрашивается по той причине, что через пять месяцев – в октябре 1925 г. – члены Ольгинского станичного совета постановили: «в виду того, что хулиганство в станице при-

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 95, л. 5об.

² Шрам Зах. Хулиганье // Молот. 1926. 24 марта.

³ ГА РО, ф. р-1198, оп. 1, д. 51, л. 13 – 13об.

няло широкие размеры [необходимо] просить РИК (райисполком – *авт.*) разрешить за появление в пьяном виде и хулиганство в общественных местах налагать [на виновных] штраф в сумме 3 рублей или налагать арест на 3 суток... Взыскиваемые средства передавать в доход с/совета. Наблюдение за выполнением просить адм[инистративный]. отдел возложить на милиционера».¹ Но, опять-таки, мы не располагаем данными о том, получил ли Ольгинский стансовет возможность реализовать это решение.

В конечном итоге, мягкотелость советской юстиции в отношении лиц, не угрожавших непосредственно государству, вышла сельскому (да и, городскому) социуму боком. На всем протяжении 1920-х гг. современники в один голос жаловались, что хулиганство «не убавляется, а процветает»,² «хулиганство, пьянка все усиливаются».³ Хулиган представлял собой отвратительную, но неустранимую фигуру и повседневности, и сферы праздного времяпрепровождения в городах и селах СССР. Такой же вывод следует сделать и в отношении пьянства. Тем самым, перечисленные социальные девиации сохранялись в сфере сельского досуга на Юге России от начала и до конца 1920-х гг., деформируя эту сферу и препятствуя ее развитию.

¹ ГА РО, ф. р-1198, оп. 1, д. 50, л. 2 – 2об.

² ЦДНИ РО, ф. 36, оп. 1, д. 9, л. 24.

³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 95, л. 6.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение нашей работы представляется возможным констатировать, что осуществлявшаяся в 1920-х гг. на Юге России советская модернизация сельской повседневности и, в том числе, праздничной культуры и досуга южно-российского крестьянства, не имела всеобъемлющего характера и не достигла той степени радикализма, каковую она приобрела впоследствии, в условиях сплошной форсированной коллективизации. Ведущими причинами относительной замедленности и узости преобразований в сфере праздника и досуга в советской деревне (в том числе, в селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополья) в 1920-х гг. выступали не только очевидный дефицит государственных ресурсов и традиционализм сельского населения. Следует также принять во внимание недостаточно плотный административный контроль большевистского режима над крестьянством, что являлось одной из отличительных черт эпохи нэпа и было прямым следствием Гражданской войны, в ходе которой российские аграрии сумели продемонстрировать коммунистам мощь своей социальной группы и заставили власть с собой считаться.

Самое же важное, — это объективно обусловленная и многократно подтвержденная отечественной и мировой практикой невозможность осуществления глубоких последовательных трансформаций огромного массива многообразных компонентов культуры и быта в исторически мизерные сроки, каким бы политическим режимом эти трансформации не были инициированы. Даже к исходу 1920-х гг. срок существования советской власти в России был чрезвычайно мал, насчитывая менее пятнадцати лет. В общественно-политическом плане это солидный отрезок времени, так как в его рамках вполне возможны смены правительств или режимов, серьезные административные реформы, и т.д.; но, его явно недостаточно для коренных изменений традиционной

культуры и мощнейших пластов повседневности. Так что, даже если отбросить все вышеперечисленные факторы, тормозившие процессы модернизации культурно-бытовой сферы российской деревни в эпоху нэпа, следует признать: в рассматриваемый исторический период большевики просто не имели запаса времени, достаточного для коренных преобразований столь сложного объекта, как сфера крестьянской культуры и быта и, в частности, ее компонентов, – праздника и досуга.

Вместе с тем, в 1920-х гг. партийно-советские структуры РСФСР и СССР никоим образом не являлись пассивными созерцателями сельской действительности и, вопреки неблагоприятным условиям, немало сделали для преобразования повседневной жизни российского крестьянства в соответствии с коммунистической доктриной. На протяжении эпохи нэпа культурно-бытовые новации в советской доколхозной деревне множились, хотя и не превалировали над традиционными элементами жизни и деятельности крестьянства. По этому поводу современники совершенно справедливо замечали, что «у нас за годы революции деревня изменилась и изменяется. Много, конечно, есть старого, но все же это старое подточено».¹ Сфера досуга и праздника в селах и станицах Дона, Кубани, Ставрополья не являлась исключением, а подтверждала общее правило.

Даже к исходу 1920-х гг. большевикам не удалось не только полностью ликвидировать, но даже серьезно поколебать традиционные основы крестьянской праздничной культуры, каковыми выступали как христианство, так и реликты дохристианских языческих верований. Несмотря на заметный рост в крестьянской среде антиклерикализма и антирелигиозности, доколхозная деревня продолжала широко отмечать связанные с православным церковным календарем праздники. Советская власть не только не смогла отучить крестьян от этой привычки, но даже, – на некото-

¹ РГАЭ, ф. 396, оп. 6, д. 42, л. 11.

рое время, – признала ряд этих праздников (Крещение, Пасха, Рождество и др.), хотя и боролась с их религиозным наполнением. В значительной мере, традиционными оставались и сельские методики празднования торжественных дат, включавшие в себя крестный ход, молебны, колядки, гадания, широкие застолья с употреблением спиртных напитков, и т.п.

Но, наряду с церковными праздниками, в деревне постепенно множилась численность сторонников революционных торжественных дат, хотя происходило это не столь быстро, как хотелось бы большевикам (к тому же, немало крестьян одинаково усердно и с равным удовольствием отмечали и старые, и новые празднества). При всем желании советской власти, насаждаемые ею новые торжества и новые торжественные обряды просто не могли вытеснить традиционную праздничную культуру в доколхозной деревне за исторически мизерный период времени. Вместе с тем, в определенной мере, ускоренной советизации праздничной культуры крестьянства в 1920-х гг., как в целом по СССР, так и на Юге России, препятствовала изначальная политизация революционных торжеств, – бесконечные митинги, шествия, выдержанная в духе «классовой борьбы» риторика и пр. Все это вызывало отчуждение определенной части сельского населения, особенно представителей зажиточных слоев деревни, которые расценивались партийно-советским руководством как «классово-чуждые» элементы, обреченные на неизбежную ликвидацию по мере победного шествия социализма.

Резюмируя изложенные в нашем исследовании суждения и выводы о трансформациях сельского досуга на Юге России на протяжении 1920-х гг., следует подчеркнуть, что здесь также наблюдалось сочетание традиций и новаций. Партийно-советские органы власти настойчиво проводили советизацию не только праздничной культуры, но и досуга российского (в том числе, донского, кубанского, ставропольского) крестьянства, опираясь

на деревенских коммунистов и комсомольцев, беспартийных активистов, интеллигенцию. Центрами нового досуга на селе мыслились Дома культуры, народные дома, библиотеки, разного рода кружки и уголки и, в особенности, – избы-читальни как наиболее массовые культурно-просветительные учреждения. Несмотря на замедленность формирования и проблемы с организацией эффективного функционирования перечисленных сельских культурно-просветительных центров, они сыграли заметную роль в советской модернизации крестьянского досуга.

Анализ многообразных источников позволяет прийти к выводу о том, что в реализации задачи советизации сферы досуга в деревне большевики добились более весомых успехов, чем в деле преобразований праздничной культуры. Хотя традиции праздного времяпрепровождения в деревне, зачастую, превалировали над новациями (что находило выражение в сохранении посиделок, гулянок, пьянства и т.п.), последние достаточно быстро укрепили свои позиции на селе и нашли множество приверженцев. Партийно-советские работники уделяли наиболее пристальное внимание насаждению в деревне культуры чтения, поскольку периодика и литература рассматривались ими не только как средство досуга, но и мощный инструмент пропаганды. По сравнению с досоветским периодом, объем поступавших в деревню книг заметно возрос, что, вкупе с масштабной ликвидацией неграмотности, способствовало превращению чтения в одну из распространенных практик отдыха от трудовых будней.

В особенности, крестьянству Дона, Кубани и Ставрополя полюбилось ранее неизвестное в деревне кино, которое большевистские идеологи справедливо считали весьма эффективным средством пропаганды и агитации и с максимальной активностью продвигали в сельскую местность (правда, агитационные советские картины заметно проигрывали в зрительских симпатиях развлекательным зарубежным фильмам). В рассматриваемый пери-

од, в селах и станицах Юга России насчитывалось сравнительно немного стационарных кинотеатров, но эту нишу довольно успешно заполняли кинопередвижки. Среди других технических средств досуга популярностью пользовалось радио. Крестьянские симпатии вызвали и театральные постановки, проводившиеся на сельских подмостках, как самодеятельными деревенскими коллективами, так и профессиональными труппами.

Определенное распространение в южно-российских селах и станицах в 1920-х гг. получили и такие новые формы досуга, как физкультура, спорт, санаторно-курортный отдых. Нет никаких оснований преувеличивать значение для жителей доколхозной деревни указанных практик праздного времяпрепровождения: они отличались весьма скромными масштабами. Тем не менее, и спорт (особенно футбол), и курорты заняли свою нишу в методиках сельского досуга в рассматриваемый период времени.

Грандиозные социальные потрясения, – революции, Гражданская война, радикальные эксперименты большевистского режима, – оказали свое негативное влияние и на сферу деревенского досуга, прямо или косвенно стимулировав распространение различных социальных девиаций, особенно пьянства, случайных половых связей, хулиганства. Несмотря на все усилия сельской общественности и представителей партийно-советских властных структур, преодолеть эти негативные явления не удалось даже к исходу 1920-х гг., а последовавший в конце десятилетия «великий перелом» еще более усугубил ситуацию. В целом, однако, представляется возможным говорить о позитивном значении инициатив советской власти по преобразованию в 1920-х гг. праздничной культуры и досуга российского крестьянства, в том числе, – жителей сел и станиц Дона, Кубани, Ставрополья.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Очерк первый.</i> Преобразование традиционной праздничной культуры в селах и станицах Юга России в 1920-х гг.....	18
<i>Очерк второй.</i> Советский праздник в деревне в эпоху нэпа.....	53
<i>Очерк третий.</i> Направления и средства модернизации крестьянского досуга на Юге России в 1920-х гг.....	90
<i>Очерк четвертый.</i> Новации в сфере сельского досуга на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920-х гг.	127
<i>Очерк пятый.</i> Курорты и спорт как способы досуга южно-российского крестьянства.....	170
<i>Очерк шестой.</i> Социальные девиации в сфере досуга донских, кубанских, ставропольских крестьян в эпоху нэпа.....	203
Заключение	234

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Багдасарян Сусанна Джамиловна (1973 г.р.), историк, правовед. Кандидат исторических наук (2002). Доцент (2007). Ныне – доцент кафедры теории и истории государства и права Сочинского государственного университета. Специализируется в области истории крестьянства Юга России 1920-х годов. Автор свыше 60 научных публикаций. С 2010 г. соискатель кафедры теории государства и права и отечественной истории ЮРГТУ(НПИ). Научный консультант – профессор Скорик Александр Павлович.

Скорик Александр Павлович (1959 г.р.), историк, философ, правовед. Доктор исторических наук (2009). Доктор философских наук (2002). Профессор по кафедре истории Отечества и кавказоведения (2003). Специалист в области истории и культуры казачества Юга России. Ныне – заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Автор свыше 550 научных публикаций.

Научное издание

Багдасарян Сусанна Джамиловна
Скорик Александр Павлович

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЭПОХИ НЭПА: досуг и праздник в южно-российской деревне 1920-х годов

Монография

Технический редактор *О.В. Романова*

Подписано в печать 28.06.2012.

Формат 60 x 84 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ № 47-2267.

Южно-Российский государственный технический университет
(Новочеркасский политехнический институт)
346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132.

Издательство ООО «Лик»
346400, ул. Красноармейская, 18, тел.: 8-918-518-04-29

Отпечатано в Издательско-полиграфическом
комплексе «Колорит»
346430, г. Новочеркасск, пр. Платовский, 82Е,
тел.: 8-918-518-04-29, 8-952-603-0-609, e-mail: center-op@mail.ru